

*- Давайте
полностью
разоружаться!*

Н.С. Хрущёв

ОГОНЁК

45 НОЯБРЬ 1959

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Вашингтон. Глава Советского правительства Н. С. Хрущев прибыл в Белый дом.

На первой странице обложки: Выступление Председателя Совета Министров СССР Н. С. Хрущева на XIV сессии Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций 18 сентября 1959 года.

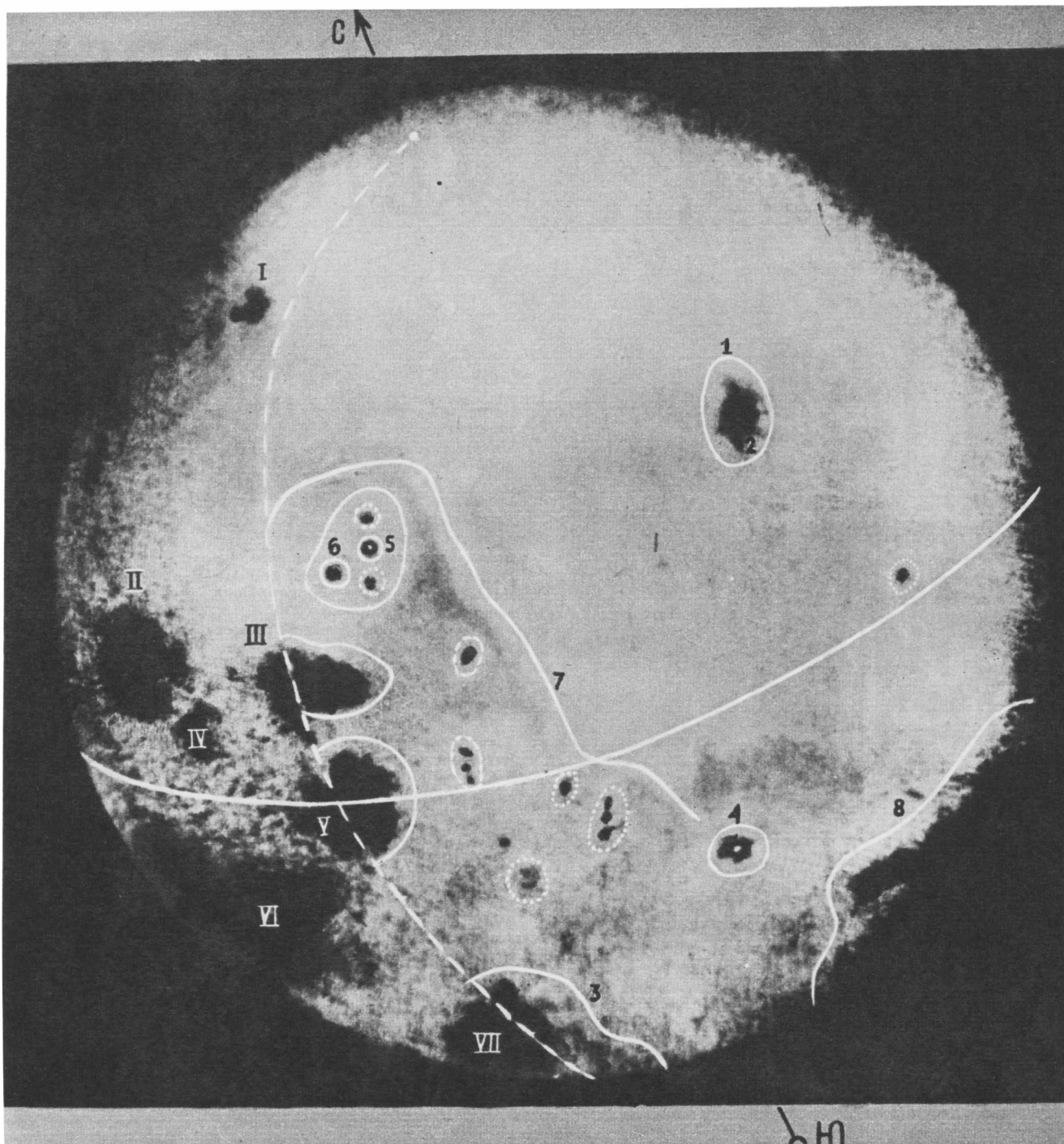
Фото А. Новикова.

На последней странице обложки: Женское первенство мира по баскетболу. Играют команды СССР и Польши.

Фото Э. Давтяна и О. Неелова.

Раскрыта еще одна тайна вселенной

Специальная комиссия Академии наук СССР утвердила наименования достоверно установленных образований на обратной стороне Луны, невидимой с Земли.

На снимке показано распределение объектов на невидимой с Земли стороне Луны, выявленных при предварительной обработке фотографий, полученных с борта автоматической межпланетной станции: 1. Большое кратерное море диаметром 300 км — море Москвы; 2. Залив Астронавтов в море Москвы; 3. Продолжение Южного моря на обратной стороне Луны; 4. Кратер с центральной горкой — Циолковский; 5. Кратер с центральной горкой — Ломоносов; 6. Кратер — Жолио-Кюри; 7. Горный хребет — Советский; 8. Море Мечты. Сплошная линия, пересекающая

схему, — лунный экватор; пунктирная линия — граница видимой и невидимой с Земли частей Луны. Сплошной линией обведены объекты, достоверно установленные при предварительной обработке; пунктирной линией обведены объекты, требующие уточнения формы; точками окружены объекты, классификация которых уточняется; в остальной части — производится дальнейшая обработка полученных фотоматериалов. Римскими цифрами обозначены объекты видимой части Луны: I — море Гумбольдта; II — море Кризисов; III — море Краевое, имеющее продолжение на невидимой части Луны; IV — море Волн; V — море Смита, имеющее продолжение на невидимой части Луны; VI — море Плодородия; VII — море Южное, имеющее продолжение на невидимой части Луны.

С БОРТА АВТОМАТИЧЕСКОЙ МЕЖПЛАНЕТНОЙ СТАНЦИИ ПОЛУЧЕНЫ ИЗОБРАЖЕНИЯ НЕДОСТУПНОЙ ДО СИХ ПОР ИССЛЕДОВАНИЯМ НЕВИДИМОЙ С ЗЕМЛИ ЧАСТИ ЛУНЫ.

ФОТОГРАФИРОВАНИЕ ЛУНЫ ПРОДОЛЖАЛОСЬ ОКОЛО 40 МИНУТ.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

45 (1690)

1 НОЯБРЯ 1959

37-й год издания

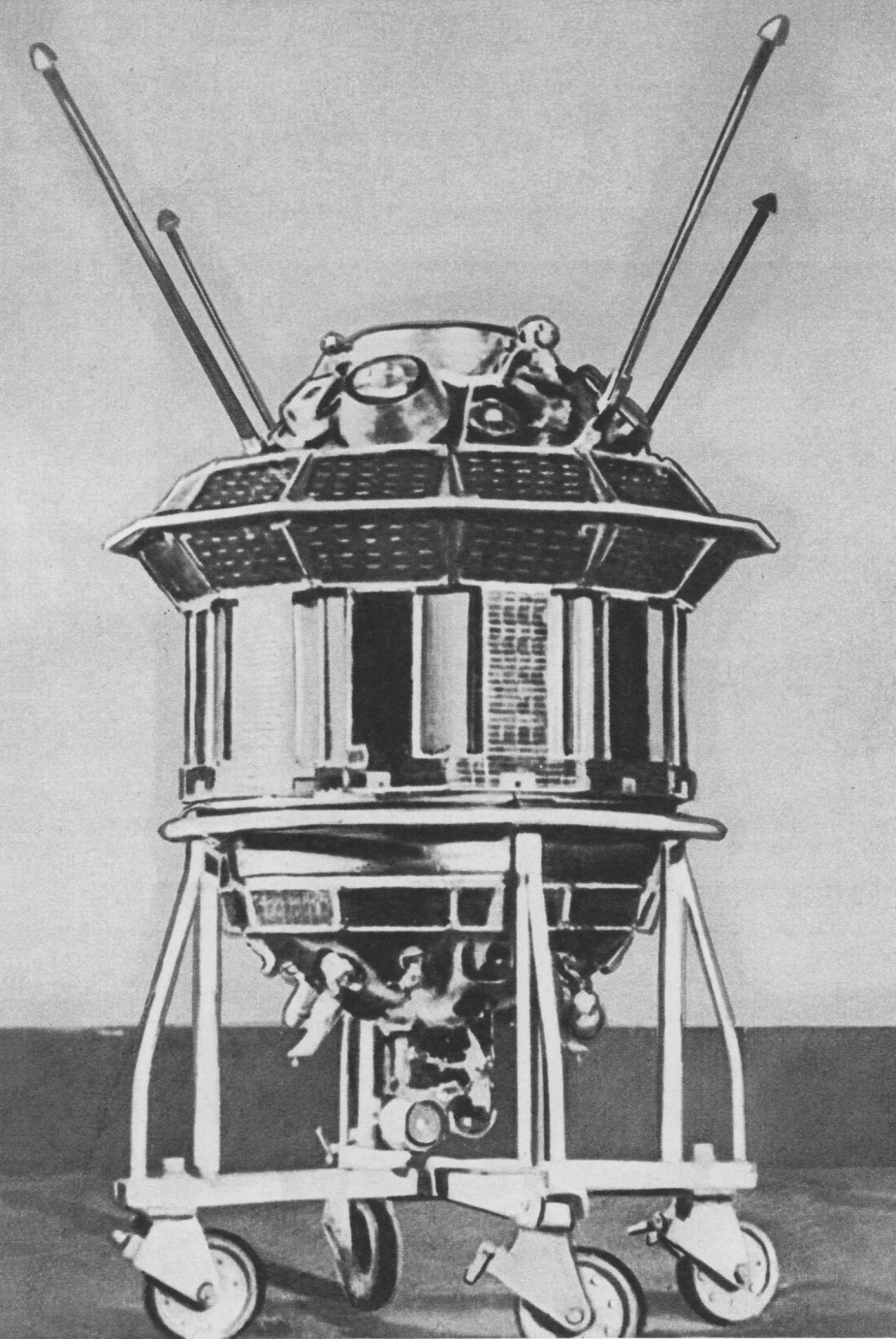
ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО - ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХОУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

ПЕРЕДАЧА ТЕЛЕВИЗИОННЫХ ИЗОБРАЖЕНИЙ ОСУЩЕСТВЛЕНА НА КОСМИЧЕСКИХ РАССТОЯНИЯХ.

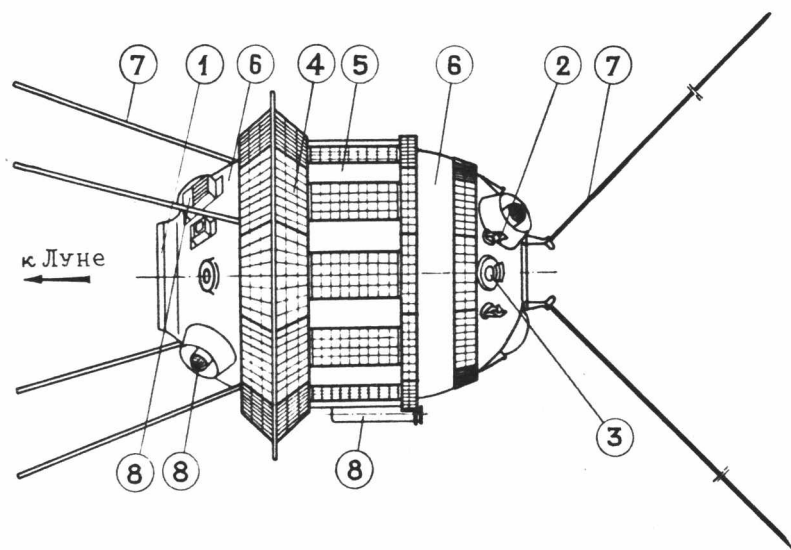
АВТОМАТИЧЕСКАЯ МЕЖПЛАНЕТНАЯ СТАНЦИЯ ПРОДОЛЖАЕТ ПОЛЕТ В КОСМИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ.

ЧЕЛОВЕК, АВТОМАТИКА И ЛУНА

Автоматическая межпланетная станция на монтажной тележке (фотография).

Общий вид автоматической межпланетной станции (схема): 1. Иллюминатор для фотографических аппаратов; 2. Двигатель системы ориентации; 3. Солнечный датчик; 4. Сенция солнечной батареи; 5. Жалюзи системы терморегулирования; 6. Тепловые экраны; 7. Антенны; 8. Приборы для научных исследований.

— Когда вы думаете забросить человека на Луну? — спросили у Никиты Сергеевича Хрущева во время его поездки в США.

— Забрасывать человека мы не собираемся потому, что мы высоко ценим человека... — спокойно ответил Никита Сергеевич. — Человека в космос мы пошлем тогда, когда будут созданы необходимые технические условия. Пока таких условий еще нет.

И впрямь в зарубежной прессе так настойчиво ведутся разговоры о посылке в космос человека, будто единственно для этого мы и изучаем космическое пространство.

— Каковы же методы и цели изучения космоса?

С этим вопросом обратился наш корреспондент к доктору технических наук, профессору К. П. Станюковичу.

— В будущем роль искусственных спутников и ракет, роль электронных механизмов при изучении космоса не только не снизится, а будет неуклонно возрастать, — сказал профессор Станюкович.

Давайте серьезно задумаемся в этот вопрос. На Земле мы почти везде стремимся облегчить труд человека «умными» механизмами, автоматами, поручаем им самые опасные, сложные и тонкие работы. Почему же при изучении космоса мы должны стремиться к противоположному?

Ведь электронные механизмы, посланные советским человеком в космос, блестяще справляются со своими задачами. Яркий пример этого — фотографирование Луны и передача изображения на расстояние в сотни тысяч километров.

Несомненно, через некоторое время ракеты будут садиться на Луну. И надо очень хорошо знать участок лунной поверхности, где произвести прилунение.

Луну постоянно бомбардируют железные и каменные метеориты. Представьте себе, что ракета садится на Луну и... глубоко проваливается в пыль и шлак. Значит, для прилунения надо выбирать участок более молодых образований, где слой шлака и пыли не так велик.

Сейчас наука и техника шагнули так далеко вперед, что мы можем говорить об изучении Луны радиометодами.

Автоматическая межпланетная станция 3-й советской космической ракеты отошла от Земли на 600 тысяч километров, но мы отчетливо слышали ее «голос», который поведал жителям Земли о том, что узнали ее электронные «органы чувств». И самое удиви-

тельное, она «заговорила», только получив соответствующую радиокоманду с Земли. Это произошло впервые в истории развития человечества.

Вы знаете, что советские и американские спутники Земли и ракеты снабжались автоматически действующими радиопередатчиками. Через установленные промежутки времени автомат посылал на Землю сообщения. Спутники досконально изучили свой путь, рассказали много интересного и важного, но постепенно их сообщения потеряли интерес для науки. Однако автомат продолжает посылать на Землю уже никому не нужные сообщения и, мало этого, мешает слушать сигналы других разведчиков космического пространства. Подобная история произошла с американским спутником «Авангард-1». Он оснащен батареями, работающими на солнечной энергии, и настойчиво посылает сигналы на Землю, которые уже никому давно не интересны и мешают американским исследователям принимать сигналы других спутников. «Авангард-1» очень живуч и, вероятно, будет твердить одно и то же, как попугай, почти двести лет, если удары метеоров не прекратят деятельность солнечных батарей.

А наша автоматическая межпланетная станция рапортует, только услышав приказ с Земли. Все управление работой бортовой аппаратуры станции происходит с наземных пунктов по радиолинии, а также автономными программными бортовыми устройствами. Это дает возможность наиболее удобно управлять проведением научных экспериментов и получать информацию с любых участков орбиты в пределах радиовидимости из наземных пунктов наблюдения. Вот вам сказочный, но теперь уже наглядный пример развития радиоэлектроники в нашей стране, явившейся родиной этой науки.

— Что узнали и могут узнать ученые в будущем о Луне с помощью радиометодов?

— Очень много. Определить толщину слоя шлака и пыли на отдельных участках лунной поверхности; выяснить, где находятся области более высокой температуры на Луне, где сохранились хотя бы частичные остатки «вулканической» деятельности; узнать, какова схема магнитного поля Луны (заметного магнитного поля Луна не имеет). И, это уже факт, сфотографировать скрытую от нас часть лунной поверхности.

Во время фотографирования ав-

томатическая станция повернулась как раз так, чтобы лунный диск находился в поле зрения съемочных объективов. Положение межпланетной станции в момент съемки было выбрано с таким расчетом, чтобы она оказалась приблизительно на прямой, соединяющей Солнце и Луну. Во время фотографирования расстояние станции от поверхности Луны достигало 60—70 тысяч километров.

Приборы сами обработали пленки на борту межпланетной станции и передали изображение на Землю, за сотни тысяч километров. Передача изображений на Землю осуществлялась примерно так, как это делается при передаче кинофильмов телевизионными центрами.

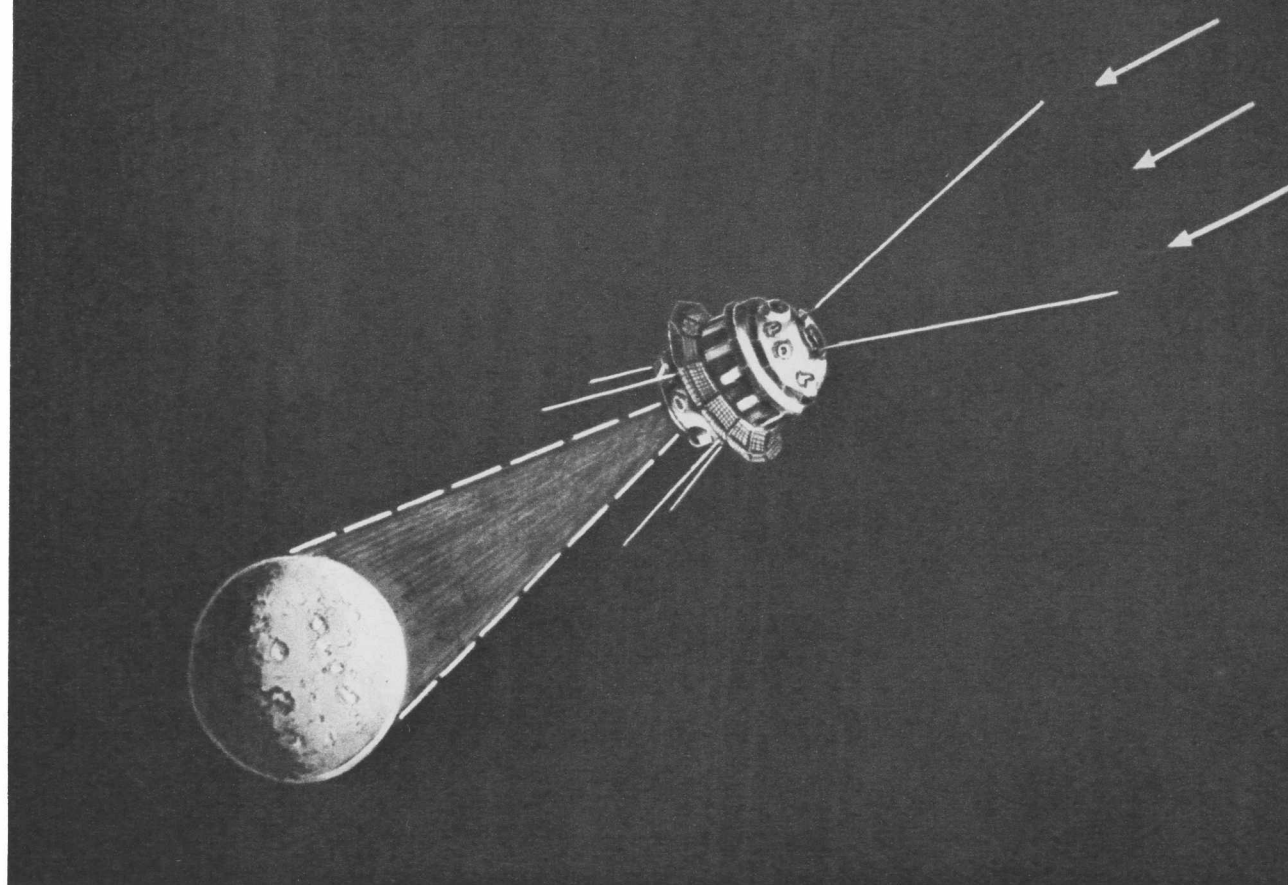
Таким образом, можно сказать, что успешно решена еще одна сложнейшая задача — осуществлена радиотелемеханическая связь и передача телевизионных изображений на космические расстояния.

14 сентября этого года на Луне образовался новый кратер. Он создан не случайно попавшим на Луну метеоритом, а советским «Лунником-2». Ученые всего мира вели наблюдения за районом предполагаемого падения ракеты. Например, венгерский ученый Ловаш наблюдал маленькое темное пятно с координатами 26° с. ш. и 23° з. д.; харьковский астроном Гаража в восьмикратный бинокль наблюдал светлое пятно; Эйгенсон из Львова прислал снимок, где видно темное пятно с координатами 11° с. ш. и 12° з. д., а ученый Колбрук из Англии наблюдал маленькое яркое зеленое пятнышко на северном берегу моря Спокойствия. Как видите, получены разные координаты. Возможно, пятно было облаком, поднятым с поверхности Луны при взрыве, ярко освещенным Солнцем. Затем облако рассеялось и отбросило тень на лунную поверхность. Эту тень наблюдатели и видели как темное пятно.

Сейчас на основании теоретических работ о взрывном действии метеорных ударов, выполненных В. В. Федынским и мной еще в 1947 году, стало возможным определить данные этих различных наблюдений. Вероятно, с еще большим успехом справятся с поисками нового кратера будущие межпланетные станции, способные со своего борта вести фотографирование Луны. Начало такого эксперимента положено. Сделано это научной мыслью и трудом советского человека.

Луна многое поможет узнать человеку. Нет нужды говорить о том, какие огромные возможности откроются перед астрономами. Много интересного можно будет узнать и о коварной звезде — Солнце, изучить периоды его опасной деятельности. Этим летом, например, взрывы на Солнце вызвали сильнейшие магнитные бури, и на Земле в некоторых местах даже прервалась радиосвязь. Поверхности Луны не сглажена воздухом, и геологи на примере Луны смогут лучше понять строение нашей Земли, узнать строение других планет.

Сослужит службу Луна и физикам. Они смогут изучать тут космические частицы. Ведь они доходят до Луны не искаженными ни магнитным полем, ни атмосферой. И все это позволит нам лучше изучить нашу родную Землю, использовать ее богатства, полнее подчинить себе природу.

Положение автоматической межпланетной станции в пространстве при фотографировании обратной стороны Луны (стрелки справа показывают направление лучей Солнца).

НЕВИДИМАЯ С ЗЕМЛИ СТОРОНА...

Период вращения Луны вокруг собственной оси точно совпадает с периодом обращения ее вокруг Земли. Поэтому для наблюдений с Земли недоступно около 40 процентов лунной поверхности. А сейчас советский «Лунник-3» сделал человечеству невиданный еще в истории подарок: фотоаппараты, установленные на борту советской межпланетной автоматической станции, «увидели» и сфотографировали никогда не наблюдавшуюся ранее сторону Луны!

Научное значение этого выдающегося достижения следует оценить с двух точек зрения: с точки зрения нового в методике астрономических наблюдений, которое внесла межпланетная автоматическая станция, и с точки зрения новых данных для изучения Луны.

Чтобы решить подобную задачу, потребовалось преодолеть очень серьезные трудности. В первую очередь надо отметить сложную проблему выведения космической ракеты на такую орбиту, следуя по которой она облетела Луну и, возвращаясь, прошла на относительно близком расстоянии от Земли. Решение этой астронавигационной проблемы требует очень большой точности в задании движения ракеты. При фотографировании и обработке фотографий, помимо полной автоматизации, надо было учесть и ряд специфических для работы в космических условиях особенностей. Например, потребовалась надежная защита фотоматериалов от действия космических излучений.

Для фотографирования Луны пришлось разработать систему, которая обеспечила постоянную ориентацию автоматической межпланетной станции во время фотографирования и наведения фотоаппаратов на Луну. Наконец,

впервые была осуществлена передача изображения на расстояние почти в полмиллиона километров. Таким образом, фотография невидимой с Земли стороны Луны была получена в результате успешного решения целого комплекса сложных научных и технических задач.

Автоматическая межпланетная станция представляет собой первую в мире астрономическую обсерваторию в космосе, и эта обсерватория провела свою работу успешно. Можно полагать, что в дальнейшем будут строиться более сложные космические обсерватории для исследования Марса, Венеры и других планет, причем можно будет получать сведения не только о физических характеристиках межпланетной среды и небесных светил но и фотографии небесных тел с относительно близкого расстояния.

Заглянуть на ту сторону Луны еще никому не удавалось. Это сделал «Лунник-3». Луна сфотографирована, изображение передано на Землю.

Эта новая информация о лунном рельефе сильно расширяет знания о нашей спутнице. На многочисленных кадрах, полученных автоматической межпланетной станцией, можно увидеть много интересных деталей, никогда не видных с Земли.

О существенных отличиях в строении невидимой части лунной поверхности от той, что нам уже известна, говорить не приходится. Но на имеющихся снимках преобладают горные районы и меньше морей, подобных тем, что мы встречаем на видимой с Земли стороне Луны.

Особенно типичными формами лунного рельефа являются кратеры. Они представляют собой коль-

цевые горы с относительно ровной площадкой в средней части. В центре кратера иногда имеется центральная горка. Наиболее крупные кратеры, неизвестные до этого времени, получили названия Циолковский, Ломоносов, Жюлио-Кюри. Среди новых горных цепей выделяется хребет Советский.

К самым выдающимся деталям невидимой стороны относятся кратерное море диаметром 300 километров — море Москвы с заливом Астронавтов — и получившее поэтическое название море Мечты.

На фотографиях мы видим и уже знакомую нам часть лунной поверхности. Это дает возможность связать никогда не наблюдавшиеся раньше объекты с известными и, таким образом, определить их селенографические координаты.

Узнали мы истинные формы и некоторых объектов лунной поверхности, видимых с Земли, например, моря Гумбольдта, моря Кризисов, Краевого моря, моря Смита, Южного моря.

Надо сказать, что условия съемки были невыгодными, так как для ракеты Луна была «полной», а в этой фазе контраст деталей очень мал. Поэтому были приняты меры для увеличения контраста изображения и передачи малоконтрастных деталей.

Фотографии невидимой стороны Луны — самый блестящий космический эксперимент нашей эпохи. Он является гордостью советской науки. Этот эксперимент представляет собой важный этап в научном освоении космоса.

В. МОРОЗ,
кандидат физико-математических наук, научный сотрудник Астрономического института имени П. К. Штернберга.

СЕССИЯ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

Со всех концов нашей необъятной Родины съехались в столицу народные избранники. 27 октября в Кремле открылась третья сессия Верховного Совета СССР пятого созыва.

На совместном заседании Совета Союза и Совета Национальностей были заслушаны доклады заместителя Председателя Совета Министров СССР, председателя Госплана СССР, депутата А. Н. Косыгина о плане развития народного хозяйства СССР на 1960 год и заместителя министра финансов СССР В. Ф. Гарбузова о государственном бюджете СССР на 1960 год и об исполнении государственного бюджета за 1958 год.

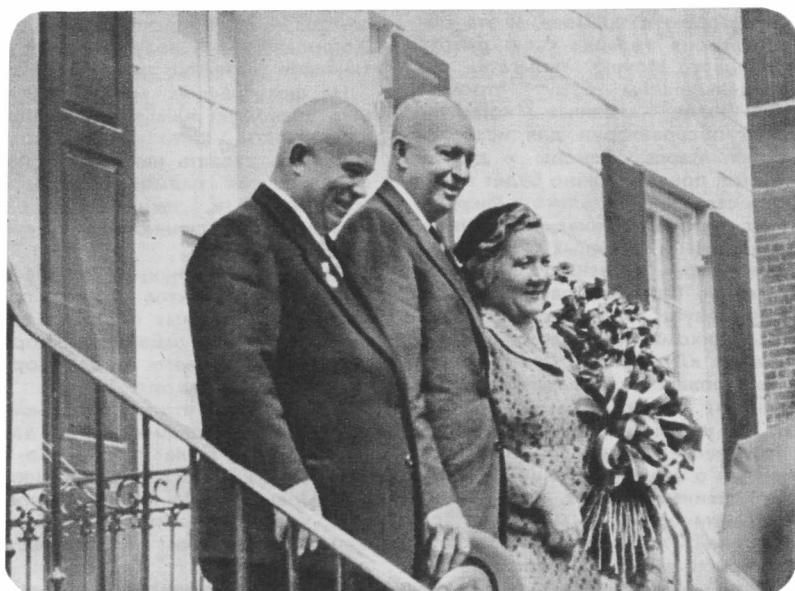
На отдельных заседаниях Совет Союза и Совет Национальностей заслушали доклады председателей бюджетных комиссий и Экономической комиссии Совета Национальностей.

В повестку дня сессии Верховного Совета СССР включены вопросы:

- о проекте Закона о бюджетных правах Союза ССР и союзных республик;
- о проекте Закона о порядке отзыва депутата Верховного Совета Союза ССР;
- о международном положении и внешней политике Советского Союза;
- об утверждении Указов Президиума Верховного Совета Союза ССР.

На снимке: заседание третьей сессии Верховного Совета СССР пятого созыва. На трибуне — заместитель Председателя Совета Министров СССР, председатель Госплана СССР А. Н. Косыгин.

Фото А. Новикова.

ФИЛЬМ О ВИЗИТЕ Н. С. ХРУЩЕВА

В кинотеатрах страны демонстрируется фильм «Н. С. Хрущев в Америке». Фильм ярко запечатлел благородную миссию мира и дружбы, осуществленную Никитой Сергеевичем Хрущевым. В течение всего сеанса зрители с неослабным вниманием следят за незабываемыми событиями, которые происходили в течение тринадцати дней.

На снимках: кадры из фильма «Н. С. Хрущев в Америке».

КРЕМЛЬ — КАПИТОЛИЙ

Министерство связи СССР выпустило почтовую марку, посвященную исторической поездке Н. С. Хрущева в Соединенные Штаты. На правой стороне марки изображен Московский Кремль, на левой — Капитолий в Вашингтоне. В центре, над куполом земного шара, крупным планом надпись: «Визит Н. С. Хрущева в США 15 сентября 1959 г.». Марка символизирует идею, завоевавшую сердца миллионов, — идею мирного сосуществования.

СОСЕДИ ЖИВУТ В ДРУЖБЕ

После подписания советско-финляндского торгового соглашения на 1961—1965 годы.

Советский Союз и Финляндия — хорошие соседи и хорошие друзья. Об этом убедительно говорил каждый день пребывания в Финляндии первого заместителя Председателя Совета Министров СССР А. И. Микояна, который посетил Финляндию по приглашению ее правительства.

В Хельсинки А. И. Микоян присутствовал при подписании советско-финляндского долгосрочного торгового соглашения и по поручению Правительства СССР открыл в столице Финляндии Советскую промышленную выставку.

Во время своего визита советский гость побывал на нескольких промышленных предприятиях. Много было встреч у А. И. Микояна в Финляндии. На завтраке в советском посольстве в Хельсинки А. И. Микоян так говорил о них: «Наши беседы с различными финскими людьми, начиная с представителей высокого ранга до простых рабочих, инженеров, подтверждают, насколько прочна наша дружба».

Стремление к дружбе и сотрудничеству одинаково сильно и у советского народа и у народа Финляндии. Поэтому отношения между нашими странами, как показал визит товарища А. И. Микояна, становятся крепче, сердечнее.

Фото финских фотокорреспондентов
Юрьё и Олли Линтунен.

На Советской промышленной выставке в Хельсинки. В первом ряду (слева направо): министр торговли и промышленности Финляндии А. Карьялайнен, А. И. Микоян, премьер-министр Финляндии В. Сунсалайнен, президент Финляндской Республики У. К. Рекконен.

В универсальном магазине в Хельсинки.

Рабочие верфи «Хиеталаhti» преподносят А. И. Микояну финский народный музыкальный инструмент — кантеле.

— Как бы ей угодить...

Столько чудесных колец...

Я. МИЛЕЦКИЙ

Фото Риммы ЛИХАЧ.

Если считать, что каждый кассовый чек означает покупку подарка, то столичный магазин «Подарки» доставляет ежедневно радость многим тысячам женщин и мужчин.

Не нужно гадать, по какому поводу делаются преподношения, какие человеческие радости приводят покупателей в этот блестящий двухэтажный магазин, особенно популярный в канун больших советских праздников. Специальные поздравительные карточки с золотым ободком припасены на все случаи жизни. Их много. Свадьбы простые, серебряные, золотые. Дни рождения, дни юбилеев. Рождение сына, рождение дочери. Получение аттестата зрелости, окончание института. Новоселья, новоселья без конца! Все эти поздравительные карточки были заказаны определенными тиражами, но жизнь внесла в них свои поправки. Давно израсходованы те, что поздравляют со свадьбами обычными и серебряными, остались только для золотых: их маловато. Пятидесятилетние и семидесятилетние почему-то чаще справляют свои юбилеи: их карточек не хватает, а для шестидесятилетних осталась целая пачка. И, разумеется, не сохранилось и следа от карточек, поздравляющих с обычным днем рождения и с новосельем. Их приходится заказывать двойными и тройными тиражами...

Выбрать подарок — дело нелегкое. Люди ходят с сосредоточенными лицами от прилавка к при-

часами и выбрала дорогие, красивые наручные часы. Она советовалась с продавщицей, другими покупателями. Ей так хотелось, чтобы часы доставили радость тому, для кого они покупались!

— Вы говорите, хорошие? — снова и снова спрашивала она. — Ему семьдесят, подойдут ли?

— Отличный подарок!

У гравера, куда она отнесла часы, мы узнали, что коллектив учителей школы при 1-й городской туберкулезной больнице в Мытищах готовит подарок учителю географии Антону Сергеевичу Козьмину в день его семидесятилетия.

И мы тоже попросили горячо поздравить юбиляра...

Теперь к граверу подошел средних лет мужчина. Он купил хрустальный графин для воды и стаканы к нему.

— Какую сделаем надпись?

— Давайте попроще: «Дорогой маме в день рождения».

— Счастливы вы! — не удержался гравер. — Укажем, сколько ей лет?

— Что вы! Женщина всегда остается женщиной!

И действительно, в подарки, предназначенные женщинам, почти никогда не вкладываются поздравительные карточки с обозначением возраста, если юбиляру больше двадцати лет...

А вот в руках у гравера еще подарок. Это всего-навсего скромная пудреница, но о ней стоит рассказать.

В большой комнате студенческого общежития Московского инженерно-экономического института живут семь подружек, и среди них польская девушка, студентка пятого курса Фреда Мазярка. Ну, конечно же, девушки очень дружат и аккуратно отмечают день рождения каждой. И дарят друг другу подарки. Эта пудреница — для Фреды.

— По правде говоря, — признается одна из подружек, — день рождения Фреды будет только летом. Но она уже на пятом курсе и к тому времени уедет, окончив институт. Что же, оставить ее без подарка? Пусть месяц и другой, а мы все-таки решили поздравить Фреду семнадцатого числа.

Работники магазина, люди многоопытные в житейских делах, строго-настрого предупредили меня, что не о всяком подарке можно писать.

— Бывают и «секретные» подарки, — многозначительно намекали они. — Лучше уж спросить самого покупателя.

Поэтому, когда к прилавку подошла молодая женщина и выложила для упаковки в красивую коробку настольные часы и подстаканник с хрустальным стаканом, я робко спросил:

— Оба подарка одному человеку?

— Конечно, — улынулась она. — Это мужу в день пятидесятилетия.

Гравер вывел на подстаканнике слова: «Коле в день пятидесятилетия. Валя». И я безбоязненно привожу их.

Покупатели все прибывали: рабочий день в магазине был в разгаре. Многие просто заглядывали сюда мимоходом, чтобы посмотреть на новинки или на тех, кто их продает. Много людей толпилось у столов с парфюмерией, и большинство были мужчины. По их улыбкам и веселому говору нельзя было понять, что их привлекло сюда: духи для любимых

Тысячи радостей

лавку, от стола к столу, приглядываясь, присматриваясь, советуясь. У некоторых при этом лица веселые, улыбающиеся, у других недовольные, раздраженные: вот такая напасть свалилась!..

— И что купить, ума не приложу! — жалуется мужчина своей соседке, и голос у него отнюдь не радостный.

Не беспокойтесь, он найдет подарок по вкусу: в магазине продается более десяти тысяч разнообразных вещей!

Вот и эта молодая женщина долго бродила по залу в тяжелом раздумье, разглядывая стеклянные витрины и шкафы. Она остановилась у прилавка с мужскими

женщин или карие глаза молодой продавщицы...

Между тем дежурному администратору принесли несколько денежных переводов. Из Норильска просили отправить на Смоленский бульвар шампанское и торт с надписью кремом: «С днем рождения от северянки». Две хрустальные вазы предстояло отвезти на Нагатинское шоссе Галине Петровне Бычковой. Таков был приказ из Магадана.

Когда я читал благодарственные письма работникам магазина, раздался телефонный звонок. Администратор взял трубку.

— Почему мне не привезли вчера подарка? — раздался раздраженный женский голос.

— По какому адресу? — встревожился администратор. Он раскрыл книгу, просмотрел записи. — Простите, такого заказа не было, — ответил он.

— Как не было?! Этого не может быть! Проверьте хорошенько! Я получаю каждый год...

— Извините, заказа не было... Возмущению обиженной женщины не было границ. Посочувствуем виновному...

Сочувствия заслуживают иногда, однако, и те, кто точно в срок делает преподношения. Вот вошла пожилая полная женщина.

— Обменяйте мне эту сумочку, — обратилась она к администратору. — Обязательно обменяйте!

— В ней есть какой-нибудь дефект?

— Нет, но я не буду ее носить! Муж принес подарок ко дню рождения. Боже мой, разве он что-нибудь понимает? У него абсолютно нет вкуса! Каждый год делает подарки, и каждый год я бегаю их менять... Сущее горе с ним!..

— Очень красивая и модная сумочка, — заметил администратор.

— Что вы, безвкусица!..

— Выберите себе другую, пожалуйста.

Справедливости ради надо сказать, что она выбрала менее красивую, чем преподнес муж. Но семейные страсти, видимо, улягутся.

А вот письмо от другого заботливого мужа. Он пишет с Сахалина. Жена его в Москве, ей предстоят роды. Видимо, это произойдет в ноябре, рассчитывает муж, и тогда рождение малыша совпадет и с днем ее рождения. Два торжества сразу. Вот он и просит, по специальной его телеграмме, послать ей цветы и духи, а новорожденному что-нибудь соответствующее его возрасту.

Это будет, конечно, выполнено, а заботы мужа и отца получат, надеюсь, справедливую оценку.

Наступил вечер. Торговые залы озарились ярким светом. Кассовые аппараты выбивали пятую тысячу чеков. В комнате дежурного скопились корзины осенних цветов и тщательно увязанные посылки, которые предстоит развезти этим вечером по квартирам москвичей.

Совершив и мы эту любопытную поездку для вручения подарков счастливым и счастливицам.

Наш путь лежит на 9-ю Соколиную улицу, и его указало нам радио из Мирного, с далекой Антарктиды. Мы ищем Прасковью Георгиевну Егорову, чтобы передать ей вместе с приветом от дочери Людмилы и зятя Евгения корзину цветов и набор духов.

Она открывает нам двери и отступает, пораженная неожиданно.

— Ох, это от детей! — догадывается она, увидев цветы. — От моих геологов из Мирного.

— Совершенно верно, — подтверждает шофер Петр Трофименко, вручая коробку с духами.

— Не забыли, дорогие... — говорит она растроганно.

Мы поздравляем именинницу и мчимся дальше по залитым ярким светом, оживленным столичным улицам. Вот они, большие, красивые дома автозаводцев, а вот и корпус «В», который мы разыскиваем. Вручив новобрачным корзину цветов, мы узнаем, что жених — техник автозавода, а невеста — преподавательница заводского техникума. Пожелаем им счастливой семейной жизни!

Следующий подарок был вручен с трудом и причинил кое-кому неприятности.

Этот чудесный шоколадный торт, право же, заслуживал лучшего приема. Письма к нему нет, но мы знаем, что возьмем его девушке, и не сомневаемся: чудесной девушке, молодой и красивой. В передней нас встретил старик.

— Вам кого? — спросил он, косо поглядывая на высокую коробку. — Это не нам!

— Адрес правильный, — сказал шофер, назвал фамилию, имя и отчество.

— Нет такой! — рассвирепел старик, выпроваживая нас. — И не привозите больше!

— Это мне, папа! — раздался приятный женский голос, и из комнаты вышла та самая девушка, которая нам чудилась в пути. — Это мне! — повторила она решительно.

— Не принимай от него подарков, я его знать не хочу! — кипятился старик.

— Папа, он мне нравится, ты это знаешь... — спокойно сказала она и взяла коробку.

Сердитый отец раздраженно хлопнул за нами дверь. А мы были довольны тем, что подарок все же приятен его красивой дочери.

Мы еще заезжали в Дом ученых, чтобы передать корзину цветов выступавшей в этот вечер пианистке. Шоферы магазина — счастливые люди. Кому только не приводилось им вручать дары почтения и благодарности — всем, начиная от Галины Улановой и Ва-

На эти деньги — подарок для подружки.

на Клиберна до отмечающего свой юбилей заводского мастера или оставляющего свой высокий пост женского парикмахера!

Тысячи подарков — это тысячи радостей. И особенно много их накануне великих советских праздников. Радость входит в каждый дом!

Духи, видимо, только предлог...

В СИЛАХ ЛЮДЕЙ СОЗДАТЬ ХОРОШИЙ МИР

Бертран РАССЕЛ, английский философ

Редакция журнала «Огонек» обратилась к известному английскому ученому Берtrandу Расселу с просьбой высказаться о роли людей науки в борьбе за разоружение и мир. В печатаемой ниже статье Б. Рассел излагает свой взгляд по этому вопросу.

С тех пор, как существует научное знание, оно всегда оказывало огромное влияние на дела, лежащие за пределами «чистой» науки. Ученые расходились во взглядах на то, насколько велика их ответственность в этом отношении. Некоторые говорили, что роль ученого в обществе — это поставлять научные открытия и ему нет дела до использования этих открытий. Я не думаю, что эта точка зрения пригодна, особенно для нашего века. Ученый не перестает быть гражданином; а общественный долг гражданина, обладающего каким-нибудь особым талантом, — следить по мере сил своих за использованием его таланта в интересах общества.

История учит нас, что эта роль ученого в общественной жизни понималась. Так, английский король Карл II основал Королевское общество, чтобы противопоставить его «фанатизму», когда Англия была на долгое время ввергнута в гражданские распри. Ученые того времени, не колеблясь, высказывали свое мнение по вопросам общественной жизни. В разные времена и разными путем наука выступала за то, что можно называть точкой зрения гуманизма. Но в то же время она всегда близко и зловеще была связана с войной. Вспоминается несколько исключений, которыми можно гордиться, когда ученые отказывались быть прислужниками торговцев смертью. Во время Крымской войны британское правительство обратилось к великому физику Фарадею за советом: нельзя ли

использовать отравляющие газы для наступления? Фарадей ответил, что это вполне возможно, но бесчеловечно, и он не желает иметь с этим ничего общего.

* * *

В наши дни, при современных методах информации, проблема влияния науки на общественное мнение выглядит совсем по-иному, чем раньше. Информацию по каждому вопросу общество получает от крупных и могущественных организаций: печати, радио и главным образом телевидения. Данные, которыми располагают правительства, более ограничены. Правительства тоже старательно собирают факты, но в конечном счете получают лишь то, что считают необходимым сообщить им чиновники, если, конечно, не существует мощного общественного движения, которое выступает с противоположной точкой зрения и которое политики не могут игнорировать. Вот пример: факты о смертельной угрозе, которую несут в себе радиоактивные осадки, выпадающие от ядерных испытаний, не приобрели бы должного значения и не повлияли бы на государственные деятели, если бы они остались похороненными в недрах научных журналов. Они звучат сегодня во всю силу именно потому, что становятся известными большому количеству избирателей и это может влиять на ход выборов.

Находясь противники широкой огласки таких фактов. Возражают они по различным мотивам, одни из кото-

рых явно низменны, другие имеют даже оттенок благородства. Но в основе этой боязни гласности лежат финансовые интересы различных отраслей промышленности, связанных с производством вооружения. Имеет здесь влияние и бездумный патриотизм людей, которые поверили в «секретность» таких вопросов и в так называемую «твердую» политику. Но, быть может, еще больше влияет здесь то, что факты эти «неприятны», и это заставляет широкую публику отворачиваться от них и обращать свои взоры к более «приятным» темам, таким, как разводы и убийства. В результате то, что должно быть широко известно всем, остается неведомым до тех пор, пока беспристрастные люди не приложат силы, чтобы нужная информация дошла до умов и сердец огромного числа людей. Я думаю, что эта важная задача невыполнима без участия людей науки. Только они одни могут выступать здесь во всеоружии, со знанием дела, а это необходимо, чтобы опровергать вводящие в заблуждение заявления тех ученых, которые дошли до того, что сами превратились в поджигателей войны. Если беспристрастные ученые будут молчать, другие преуспеют в своих попытках создать ложное представление не только у народа, но и у политических деятелей.

* * *

Следует признать, что в наше время ученому трудно действовать в одиночку. Галилей смог сам сделать себе телескоп. Но однажды я разговаривал с одним очень известным астрономом. Он объяснил мне, что телескоп, который он пользуется и от которого зависят его науч-

ные исследования, получен им в результате благотворительности очень богатых людей; и не будь он с ними в хороших отношениях, его открытия в астрономии были бы невозможны. Бывают и такие случаи, когда ученый получает доступ к весьма дорогому научному оборудованию только в том случае, если он в хороших отношениях с правительством своей страны. Он знает, что если займет «бунтарскую» позицию, ему и его семье придется умирать с голоду. Но он знает также, что если не займет такой позиции, он и его семья могут погибнуть вместе со всем человечеством. Это драматическая дилемма, и я думаю, что трудно подчас осуждать ученого, какое бы решение он ни принял. Но я убежден вместе с тем — и люди науки должны сознавать это, — что до тех пор, пока при активном участии или по призыву людей ученого мира не будет предпринято что-либо решительное, человечество будет натираться под откос, и гибели, в слепом неведении той судьбы, которую приготовило для него мастерство тех же ученых.

Нет, в современном мире ученый, если он хочет быть сколько-нибудь честным, не вправе сказать: «Мое дело — научные открытия, и я не отвечаю за то, как они будут использованы». Открытия, которые совершает человек науки, могут попасть в руки людей или учреждений, посвятивших себя крайне недостойным целям. Я не думаю, что один ученый или даже большая группа ученых может полностью предотвратить зло, но они могут уменьшить размеры зла.

Есть и другое направление, где ученые могут взять на себя полную инициативу. Они могут отстаивать и под-

черкивать ценность развития тех отраслей науки, где применение научных открытий приносит пользу, а не вред. Подумайте, что можно было бы сделать, если бы деньги, которые расходуются на вооружение, использовались на увеличение мировых запасов продовольствия и их распределение, на уменьшение числа нуждающихся! В течение нескольких десятилетий нищете и голоду, которыми поражена половина населения земли, был бы положен конец. Но сейчас есть такие правительства великих держав, которые считают, что лучше тратить деньги на уничтожение людей других стран, чем на то, чтобы поддерживать жизнь своих подданных. Ученые лучше других, со всей авторитетностью могут объяснить это народам, и в этом их прямой долг.

По мере того, как открытия науки и техники сближают весь мир, жизнь ученого в башне из слоновой кости становится невозможной. И более того. Ученый, который противопоставит себя мощным организациям, контролирующим большую часть человеческой деятельности, может оказаться даже не в башне из слоновой кости, откуда открываются широкие, залитые солнцем просторы, а в мрачном подполье этой башни. Нужны смелость и мужество, чтобы рискнуть на это.

Впрочем, он и не обязательно обучится в подполье, если рядом с ним будет много других, готовых идти на такой риск. Каждый осознает роль науки в современном мире, и, если ученые будут настойчивыми, они заставят себя слушать. В силах людей создать хороший мир. И поэтому, сколько бы труда и какого бы риска это ни стоило, мы, ученые, должны помочь создать его.

ФРАНЦУЗЫ ПРИВЕТСТВУЮТ ПРИЕЗД ХРУЩЕВА

Эжени КОТТОН,

председатель Международной демократической федерации женщин

Предстоящий приезд Н. С. Хрущева во Францию по приглашению генерала де Голля — событие весьма большого значения, и во французском народе оно вызывает живейшую радость. Наша страна с пристальным вниманием следила за визитом Н. С. Хрущева в Соединенные Штаты и искренне приветствовала программу всеобщего и полного разоружения, предложенную главой Советского правительства в ООН. Она приветствовала совместное Коммюнике Н. С. Хрущева и Эйзенхауэра, подчеркивающее важность разоружения и необходимость решать все спорные международные вопросы не с помощью силы, а путем переговоров.

Французский народ, который вот уже двадцать лет почти непрерывно испытывает тяготы войн, глубоко радуется при мысли, что проблемы мира будут подвергнуты обсуждению на предстоящей встрече в Париже. Советские люди и французы, познавшие на собственном опыте ужасы и бедствия войны, оккупацию и зверства гитлеровского режима, знают, что такое война; они знают это

лучше, чем народы стран, не видевших на своей земле солдат противника. Больше чем когда-либо они сегодня ценят благодеяния мира. Мы, французы, имеем поэтому особые основания тепло встретить Н. С. Хрущева.

Наша страна — страна старой культуры. Ее народ жаждет прогрессу. Вместе с моими соотечественниками я, как работник науки, искренне восторгаюсь замечательными победами советских ученых. Французы готовятся с энтузиазмом приветствовать представителя страны, которая сумела взрастить столь богатый урожай во всех областях труда и знания и принести всему человечеству столь великие научные открытия. Я была глубоко тронута и взволнована, узнав, что имя французского ученого Жюлио-Кюри присвоено кратеру на той части поверхности Луны, которая впервые предстала перед глазами людей благодаря поразительному полету третьей советской космической ракеты. Мне вспоминается, как Фредерик Жюлио-Кюри говорил об этом, как о своей заветной мечте.

Два раза в нынешнем году я имела честь

и удовольствие встречаться с Никитой Сергеевичем Хрущевым: в феврале, вместе с членами Бюро Всемирного Совета Мира, и в мае — по случаю вручения Хрущеву международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами». Видя и слыша его, я почувствовала, как необходимо нам трудиться во имя счастья людей и в первую очередь во имя того, чтобы мир царил на нашей планете. Сама личность Н. С. Хрущева, его живые глаза, его ясная, простая речь произвели на меня неизгладимое впечатление. Он обладает такой глубокой убежденностью в правоте защищаемого им дела мира, что из контакта с ним я вынесла новую надежду на лучшее будущее человечества.

Недавно я присутствовала на сессии Совета Международной демократической федерации женщин, состоявшейся в Праге. Там я еще больше убедилась, что наши общие надежды на торжество разума и мирного содружества народов разделяют всем своим сердцем матери всех стран, все люди на земле.

Париж. По телефону.

МУЗЕЙ АКАДЕМИИ ХУДОЖЕСТВ СССР

А. А. Мильников. ПАМЯТИ ГЕРОЕВ БАЛТИЙЦЕВ. 1946 год.

Е. Е. Моисеенко. ГЕНЕРАЛ ДОВАТОР. 1947 год.

Русская красавица

Поэма

Часть вторая

Сергей СМЕРНОВ

Рисунки Ю. КОРОВИНА.

Сколько сил
в растениях,
даже нежных,
Если смерть грозит со всех
сторон!..

Во дворе
проклюнулся подснежник.
На него
Обрушили
Гудрон.
Но цветок
Под тяжестью огромной
Богатырски
вскинулся рывком
И цветет,
пробив
броню
гудрона,
Первозданно-синим огоньком...

В тесноте
событий острых,
Составляющих войну,
Я сегодня
речь
о сестрах
Милосердия
Начну.

По сердечному велению
Прямо в строй они встают,
Где —
обычное явление —
Кровь, бинты и неуют...

Словно факельная вежа,
Проступает
сквозь года
Девятнадцатого века
Черноморская страда.

Там, среди сражений лютых,
Где от бомб
не жди добра,
Появилась на редутах
Милосердная
Сестра.

Хлещут пули, свищут роем.
Помощь срочная нужна.
Над поверженным героем
Наклоняется
она.

Не за тот ли труд усердный
Сам воспрянувший герой
Дал ей званье
Милосердной,
Окрестил
Своей сестрой?..

Человечна,
Величава,
Неустанна
И проста,
Это ты
дала начало

Жизни
Красного Креста.
Милосерден,
чист

и светел
Над чредой времен и мест,
Выше всех крестов на свете
Твой
священный
Красный
Крест!

Он и мне всего священной,
Ибо с ним
в солдатский строй.
В пекло схваток и лишений
Мать моя
ушла
сестрой...

Мама,
Где твоя могила
И солдатский
крест над ней?..

Замело,
Запорошило
Горьким пеплом
давних дней..
Но встает перед глазами
Здание
с каменным крыльцом.

Я вошел туда и замер
Желторотым огольцом.

Предо мной
по мановенью
Сверхъестественной руки
Остановлено
Мгновенье
Всем законам вопреки:
Круговая панорама —
Севастополь разорен.
К горлу
города

упрямо
Прут враги со всех сторон.
Пушки.
Залповое пламя.
Разрывной
картечный град.
Над недвижными телами
Свечи горестно горят.

А на грозном поле брани,
Словно
в пламени костра,
Перевязывает раны
Милосердная сестра...
Я смотрел,
смотрел упрямо
Сквозь густой окопный чад.
Мне хотелось крикнуть:
— Мама!..
Но в музеях
не кричат...

— Мама,
В том своем наряде
Ты похожа на зарю.
В даль
войны гражданской
глядя,
Я тебя
Боготворю...

И, словами не бросаясь,
Вижу нынешний простор,
Вижу
форменных красавиц —
Современных
Медсестер.

При казенном желтом свете,
Негасимом до утра,
Появилась в лазарете
Медицинская сестра.
Принесла

цветы
солдатам
И сиянье серых глаз,
Над страдальцем бородастым
Постояла в первый раз.
Тот очнулся,
удивился,
Забинтованный, большой:
— Уж не ангел ли явился
За истерзанной
Душой?

Возле парня-сквернослова
Задержалась медсестра.
Бледный,
Злой,
Бритоголовый,
Он замолк, а боль остра.

Свежей марлей обмотала
Темный профиль усаца —
В тяжких рывках металла,
Ото лба и до плеча.

И пошла
от койки к койке,
Будто лебедь поплыла.
А вокруг
свинцово-стойкий

Запах крови и тепла,
Вперемежку
храп да стоны,
Кашель, потные чубы...
И застенный,
закононый
Гром
Зенитной
Молотбы.

С просят:
— Кто сия особа
Возле раненых парней?
Я скажу:
— Смотрите в оба,
Мы уже знакомы с ней.
Неспроста,
небеспричинно
Взор ее немного строг.
Да ведь это же Марина,
Героиня наших строк.

С добрым сердцем,
С полным правом
Втайне думает она:
«Я, товарищи, нужна вам,
Хоть немного, а нужна».
И сама душевно рада,
Что из душевной тишины
Их признательные взгляды
На нее устремлены.

Я ценю такой характер.
Я не в силах умолчать
Об одном
реальном факте,
Так и рвущемся
В печать.

Было небо
в кротких звездах.
Вдруг над крышами двора
Вой сирен

метнулся в воздух
И зажглись прожектора.
Взмыли в небо
трассы света.
Их не смять, не обойти.
Вот они скрестились где-то
Возле Млечного Пути
И давай,

давай крутиться,
Чуя близкую грозу.
В лапы к ним попала птица
И гудит:
«Везу-у... Везу-у...»
И по ней, незваной гостье,
В глубину небесной мглы
Бьют, горячие от злости,
Дальноточные стволы.
А в ответ

по воле аса
Разрастающийся вой
И слепой
удар фугаса
В грудь безлюдной мостовой!

Под огнем из черной бездны,
Затаив невольный страх,
Люди прячутся в подвезды
И траншеи во дворах.

А в тени стены старинной,
Где устроена скамья,
Коротает ночь

Марина
Николаевна моя.
Ей немного жутковато.
В угол тянется рука —
Там красуется лопата
В желтом конусе песка.

Бьют зенитки
в глубь зенита,
Лихорадит старый дом.
Но цветы стоят открыто
Под осколочным дождем.
И, как будто выбирая,
Кто к защите не готов,
Вдруг зажглась
земля сырая
Под ногами у цветов!

См. «Огонек» № 35.

Над пылающим термитом
Вырос женский силуэт.
Взмах лопатой —

пламя сбито,
И ущерба вроде нет.
Лишь на миг почти ослепла
Фея нашего двора,
Да термитным духом пепла
Всюду пахло до утра...
Посмотрела в час рассвета
На свои цветы она,
А цветущей розы нету:
Вся с корнями сожжена,
Лепестки и листья смяты,
Рассыпаются, шурша.
И тогда
Взяла лопату
Неуемная душа.
С чувством вызова и мести
Яму вырыла в земле.
И на том

горелом месте,
На суглинке и золе,
Вместо розы полуголой,
Изничтоженной дотла,
Встал
багряный гладиолус,
Оперенный, как стрела!

Для тебя, жены солдата,
Домоседки рядовой,
Не прошла без результата
Эта полночь над Москвой.
И хотя казался жутким
Разрывной фугасный гром,
Но при новом —
через сутки —
Нападении втором
Ты уже
под стук зениток,
Выбрав место повидней,
Вяжешь кружево из ниток
Возле
раненых парней...

После длинного дежурства
И бессонницы немой
Хорошо

обычным курсом
Тихо следовать домой,
Взять паек по всем талонам,
Забрести в свои цветы
Или с тополем зеленым
Поздороваться на «ты»,
Отпереть почтовый ящик
И найти десяток строк,

Пехотинских,
настоящих,
Где любовь да юморок.

Но тревожно,
оттого что
Наступает день иной:
Ждешь,
волнуешься,
а почта
Ходит-бродит стороной.
Думу думает Марина:
«Где мой Коля-Николай?
Отвяжись, тоска-кручина,
Ясных глаз не застилай!»

Давит крыша,
Давят стены,
Одиночеством грозя.
А рассудок неизменно
Говорит, что так нельзя,
Что, хотя и нет известий,
Верь

и жди своей поры,
Что глаза на мокром месте
Не к лицу

для медсестры.
И проходят перед нею
Подопечные ее.
От горящих ран бледнея,
Мнут постельное белье,
Просят помощи...
И снова
Мчит в госпиталь она,
И любовь —

всего основа —
На лице ее видна.

Не забыть тебе страдальца
С черным клоком бороды.
На груди раскинув пальцы,
Он шептал:
— Воды... Воды...

Он страдал невыносимо.
Отступались доктора...

Ты ему
цветы носила,
Медицинская сестра.

Со сверлящей болью спора,
Он держался как герой:
Дескать, вылечимся вскоре
И закатым

пир горой!
Он, наивное создание,
Повидать хотел жену.
Да какие там свиданья,
Если

вся семья
в плену!..

Для него ты
воедино
Собрала в себе самой
Всех, кто этого детину
Безуспешно

ждал домой.
От бессонницы немела,
Вечно около была,
Утешала неумело,
Врачевала,

как могла.
Но недуг бесчеловечный
Все надежды подкосил.
Присмирел
твой подопечный,
Приподняться нету сил.

Говорит:
— Дошел до точки.
Помирать пришла пора.
А за ласку,
За цветочки
Мой поклон тебе, сестра...

Вскоре койка опустела.
И, подвыпившие чуть,
Санитары
взяли тело.
Шагом марш...
В последний путь...

Кто-то, может быть, впервые,
Рассуждал при виде их:
— Вот цветы...

цветы живые,
А соседа
Нет в живых...
Кто-то глянул быстро-быстро
На тебя

и на цветы,
И зажглась во взоре искра
Довоенной
доброты...

Кто-то грел,
как чудо-птицу,
Розу белую в горсти.
Как же тут не изумиться
И еще не принести!..
И, хотя все это странно,
Ты нашла в конце концов,
Что цветы

врачуют раны
Впечатлительных
Бойцов.

А Москва —
моя отрада —

Посуровела тогда.
Заменила все наряды
Скромной
стеганкой

труда.
Всюду выставила стражу,
Все проверила сама,
Пестрой кистью камуфляжа
Раздраконила дома.
Ощетинилась «ежами»,
Возвела

траншей
кольцо.

Тени гнева набежали
На прекрасное лицо.
И, кипя,

она
застыла
В те особые часы
Коренной

твердыней
тыла

И передней полосы.
...Грузно,

грозно
и огромно
Громыхнуло
На заре.

Отродясь
такого грома
Не гремело в декабре!
Гром ударный

близкий,
дальный.
Грому не было конца!
Словно бил по наковальне
Молот

бога-кузнеца —
Современного Гефеста,
Повелителя
Огня!..

Затрещала —
и ни с места
Иностранная броня.

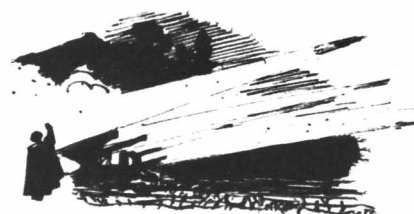
Враг, теряя счет потерям,
Окончательно оглох,
Заскулил

подбитым зверем,
Встал по стойке «хенде хох».
Побежал,
да было поздно...

И ему
в печенку
врос

Разъяренный,
Краснозвездный,
Партизанский
дед-мороз.

Шли сраженья.
Шли напасти.
Фронт бескраен.
Тыл глубокий.
И тогда
эмблемой счастья
Был отнюдь не голубок,
А прицельный,
бьющий в уши
Рядом, чуть не у дверей,
Стук «максима»,
Гул «катюши»,
Грохот русских батарей.

Особняк — частица тыла,
Он же госпиталь — теперь
Делал все, что было в силах,
Сокращая счет потерь.

Взяли
выселили школу —
Вот и госпиталь готов.
А калек мужского пола
Навезли со всех фронтов.
Люди,

битые металлом,
Пререкаются с врачом.
Им, капризным и усталым,
Все порядки нипочем.

Не постигнешь, к сожалению,
Как щемяще одинок
Человек, лишенный зренья,

Человек без рук,
без ног,
Человек, горевший в танке,
Тот,
кто видит свой удел,
Словно бранные останки
Прежних помыслов и дел...

Сколько их, подобных граждан,
С болью, с горечью в груди!..

Не теряйся перед каждым,
Свой подход

к нему найди;
Подсоби в такую пору
С женским тактом
И с умом
Просветленье

и опору
Отыскать
В себе самом.
А солдат, дитя народа,
Человек полуживой,
На любовь такого рода
Откликается

с лихвой...

С старый стих, прочтенный где-то,
Стал звучать на новый лад:
Что

Москва-столица —

это
«Город храмов и палат».
Ох, невесело солдату,
Если видишь день-деньской
Госпитальную палату
С ученической доской;
Видишь карту на веревке,
Пыльный свет

и вместе с тем
Шторы светомаскировки
В окруженье голых стен!

Все как есть

гнетет незримо
В данном качестве своем.
Это чувствует Марина
Тайным,

внутренним чутьем.
И, впуская сил не трата,
Обращается к врачу:
— Здесь

уютя нет в палате,
Я создать его хочу...
Не березы в час заката
Гнули ветки до земли —
Это к раненым солдатам
Сандружинницы пришли.
Стали с мусором бороться,
Мрак погнали за порог
Под идейным руководством
Героини наших строк.
А Марина

водрузила
На солидный табурет
Кадку с фикусом-верзилой,

Экспонатом
мирных лет.
Освещение стало ярче,
Скатерть постлана была,
Толстопузый самоварчик
Запытел среди стола.
И пошел
в граненом виде
Разливной грузинский чай.
— В тесноте, да не в обиде.
Кто желает —
получай!..

С пещабота и волнение
Овладели медсестрой.

В честь имеющих раненья —
Пусть ты даже не герой, —
В честь распластанных
на койках

Рядовых без рук,
без ног
Разгорелся в ней какой-то
Необычный
Огонек.

К то идет к заветной цели,
Тот повсюду замечал:
Огонек

во всяком деле
Есть начало всех начал.
С ним

готовимся к зачетам,
Строим, сеем — с огоньком
И владеем пулеметом,
Как отбойным молотком.
С огоньком звучит:
«По коньям!».
С огоньком гремит: «Ура!»
С огоньком

фашиста гоним,
Как собаку
Со двора!

Пусть над миром тьма густая,
Огонек — наш верный друг.
Нам велит

Одна Шестая
Не ронять его из рук,
Жить,

шагая в ногу с веком,
Делать вещи на века
И являться

человеком,
Не лишенным огонька!..

В от на скромную зарплату
Размахнулась медсестра
И несет в свою палату
Уйму всякого добра:
Мыло с бритвенным прибором —
Подопечным, кто окреп,
А беспомощным и хворым —
Дефицитный
белый хлеб,
Мед с целебным духом воска
И предметы
для письма...
Ах, авоська ты, авоська, —
Эпохальная
Сума!

Ты вмещала
все на свете
В портативное нутро,

Нормы хлеба
те и эти,
Сводки Совинформбюро,
Всё —
от пленных дум Европы,
Где глумился лиходеи,
До
блокадного
укропа
Ленинградских
Площадей...

В от над классною доскою
Ладит
карту

медсестра:
Мол, пособие такое
Нам использовать пора!
И, согласно повелению
Волею ее руки,
Начинают

наступление
Наши
Красные флажки...

Карты с красными флажками!
Вы вошли
в сердца,
в дома,
Словно реющее пламя
И стратегия сама,
И, крылатостью особой
На врага устремлены,
Вы
наглядней всех пособий
Озаряли
ход войны...

В от солдата энской части
В строй вернула медсестра.
Он стоит, как на причастии.
Плечи — во!
А грудь — гора!
Он спешит на поле боя.
Далеко ушли бои.
Он готов,
само собою,
Чувства высказать свои.
Но волнение молодое
Обернулось
немотой...

И солдат
Берет в ладони
Руку женщины простой.
И, не высказав ни звука,
Благодарный без прикрас,
Он целует
эту руку
Не один, а много раз!
А ему
сама сестрица
Преподносит от души
Огневой цветок в петлицу:
— Будь здоров!
— Воюй!
— Пиши!..

И опять —
за сменой смена —
В госпитальной тесноте.
И опять

все те же стены
И как будто бы не те.
Те же
скорбные картины.

Раны.
Стоны.
Маята...
Та же, собственно, Марина,
А присмотришься —
не та!

Не такая, как бывало,
А уже
в другой красе:
Словно

сердцем
побывала
На передней полосе.
И у счастья в изголовье,
Через плотный слой бинтов
Ей видны
потоки крови
И живой
салют
цветов...

Ходит почта полевая,
И опять-таки

не к ней.
Но живет, не уставая,
Рядовая
Наших дней.
С неотступным
беспокойным
Ожиданьем
И тоской,
С женской ненавистью к войнам,
Уносящим
род людской...

М ного
ты взяла
на плечи,
Медицинская сестра:
Все недуги человечья,
Все предсмертные «Ура!»,
Слово бранное порою,
Нареканий целый рой,
Слезы
вышедших
из строя
И мечты вернуться в строй...

В вечной книге
русской славы,
В грозных главах о войне
Ты давно

имеешь право
Быть
с Героем

наравне,
Потому что
совместила
В триединстве дорогим
Стойкость фронта,
Нежность тыла,
Превосходство
над врагом!..

Конец второй части.

Из цикла
«Далекие друзья»

Рисунки В. ВЫСОЦКОГО.

КАК ВЫПУСКАЛИ КНИГУ

Помимо своего основного занятия, которое англичанин обычно выполняет тщательно, со знанием дела, у него нередко имеется, как там говорят, хобби, то есть увлечение, которому он отдается в свободное время и в которое вкладывает душу. Увлечения могут быть самые разнообразные: пинг-понг и северные саги, игра на кларнете или выжигание по дереву, собирание луковиц тюльпанов, спичечных этикеток, газетных опечаток — словом, всего, что поддается коллекционированию.

У маститого писателя, пригласившего нас провести субботний вечер в его загородном доме, тоже была такая страсть. Едва мы успели устроиться в его маленьком прохладном кабинетике, перед камином, как он, пошучивая над собой, будто бы небрежно, начал знакомить нас со своей коллекцией. Постепенно он увлеклся, как говорится, входил в раж. Можно было подумать, что он, сделавший немалый вклад в британскую литературу, гордится чужими книгами со странной, причудливой судьбой чуть ли не больше, чем своими собственными.

В камине тлел настоящий уголь. Я подчеркиваю: настоящий, — ибо в те годы камины в Англии уже начали заменяться особо устроенными электрическими нагревателями, прикрытыми бутафорскими чехлами из прозрачной пластмассы, которой поручалось изображать по желанию хозяев тлеющий уголь или горящее дерево. В тот вечер механический уют был выключен, отставлен в сторону, в камине горел доподлинный антрацит, и мы сидели, вытянув ноги к теплу, а хозяин дома, высокий старик с орлиным носом и выпуклым лбом, нависавшим над ним, подобно карнизу, по очереди снимал с полки свои сокровища и подносил их в раскрытых ладонях с такой осторожностью, будто это были не старые книги с пожелтевшими, как бы клеенчатыми страницами, а нежные птенцы, которых можно повредить неосторожным прикосновением.

— ...Вот Байрон. Я слыхал, у вас его очень чтят. У нас не особенно. Но это — прижизненное издание. Человек, продавший мне книгу, уверял, будто поэт носил ее в кармане, когда сражался с турками, будто на ней есть даже след турецкого ятагана. Разумеется, чушь... Трудно поверить, что Байрон таскал с собой всюду свои сочинения. Но какой-то колотый след на книжке действительно есть. И видите экслибрис? Это из собственной библиотеки Байрона. Тут уж не может быть ошибки...

Хозяин говорил отрывисто. Тонкие, будто из прозрачного воска, пальцы ласково гладили книгу. На лице, вырисовывавшемся в багровых отсветах в полутьме комнаты, было то ласковое выражение, с каким любящие отцы представляют посторонним своих детей.

— А вот Бернс... Покажитесь-ка гостям, шотландский упрямец! Эти самонадеянные русские утверждают, что любят и понимают вас больше, чем мы, англичане... Может быть, может быть... Но не в этом дело. Обращаю ваше внимание, джентльмены, это — первое кильмарнокское издание. Да-да... И принадлежала эта книга, как явствует из надписи, Вальтер Скотту. Видите эти каракули на титульном листе?.. Ну-с, Роб, возвращайтесь на место, а мы сейчас потрясем наших гостей до глубины души. Вот, извольте посмотреть.

Он торжественно протянул нам пожелтевшую брошюру, полную цифр. Это был какой-то старый-престарый промышленно-статистический отчет. Хозяин явно наслаждался нашим недоумением.

— А взгляните сюда, на эту надпись в углу. Это подпись владельца книги. Вам ничего не говорит почерк? Нет? Странно. Вы же марксисты — и не знаете почерка своего мессии!.. Тут же четко написано: «Карл Маркс». Возможно, что и подчеркивания карандашом сделал он... Я не марксист, как вы знаете, но книгу я очень берегу, вероятно, я

завещаю ее какой-нибудь вашей библиотеке... А вот Шоу. У нас были хорошие отношения. У меня несколько книг с его надписями. Но эта... Эту он подарил не мне, а одной красивой даме. Видите надпись: «Миссис К...», которая слишком хороша для того, чтобы читать мои книги». Он умел пошутить... Мы, англичане, не в пример вам любим пошутить и над собой...

Книги, книги, книги... Книги с автографами, книги со странной судьбой. Гостеприимный хозяин так вкусно рассказывает биографии своих книг, что вечер летит незаметно. Уголь в камине давно уже оделся шубкой серого пепла. Лишь изредка перемигивались под ней неяркие огоньки. Из углов комнаты на нас надвигалась сыrovатая прохлада, и в то время, как руки и лицо еще ласкало тепло, шее и ушам становилось холодно. Заметив, что мы поеживаемся, хозяин улыбнулся.

— Представьте, у нас еще кое-кто верит, что русские зимой спят на печке. Я-то знаю, что это ерунда, однако морозить вас все-таки не полагается... Вот на закуску самое удивительное. Смотрите, а я пока займусь камином.

Он передал нам нечто завернутое в бумагу и перевязанное бечевкой, а сам начал ловко, как прирожденный кочегар, любящий свою профессию, орудовать щипцами и маленькой кочергой, помешивая уголь, укладывая его в пирамидку...

В свертке оказалась обычная современная книжка на английском языке, отпечатанная на грубой, дешевой бумаге. И хотя обложка, первая и последние страницы отсутствовали, само издание имело довольно свежий вид. Ничего интересного книга эта на первый взгляд не представляла. Мы вопросительно посмотрели на хозяина. Камин теперь горел ярко. На фоне багровых отсветов резко очерчивался ястребиный профиль старого писателя. Он смотрел на огонь. Но почему-то чувствовалось, что он старается угадать, какое впечатление произвел на нас этот последний экспонат его коллекции.

Потом он неторопливо достал кошелечек-кисет, набил трубку, медными щипцами вынул из камина тлеющий уголек, раскурил, уголек положил обратно, щипцы поставил на отведенное для них место на стойке с каминным инструментом, посмотрел на нас.

— Ничего особенного? Так? И сама книжка, наверное, вам известна... Я потом назову заглавие и автора... И все же это издание — в некотором роде гордость моей коллекции.

Он задумчиво полистал книгу.

— Неважно отпечатано, правда? Нечеткий шрифт, скверно переплетена, рассыпается. Если просмотрите страницы, увидите: в трех местах листы вложены вверх ногами. А шестнадцать страниц вообще нет. И все же... Знаете что, мне бы хотелось сейчас держать в руках свою книгу, изданную таким образом. Да-да, на скверной бумаге, с отвалившимся переплетом, с перепутанными страницами. Но чтобы иметь такое издание, мало обладать обычным литературным даром. Для этого нужно еще кое-что.

Хозяин дома, совсем как это описывается в старинных новеллах, привинул к огню третье кресло, уселся в нем и, перебирая восковыми пальцами страницы, шурясь навстречу живому теплу, начал свой рассказ:

— Книгу написал сын рабочего, сам рабочий, по убеждениям коммунист... В войну он был храбрым солдатом и там начал издавать солдатскую газету, а так как не все, подобно ему, любили писать, он половину корреспонденций, помещаемых в ней, писал сам. Так он открыл в себе жуткую страсть писать, писать при любых обстоятель-

ствах, писать во что бы то ни стало. Не вам, советским людям, рассказывать о том, что на войне простой человек всегда мечтает о мирной жизни. И этот солдат в свободные часы начал писать рассказы из жизни своего отца, одного из тех старых рабочих, что в дни забастовок всегда первыми покидали цех и последними вставали к станку. Один из рассказов он назвал «Чужой в лагере» и с фронта направил в Австралию, в родной город, на литературный конкурс. Это удивительно: рассказ не только напечатали, но и дали за него первую премию. Как вы догадываетесь, с тех пор солдат этот погиб для всего другого, кроме литературы. Теперь он был особенно заинтересован в скорейшей победе, так как мечтал засесть за роман. Да, именно за роман — ни больше и ни меньше! Может быть, джентльмены, вы полагаете, что такие смелые мечтатели среди рабочих есть лишь у вас, в социалистических странах? Нет, судари мои, в молодости мечтают все люди... Что, становится жарко?

Теперь, когда уголь разгорелся, нам пришлось отодвигать кресла. — Но молодой солдат-коммунист умел не только мечтать... Я знаком с ним по его произведениям и никогда его не встречал, но, прочитав вот эту его книгу, которую надо читать, как ребус — так она скверно сверстана, — я понял, почему у парня, еще не накопившего первых литературных навыков, роман удался. Он описал в ней семейную трагедию. Его отец, бывший всю жизнь убежденным лейбористом, под конец жестоко разочаровался в этой партии, в ее вождях, в ее политике и умер с горьким сознанием того, что всю жизнь служил чужому делу. Тень отца, должно быть, водила пером молодого писателя, когда он сидел за работой.

И он написал роман, поражающий не изысканностью стиля, не красотой описанных пейзажей, не тонкостью анализа человеческих чувств, а силою правды. Не роман — кусок, вырванный из жизни, теплый, трепещущий, кровотокающий. Редко доводится читать такую жестокую и горькую книгу, разящую своей достоверностью. Первое издание было на его родине раскуплено мгновенно, пока власти не успели узнать в главном герое — отвратительно жестоком, беспринципном дельце — миллионера, вертящего делами страны, а лейбористские министры — разгадать в отрицательных героях самих себя.

У книги был честный успех. Автор тотчас же подготовил второе издание. Но против него уже начался поход, и все издатели, к которым он обращался, со страхом отрешивались от него. Тогда книгу решили издать сами рабочие-типографчики. Шапка пошла по кругу. Из медяков, собранных на рабочих собраниях и митингах, составила необходимую сумму. На нее купили бумагу. Воспользовавшись тем, что директор лейбористской типографии уехал на каникулы, мастер типографии, заменявший его, принял книгу к изданию и, не оформляя заказа, сдал рукопись в набор... Вы, русские, поймете, как работали наборщики, корректоры, верстальщики, печатники. Рискав своим местом, а может быть, и свободой, они набирали, вычитывали, тайно печатали этот полубившийся им роман. Все было: и бессонные ночи у наборных касс, и ложные тревоги, когда формы торопливо срывали с машины и прятали, и неусыпные пикеты у дверей.

Этим самым обыкновенным людям, которых мы, литераторы, часто ошибочно называем простыми, труженикам, обремененным семьями, не имеющим никаких сбережений на черный день, всем им так хотелось, чтобы книга снова увидела свет, что они забыли о неприятностях, угрожающих им и их семьям. Это может показаться невероятным, но солидный роман, за экземплярами которого полиция вела охоту, был набран и отпечатан в типографии лейбористской партии, лидеры и политиканы которой в нем разоблачались.

Но как всегда в подобного рода историях, обязательно появляется «вдруг». Когда листы романа уже лежали перед брошюровщиками, какой-то ренегат донес в полицию. Сразу же последовал приказ: отпечатанные листы изъять и сжечь. Типографию уведомили: на заказ наложен арест, и завтра в девять часов издание изымут. Мастер сумел вовремя предупредить автора книги. Тот обратился за помощью к читателям, к докерам порта, с которыми он и сам работал в дни безденежья. И докеры решили утром, до того, как придут изымать книгу, добыть грузовик, увезти и спрятать отпечатанные листы. «Завтра в семь к типографии, к черному ходу!» — сказали они автору.

Завтра в семь! Но из вечернего радио автор узнал, что история с нелегальным изданием стала достоянием гласности, что перед типографией выставлены полицейские караулы. Как быть? Друзья-докеры разошлись по домам. Он не знает их адресов, он не может даже предупредить их о полицейской засаде... И автор, отказавшись от надежды спасти издание, движимый лишь желанием предупредить тех, кто за ним придет, всю ночь провел на углу улицы, недалеко от типографии. У дверей ее он видел две неподвижные темные фигуры... Хм, кажется, трубка погасла.

Хозяин несколько раз затыкался — действительно, трубка лишь сипела. Он неторопливо достал щипцами новый уголек, снова раскурил и, выпустив ароматную струю, стал задумчиво следить, как сизый дым, подкрашенный отсветами догорающих углей, медленно поднимается к потолку.

— Ну, а как же?.. Откуда вы получили экземпляр? Надеюсь, не через полицию? — торопливо спросил мой товарищ по путешествию, известный наш кинорежиссер, страстный, нетерпеливый в жизни человек.

— Подождите. Я бы был совсем никудышным новеллистом, если бы все выложил сразу. Ведь и разговор должен иметь свой сюжет, джентльмены, если это, конечно, творческий разговор... Да, вы держите книгу в руках. Для меня это не просто роман, это символ. Символ рабочей солидарности... А было так: пока продирогший до костей автор, терзаясь опасениями, всю ночь вышагивал по переулку, борьба за книгу, оказывается, продолжалась без его участия. Утром он заметил, как небрежно насвистывая песенку, идет по улице мастер. Вот он подошел к типографии, удивленно посмотрел на полицейских, что-то у них спросил, чему-то засмеялся. Вынул ключ, отпер дверь. Снова что-то сказал полицейским. И они вдруг повернулись и, поеживаясь от холо-

да, стали торопливо уходить... Автор ничего не понимал, но у него затеплилась неясная надежда. А в это время к черному ходу типографии подкатил грузовик с докерами. Дюжие ребята быстро попрыгали на землю, привычно встали цепочкой и, перекидывая друг другу связанные бечевкой пачки листов, буквально за несколько минут погрузили все на машину и умчались. У автора не оказалось времени даже для того, чтобы узнать, как это все произошло.

Только уже потом, сидя в тюрьме, узнал он от приходивших к нему на свидание друзей, что мастер и докеры тоже слушали вечернюю радиопередачу. Они договорились, что мастер придет на работу пораньше, как можно натуральней выразит полицейским удивление, посоветует им, иззябшим и проголодавшимся, сходить в бар пропустить рюмочку, пока он покараулит типографию... К моменту, когда приехали арестовывать книгу, в типографии не оказалось и ее следов. Рабочие дружно показали: и видом ее не видели и слухом не слышали... Учтите, господа, что мастер был тоже человек, обремененный семьей, и был известен как старый лейборист.

— А дальше?

— Что же дальше? Издание у вас в руках. Если нужны подробности — пожалуйста. Эти листы развезли по квартирам рабочих. Докеры, металлисты, текстильщики, не знающие типографского искусства, собирали книгу, переплетали, брошюровали, обрезали. В иных экземплярах появились лишние страницы, в других их не хватало... И пока автора судили «за оскорбление и клевету» по закону «Звездной палаты», происхождение которой восходит к XV веку, пока пресса свистела и улюлюкала, требуя для него самых жестоких кар, книга эта, любовно сброшюванная неумелыми, но верными руками, распространялась по стране... Теперь вы, наверное, догадаетесь, кто автор и как ее название?

Да, мы знали имя автора этой книги. Мы знали и саму эту книгу, изданную и у нас, в Советском Союзе. Но, признаюсь, история ее нас поразила...

— Вы правы. Это Фрэнк Харди. Роман называется «Власть без славы». У вас в руках издание, имеющее удивительную судьбу. Мне подарил его один торговый моряк, большой любитель литературы, чашенько совершающий рейсы в Австралию... И знаете, джентльмены, когда я чувствую, что устал, что старею, что болезни сгибают меня, я беру с полки эту книгу, смотрю на нее и вдруг чувствую: да нет же, черт возьми, я вовсе не так ветх и не так, в сущности, болен!.. Я сделал еще очень мало, и многое впереди...

И, как в старинной новелле, рассказчик замолк, глядя на угли, снова подернувшиеся серым пеплом, а передо мной возникли остроконечное, живое лицо Фрэнка Харди, его веселые, цепкие глаза, полные незатухающего юмора, и мне захотелось рассказать своему далекому австралийскому другу — нет, не только ему, а и всем читателям его смелых, резких книг — об этой беседе, состоявшейся возле традиционного английского камина.

ПОТОМУ, ЧТО Я

ЛЮБЛЮ ДЕТЕЙ

Рассказ

Фрэнк ХАРДИ

Рисунки В. БОГАТКИНА.

— Я первая увидела дядю Билла! — сказала маленькая девочка с челкой, опрометью бросаясь к такси.

Толстушка с черными косичками тоже помчалась к машине, желая, чтобы ей первой выпала честь обнять дядю Билла. Девочки столкнулись друг с другом.

Маленькая тяжело упала на траву между тропинкой и дорогой.

— Это нехорошо! Я первая увидела дядю Билла! — захныкала она.

— Ай, ай, ай! Это еще что такое? — с приторной строгостью воскликнул Билл Митчел, шофер такси. — Мои дети дерутся! Так нельзя.

Это был крупный, располневший человек с большим животом и круглыми плечами — недаром он много лет просидел за рулем. На нем были коричневый клетчатый пиджак и серые брюки. Поля шляпы были всегда опущены. У него был безмятежный вид человека, привыкшего довольствоваться малым.

— Я нечаянно ее толкнула, дядя Билл, — оправдывалась толстушка. — Я вас увидела тогда же, когда и она.

Дядя Билл успокоил и утешил малышку, осмотрел оцарапанное колено, достал из кармана пакетик с пластырем и залепил ранку.

— А у меня на колене болячка с липкой ленточкой! — гордо объявила девочка.

Дядя Билл улыбнулся.

— Каждая из вас первая меня увидела, —

сказал он. — Тут ничего не поделаешь. Вы обе первые. Бегите ко мне вместе, и я вас обеих поймаю. — Он открыл переднюю дверцу черно-оранжевого такси старого образца. — Ну, обе разом, только осторожно!..

Подняв руки, дети побежали к нему. Дядя Билл обнял их, легко поднял, и их цепкие ручки обвились вокруг его шеи. Он на мгновение прижал девочек к себе, поцеловал каждую в щеку и опустил на землю.

— А теперь, малыши, лезьте вперед.

К дяде Биллу подбежала еще одна маленькая девочка, он поймал ее, как и предыдущих, потом — двое мальчиков. Дядя Билл захлопнул за ними дверцу и открыл заднюю.

— Старшие сегодня поедут сзади, — сказал он, и четверо оставшихся ребят сели в машину. Дети весело болтали, поездка в школу с дядей Биллом всегда была для них событием.

Дядя Билл обернулся и протянул бумажный кулек самому старшему из школьников — мальчику атлетического сложения, с волосами, совершенно выгоревшими от солнца и ветра.

— Ты сегодня ответственный, Джонни, — сказал он. — Вот леденцы.

— Каждому по одному? — спросил мальчик, беря кулек.

— Каждому по два, ведь сегодня последний день перед каникулами, — ответил дядя Билл.

— По две штуки! — воскликнула девочка с косичками. — Ну, спасибо, дядя Билл!

— Ячменный сахар! Замечательно! — сказала девочка, одетая лучше всех.

Дядя Билл обрадовался в душе. Он знал, что родители обычно покупали ей дорогие сласти, но девочке больше всего нравились конфеты дяди Билла.

— Джонни, — заметил дядя Билл, — а как насчет дверцы? Ты же ответственный.

— Ух ты, я совсем забыл! — воскликнул Джонни.

Он отдал кулек дяде Биллу и, нажав на ручки, запер дверцы.

— У нас никогда не будет автобуса, пока этот человек возит детей в школу! — услышал дядя Билл женский голос, заглушивший детскую болтовню.

Он увидел на тропинке пожилую женщину, разговаривавшую с владельцем угловой лавки.

— Транспортный отдел говорит об этом каждый раз, когда «Комитет за автобус Форестгледу» просит об автобусе, — донесся до дяди Билла ответ лавочника.

Дядя Билл нажал стартер и повел машину под гору. Услышанный разговор испортил ему настроение настолько, что он уже не мог наслаждаться обществом детей.

Три поездки с детьми в школу и обратно по утрам и после обеда в течение двух лет, размышлял дядя Билл, не замечая ребят, которые научились сдерживать при нем бьющую через край энергию, — и каждая поездка приносила ему радость, но их уже оставалось немного, судя по развернувшейся кампании за автобусную линию, которая связала бы Форестглед с побережьем. Наблюдая, как дети под дождем и палящим солнцем с трудом передвигались по холмистой дороге, он постепенно пришел к мысли о регулярных рейсах такси. И когда с мальчиком Рианов произошло несчастье: он попал под грузовик на узком участке шоссе, где даже не было пешеходной тропинки, и умер на месте, — Билл Митчел предложил на своем такси возить детей в школу и обратно по шесть пенсов за один конец. Сначала это было для него до известной степени выгодной сделкой, как он сам признавался, но с тех пор, как расценки на проезд в такси повысились, шесть пенсов даже не покрывали суммы на счетчике. Какую бы роль ни играли деньги вначале, сейчас они уже не имели никакого значения, говорил он себе. Наряду с любовью к детям он обнаружил в себе настоящий талант в обращении с детьми: он умел сделать их счастливыми, и в этом было все дело.

В его жизни не хватало той полноты, той особой, единственной радости, которая так нужна всем людям, пока она не пришла к нему благодаря детям, через его усилия пленить их воображение, оградить их от неприятностей, завоевать их любовь, заставить их смеяться, — он стремился глубоко проникнуть в их сложное, развивающееся сознание.

Недавно стараниями Ассоциации за прогресс, Ассоциации родителей и граждан и «Комитета за автобус Форестгледу» стали потоком поступать письма, одна за другой направлялись делегации в транспортный отдел и к местным политическим деятелям, проводились общественные собрания, выпускались листовки и петиции. Билл Митчел со смешанным чувством следил за этой кампанией. Он всегда избегал разговоров на эту тему и старался даже для самого себя не выяснять собственного отношения к ней. Теперь ему казалось, что кампания направлена против него, люди говорили о нем так, будто это он мешал тому, чтобы автобусы ходили по извилистой дороге между Форестгледом и побережьем. Он знал, что его побуждения ставятся под сомнение. Раньше он всегда жил как-то в стороне, не имея ни близких друзей, ни врагов; окружающие относились к нему неплохо, но почти не замечали его, а сейчас он оказался в центре раздора и чувствовал себя крайне неловко.

— А ну-ка обгоните его, дядя Билл! — дошел до его сознания голос Джонни.

— Конечно, «Клара» могла бы пролететь мимо этого старого «понтака», — согласился дядя Билл, пытаясь восстановить обычную атмосферу их ежедневных поездок. — Но дорога слишком узкая. Лучше опоздать в этом мире, чем попасть раньше положенного в грядущий, я всегда так говорю.

«Что же, желаю им удачи, если они добьются автобусной линии, — подумал дядя Билл, снова возвращаясь к этой теме, — а пока что ребятам надо как-то добираться до школы. Я же не виноват, что транспортный отдел пользуется рейсами моего такси, как предлогом...»

— Дядя Билл!
— Да.
— Вы обещали опять прорепетировать с нами рождественские песенки.
— Верно, — ответил дядя Билл, — и ведь это последняя возможность, последний рейс перед каникулами.
— Осталось только восемь дней до рождества, — объявил Джонни. — Салли поставила ноги на обивку, дядя Билл.
— Это случайно, — объяснила Салли. — Я передвинулась, чтобы петь как следует. Может быть, «Колокольчики звенят» споем?
— Но это ведь не совсем рождественская песня.
— Зато хорошая; в прошлом году ведь мы ее пели.
— Ладно, решено, «Колокольчики звенят». Все вместе и не спеша. Раз, два, три...

Колокольчики звенят, колокольчики звенят,
звенят всю дорогу.

Ах, как весело ехать в открытых санях,
Мчаться по снегу!
В открытых санях
Мы пролетаем по полям,
Заливаясь смехом всю дорогу.

И хотя приказчики и продавцы, готовясь к трудовому дню, банковские служащие, спеша в свои конторы, первые покупатели, рабочие — строители нового отделения Вулворта улыбаются, услышав песню детей, дядя Билл улавливал и косые взгляды и замечания насчет автобуса.

Он высаживал малышей у школы для малолетних, заботливо проводил их через калитку и попрощался с каждым в отдельности. Потом отправился в католическую школу и, наконец, в начальную школу. Было бы удобнее и выгоднее группировать детей по школам, как предлагали некоторые родители, но дядя Билл чувствовал, что лучше всего в каждом рейсе соединять ребят разных вероисповеданий.

Он уже собрался вернуться к машине, но увидел директора школы, направлявшегося к нему через спортивную площадку.

— Здравствуй, Билл, сегодня последний день перед каникулами. Хочу пожелать вам веселого рождества на случай, если мы с вами не увидимся.

— Вам также, мистер Льюис, — ответил дядя Билл, думая про себя: «Можете назвать меня старым дураком, но последний день перед каникулами самый тяжелый, все праздники я только и жду, когда начнутся занятия в школе». — Его мысли опять вернулись к кампании за автобус, и он лишь урывками слышал то, что говорил Льюис: «...Как и во всем, что связано с просвещением, Билл, — нет денег... Сколько угодно денег на бомбы, на базы для горючего, но на то, чтобы позаботиться о детях, денег не хватает. Вы только посмотрите на это старое школьное здание — настоящий сарай! И по пятьдесят детей в каждом классе!»

У Льюиса иногда бывали размолвки с родителями школьников из-за того, что он открыто высказывал свои взгляды, — некоторые говорили даже, что он коммунист, но дядя Билл директор нравился. Льюис правильно относился к рейсам такси. Он проявлял мужество перед лицом критики и сплетен. Дядя Билл чувствовал, что ему самому вскоре понадобится хотя бы доля мужества Льюиса.

— Так что ваше такси тут ни при чем, — продолжал Льюис. — Транспортный отдел готов воспользоваться любым предложением. Вам нечего расстраиваться из-за сплетен, Билл. У нас есть люди, которым делать больше нечего. Хотя наш поселок выглядит, как современный город, но в действительности это еще самая настоящая деревня.

— Замечательная у вас работа, мистер Льюис, — учить ребят и все такое! — услышал Билл свои слова. — Сотни их вокруг вас целый день...

— Я иногда проклинаю детишек, Билл, но другой жизни для себя не представляю. Во всяком случае, у меня найдется кое-что сказать этому типу из транспортного отдела сегодня вечером, можете мне поверить. — Льюис повернулся и пошел, но вернулся и облокотился на белый забор. — Что бы ни решили насчет автобуса, здесь, в школе, немало ребят,

которые до самой смерти не забудут дядю Билла.

С этими словами он ушел, и дядя Билл ощутил в себе прилив благодарности и легкой зависти к Льюису. Директор школы — вот это дело, но в молодости никогда не думаешь о таких вещах...

— Не понимаю, отчего бы нам не обзавестись автобусом, вместо того чтобы нас грабил Билл Митчел, — услышал Билл женский голос, садясь в машину. — Никто из моих детей ни за что бы с ним не поехал. Никогда не знаешь, какую штуку выкинет этот чудной старик!

Дядя Билл вспыхнул и тяжело вздохнул. Машина тронулась, и он не слышал ответа другой женщины:

— Как вам не стыдно говорить так! Билл Митчел — хороший человек!

Он приехал на стоянку, занял свое место в очереди. Потом вышел из такси и присоединился к группе болтавших шоферов. Молодой шофер рассказывал сенсационную историю о победе, которую он одержал над клиенткой прошлой ночью.

— Она была девушка что надо. Зашел на чашку чаю, дальше можно вам и не говорить.

«Интересно, какая доля правды в таких рассказах?» — размышлял дядя Билл. За семнадцать лет работы за рулем с ним такого никогда не случилось, может, он просто не тот человек.

Шоферы поздоровались с дядей Биллом. Он стоял молча чуть в стороне, а разговор водителей продолжался: стоянки, кафе, выгодные рейсы, неудачные рейсы, транспортные инспекторы и бобби — регулировщики движения. В одной и той же фразе — хвастовство большим кушем, который они отхватили прошлой ночью, и жалобы на то, что игра не стоит свеч, упорная приверженность иллюзорной независимости шофера такси (заработать можно, если не жалеть времени) и социальный остракизм людей, которые работают тогда, когда другие развлекаются, и спят, когда другие работают.

Дядя Билл не очень верил в то, что они действительно зарабатывали по пять — шесть фунтов чистого наем за смену, как они говорили. У него такой суммы не получалось, правда, с радиослужбой он связан не был, полагаясь лишь на заказы по телефону, которые принимала его жена у постоянных клиентов. Билл работал только шестьдесят часов в неделю.

Он был слишком честен, чтобы брать за сомнительные поездки, от которых пахло темными делами, и уж слишком стар, чтобы гоняться за работой. Дела шли настолько плохо, что он подумывал нанять шофера, который ездил бы на его машине, пока он сам спит; но все же он цепко держался за иллюзорное представление о том, что в мире еще есть место для человека, который занимается своим ремеслом и не является ничьим господином и ничьим рабом.

— Ну, как ребята, Билл? — спросил один из шоферов.

— Да неплохо, сегодня начинаются каникулы, и некоторое время я их не увижу.

— Значит, в твоём кармане будет дырка, — произнес кто-то.

— Эти рейсы мне годы не дают, — ответил дядя Билл, улавливая насмешливую нотку в последней реплике.

— Хорошо. Значит, тебя не расстроит, если они получат автобус, — заметил другой шофер.

— Зато это меня рас-

строит, — сказал третий. — Начнется с автобуса для поездок в школу, а не успеешь оглянуться, как автобусы будут ходить из города даже по вечерам. А на этом я как раз зарабатываю половину своей хлебной корки: вожу народ из Форестгльда в гору.

В первую машину сел пассажир. Шофер покинул товарищей, бросив через плечо:

— Шайка из комитета за автобус на тебя злится, Билл. Они считают, что рейсы твоего такси в школу и обратно мешают им добиться автобусной линии для Форестгльда.

— Они могут доказать, что автобус нужен, — произнес дядя Билл ему вдогонку, затем сказал, обращаясь к остальным: — Что-то тихо, съезжу домой, выпью чашку чаю.

Билл Митчел целый день водил такси почти машинально. Декабрьская жара обостряла ноющее беспокойство в его душе, вызванное разговорами об автобусе. Он сделал три своих рейса с ребятами из школы, но не испытал обычной радости, хотя и не забыл прорепетировать с ними рождественские песенки, вроде «Тихая ночь», «Рождество». Он поймал себя на том, что просил детей каждой из трех групп обязательно спеть перед его дверью, если они будут ходить в сочельник с песнями. И прощание его с ребятами было нежнее, чем всегда, как будто он прощался с собственными детьми, отправлявшимися в далекое путешествие.

Он работал на линии почти до вечера и последним рейсом вез разношерстных клиентов в Форестгльд. Разговор пассажиров все время вертелся вокруг собрания, организуемого «Комитетом за автобус Форестгльду».

— Очень важно, чтобы вы выступили, Билл, — заметил один из седоков. — Транспортный отдел заявляет, что спрашивал, готовы ли вы продолжать...

— И я ответил, что готов до тех пор, пока начнет работать автобусная линия, — перебил дядя Билл. — Не вижу, что в этом плохого.

— Мой паренек молится на вас, Билл, — сказал другой. — Он теперь пропускает занятия лишь тогда, когда по-настоящему болен, но вы должны признать, что автобус нам необходим. Автобус будет стоить всего три пенса в один конец, и ребятам не придется ожидать на улице около школы, пока вы развезете других.

— И нашим женщинам не надо будет нанимать такси, чтобы добираться до цивилизации...

— Школьный автобус будет первой ласточкой. А потом мы сможем добиться автобуса,

чтобы возвращаться с работы. Но, конечно, ваш бизнес от этого пострадает...

Дядя Билл с раздражением перебил говорившего:

— Я прожил много лет, работая на такси, до того, как начал развозить ребят в школу. И буду жить, хотя бы дюжина автобусов ходила в Форестглед!

— Вы будете на собрании, дядя Билл?

— Может, я задержусь на работе, — ответил дядя Билл, сам не зная, захочется ли ему пойти.

Он работал до семи часов, когда подвернулся рейс, приведший его почти к дому, и Билл решил заехать поужинать. Жена его, невысокая, седая, располневшая женщина, державшая себя с большим достоинством, подала ему мясной салат. Он ел нехотя, без удовольствия. Их обычный разговор о событиях дня не клеился. Тревожное настроение дяди Билла, вызванное пересудами об автобусе, уже не впервые давило на них.

— Ты вечером работаешь, Билл? — спросила жена после еды.

— Не знаю, — ответил дядя Билл. — Я заработал немного, но здорово устал.

Он понимал, что ей хотелось узнать, собирается ли он на собрание, а ему не хотелось думать о собрании. Если он пойдет, придется говорить, выступать при представителе транспортного отдела. И он должен будет решить, что сказать. А если останется дома...

В прошлом все решения в жизни Билла принимались автоматически, сами собой, они не вызвали в нем никакой борьбы чувств. Так, он решил покинуть заросли и переехать в город: в зарослях не было работы; он отправился в город и нашел работу. Раздумывая о том, на какую работу устраиваться, не требовалось: у него не было профессии, поэтому он пошел туда, где нашлось место, и в конце концов стал шофером грузовика, доставлявшего товары в пригород. То же самое произошло и когда началась война: для такого человека, как Билл Митчел, война есть война, и ты идешь добровольцем, не испытывая ненависти к врагу, которого должен уничтожать, или любви к силам, которые должен защищать. Но его забраковали: он был несколько староват, к тому же у него обнаружили плоскостопие. Таким же образом он сделал предложение Уинни. Он любил Уинни, и она была единственной женщиной, обратившей на него внимание. Он сделал ей предложение, и они поженились. Решение стать шофером такси тоже пришло само собой: он скопил деньги, которых хватило на покупку машины; если бы ему посчастливилось сорвать приз на скачках, он смог бы приобрести домик у моря для Уинни. Это все, что ей было нужно в жизни, кроме Билла и детей, которые так и не появились.

Но сейчас от него требовалось решение другого характера. Он должен сделать выбор. И к какому бы решению он ни пришел, у него останется чувство сожаления. Разрешить проблему он мог, лишь создав новую.

Возможно, другим людям приходилось часто принимать решения такого рода, но дядя Билл столкнулся с этим впервые, и жизнь не подготовила его к моменту, когда он должен принять столь важное решение, не закалила его настолько, чтобы он мог смело пойти навстречу последствиям своего выбора.

— Сегодня днем приходил представитель из автобусного комитета, — сказала Уинни.

— Кто, Уилсон, секретарь?

— Да.

— Это он все твердит, что меня беспокоит вопрос об автобусе. Чего ему надо?

— Он оставил обращение. Вон на камине лежит. Просил, чтобы ты подписал. Это насчет автобуса.

Дядя Билл встал и внимательно прочел обращение.

Уинни нерешительно продолжала:

— Он говорил... он говорил, что тебе надо прийти на собрание.

Дядя Билл положил обращение во внутренний карман пиджака.

— Он хочет, чтобы я сказал, что перестану делать рейсы после каникул, вот зачем я ему нужен на собрании.

— Он говорит, что автобус будет, если ты

это сделаешь! — разом выпалила Уинни, боясь потерять мужество.

— Если я предложу возить ребят по три пенса в один конец, они не смогут сказать, что я гонюсь за выгодой, верно?

— Нет, Билли, — неуверенно сказала Уинни.

Дядя Билл сел, облокотившись на стол, и подпер голову руками.

— Ах, Билл, — произнесла Уинни, положив руки ему на плечи, — если бы у тебя были дети! Если бы я могла родить тебе детей!

Он медленно поднял голову и повернулся к ней. Глаза его наполнились слезами.

— Ты любила меня, Уинни, больше ты сделать ничего не могла.

Он с трудом взял себя в руки. Поднявшись, он нежно поцеловал ее в щеку.

— Где у нас почтовая бумага, Уинни?

— Здесь. Я сейчас принесу, Билл.

Дядя Билл вынул из кармана дешевую шариковую ручку и начал писать.

Уинни убрала со стола и вымыла посуду прежде, чем он закончил, так как Билл не привык писать письма и четыре раза принимался заново выражать свои мысли на бумаге. Он надписал конверт; Уинни не посмотрела на адрес и не спросила, кому он написал. Билл положил письмо в карман вместе с обращением.

— Пожалуй, я пойду на собрание, Уинни, — объявил он.

— Уже поздно, Билл, оно почти кончится к тому времени, как ты доберешься туда.

Почти все взрослое население Форестгледа и многие дети совершили пятимильное путешествие в центральный общественный зал поселка — на собрание. Все автомобили, старые и новые, пошли в ход. У здания, где происходило собрание, на скользком откосе играли ребята, катались на качелях, радуясь неожиданному развлечению.

Граждане Форестгледа разделяли противоречивую судьбу жителей многих поселков вокруг Сиднея. Город от избытка сил вышвырнул их в пригород, отказав им в былой ключом социальной жизни своего центра, в красоте своей бухты, вынудив их построить дома, которые большинству из них были не по средствам. Вместо того, чтобы жить жизнью города, населению пригорода приходилось мириться с добровольной ссылкой в узкий мирок своего жилища и сада. А потом они должны были вести борьбу с городом за элементарные удобства, которые помогали функционировать разброшанному пригороду: за канализацию, дороги, транспорт. Населению приходилось объединяться, чтобы сделать свое замкнутое существование возможным.

В зале выступал представитель транспортного отдела; он явно нервничал после резкой и временами жаркой дискуссии.

— И в некоторых местах дороги уже, чем предписано правилами.

— Муниципалитет согласился расширить дороги, — бросил с места Льюис, учитель.

— Есть и другие трудности, — продолжал оратор, думая про себя: «Хорошо министру и начальству говорить: будьте приветливы, но тверды». — В некоторых пригородах детям совсем не на чем добираться до школы!..

Дядя Билл вошел незамеченный и остановился сзади. Он огляделся вокруг: мужчины в рубашках ярких расцветок и в коротких

штанах или серых брюках, женщины в широких юбках и веселеньких блузках; только бизнесмены, советники и член парламента от Форестгледа, принеся в жертву удобство, были в парадных костюмах, при воротничке и галстук. Секретарь и председатель комитета за автобус и представитель правительства — в президиуме. Лавочники в надежде на оживление торговли, крупные собственники, агенты по продаже земельных участков в надежде на рост цен на землю и другую собственность, советники в надежде получить побольше голосов, либералы в надежде доставить неприятность лейбористскому правительству, лейбористы, готовые пойти против собственного правительства, коммунисты, борющиеся за автобусную линию и надеющиеся на то, что люди поймут и гораздо более важные вопросы, связанные с этой борьбой... А в центре всего обыкновенные граждане Форестгледа, полные решимости получить транспорт для себя и своих детей.

Дядя Билл ощущал единство зала, и, казалось, это чувство единства было направлено против него в равной степени, как и против человека, выступавшего с трибуны. Теперь ему придется решить, и он надеялся, что потом узнает, почему он решил так, а не иначе, и не станет сожалеть о своем решении.

— ...Здесь хотя бы у детей есть удобный и относительно дешевый транспорт...

— Нам нужен автобус не только для школы, — перебил мужчина из первого ряда.

— Я это понимаю, но мы должны принимать во внимание, что в других местах даже у детей нет транспорта. Я поставлю ваш вопрос — а у вас, безусловно, имеются серьезные основания — на рассмотрение отдела...

— Можно мне сказать несколько слов, господин председатель?

Все взоры обратились на Билла.

— Да, мистер Митчел, — произнес председатель.

Дядя Билл боковым проходом направился вперед и поднялся на невысокую сцену. Он вынул из кармана обращение и ручку. Положив обращение на угол стола, он подписал его широким росчерком пера и протянул председателю.

— Вот моя подпись, — сказал он. — Я написал письмо в транспортный отдел о том, что не стану возить детей в школу после каникул. — Он вынул письмо из кармана и поднял его.

Повернувшись к залу, он прочистил горло, стараясь подавить душившее его чувство.

— Вы думаете, я из корысти торчал помехой автобусу. Но я хочу, чтобы вы знали: я делал это потому, что люблю детей.

Он быстро спустился со сцены и пошел, чуть спотыкаясь, через весь зал, между молчаливыми рядами людей.

У дверей, завидя дядю Билла, столпились дети. Когда он приблизился, девочка с челкой бросилась к нему.

— Я первая увидела дядю Билла! — воскликнула она.

Дядя Билл поднял девочку, и ее ручки обвились его шею. Он прижал ее на минутку к груди, и гром аплодисментов потряс зал. Дядя Билл опустил малышку на пол и выбежал в ночь, надеясь, что никто не заметил его слез.

Перевела с английского
С. КРУГЕРСКАЯ.

Председатель Совета Министров СССР Н. С. Хрущев и Президент США Д. Эйзенхауэр на аэродроме Эндрюс, близ Вашингтона.

Почетный эскорт мотоциклистов, сопровождающий машины с советскими гостями, въезжает на улицы Вашингтона.

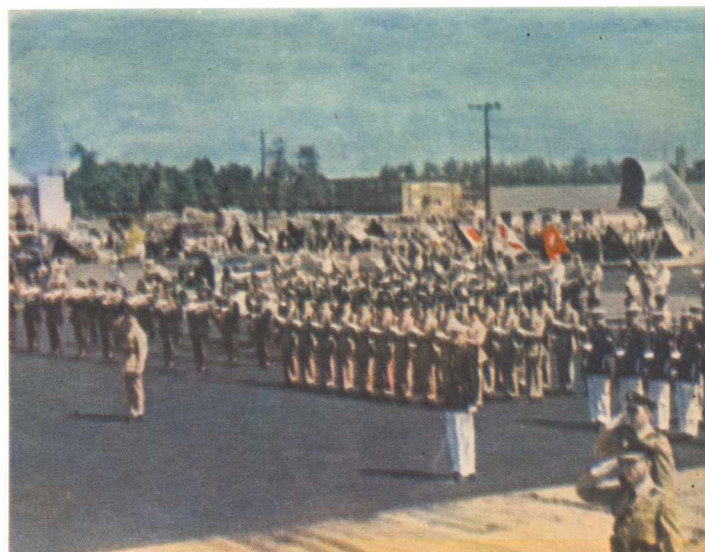
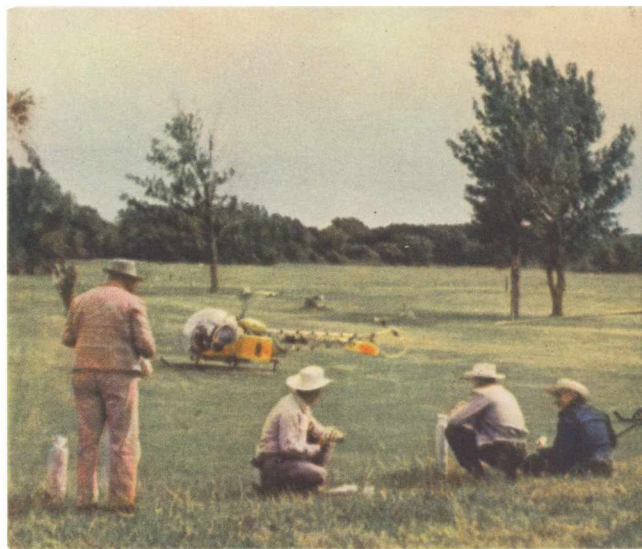

Н. С. Хрущев на ферме Россуэлла Гарста.

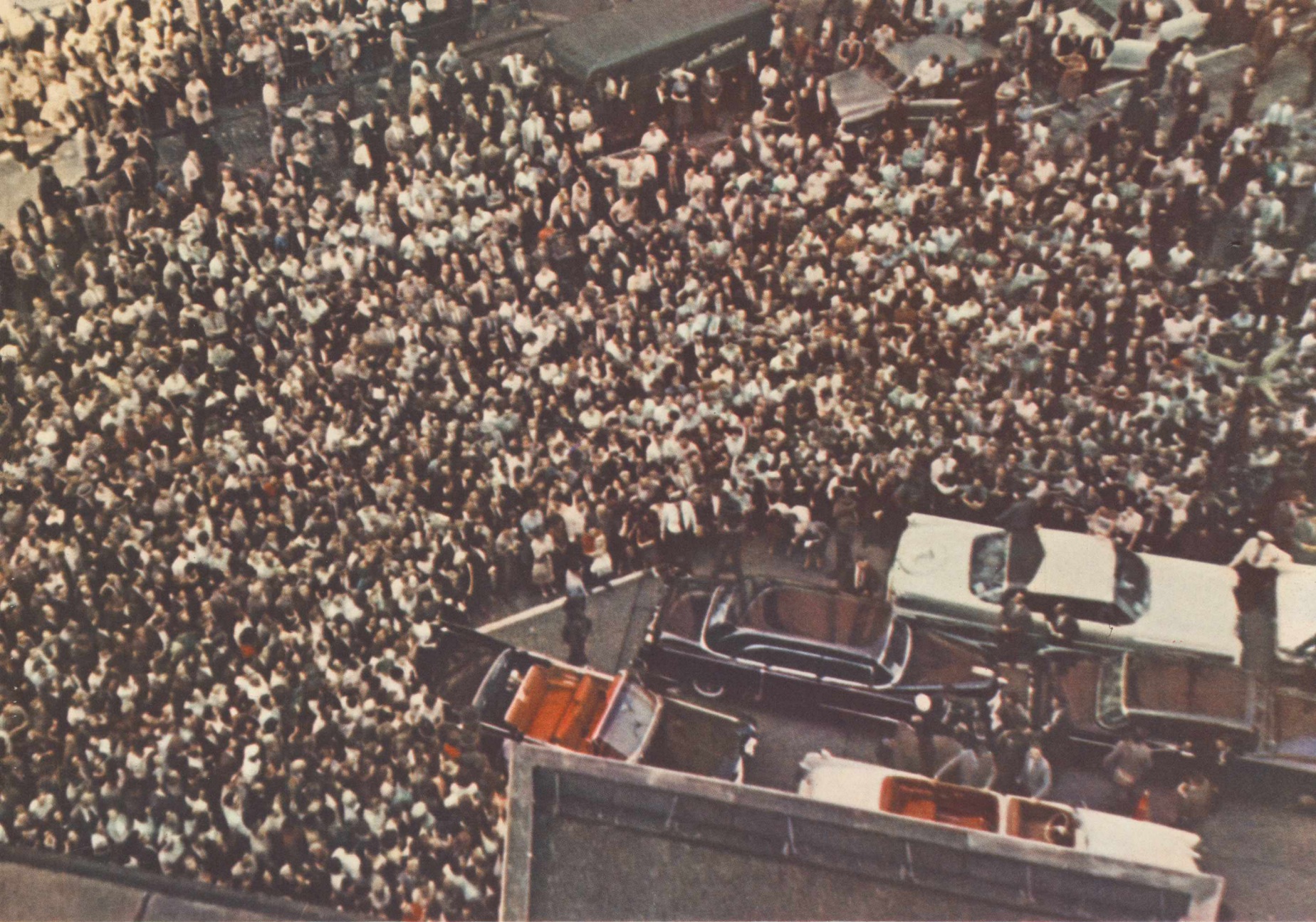
В университете штата Айова. Хотя бы через окно увидеть советских гостей!

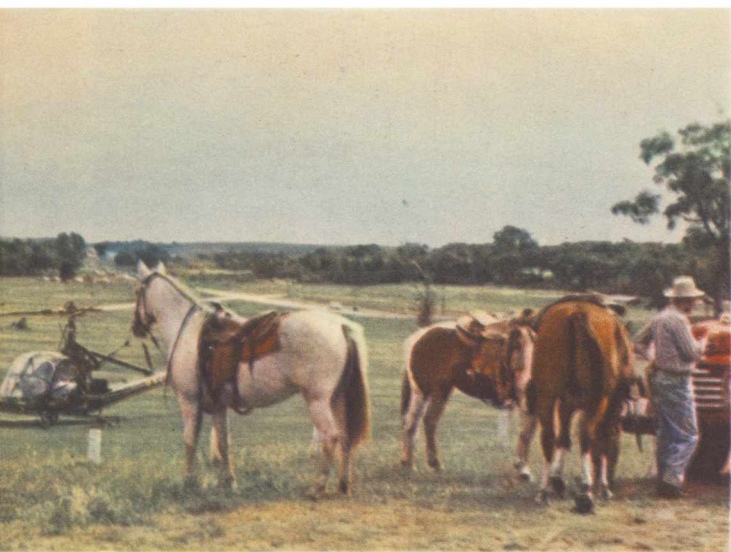
Фото специального корреспондента

ндента «Огонька» А. НОВИКОВА.

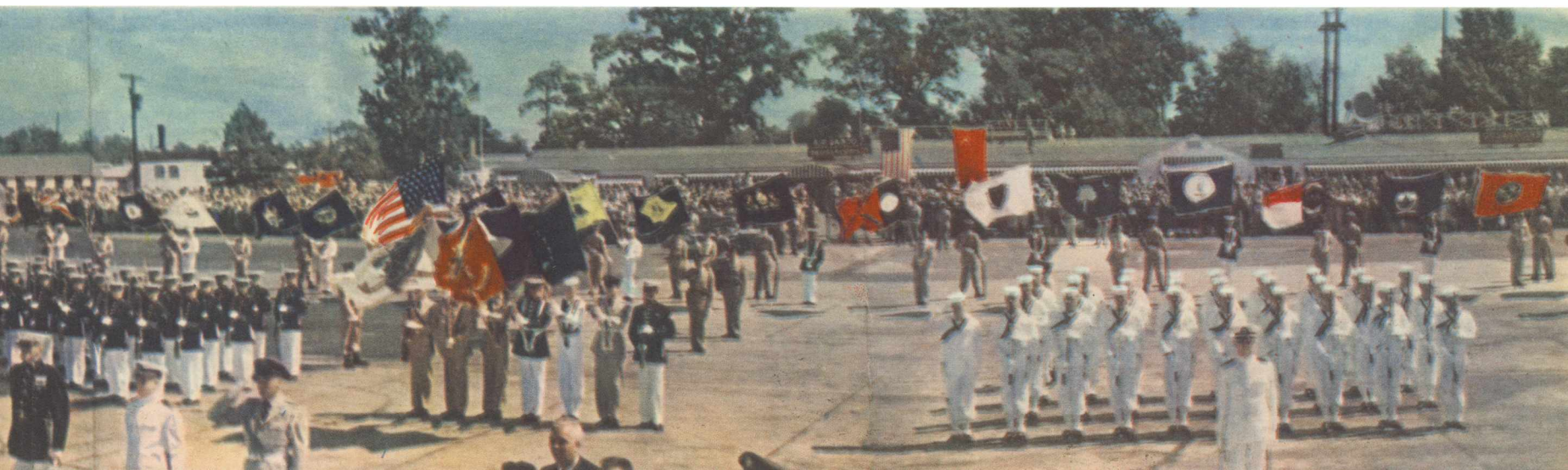

Жители Питтсбурга встречают главу Советского правительства.

← На одной из ферм штата Айова.

→ «Добро пожаловать!» — такими словами встречали американцы Н. С. Хрущева.

В честь высокого гостя на аэродроме Эндрюс выстроен почетный караул.

На заводе сельскохозяйственных машин «Джон Дир», близ города Де-Мойна.

Жители Де-Мойна заняли все подступы к гостинице, в которой остановился Н. С. Хрущев.

1 ноября — пятилетие национально-освободительной войны алжирского народа.

Первые страницы борьбы

Солдаты армии свободы.

Абделла почувствовал, как на его плечо тяжело легла рука. В голове сразу же мелькнуло: «Листовки! Спрятать...» Но прятать было некуда. Ускользнуть, пользуясь базарной суетою. Он сделал движение, пытаясь освободить плечо, но еще чья-то рука крепко ухватила его выше локтя. Он оглянулся. Сзади стояли два французских жандарма.

— Чем торгуешь? — спросил зло и насмешливо жандарм, державший его за плечо. — Ну-ка, показывай.

Другой уже обшаривал его, таскал из карманов листовки. На запястьях Абделлы с легким звоном защелкнулись наручники.

Так в 1954 году, во время выборов, проходивших, по утверждениям французских властей, «в обстановке свободы», был арестован сельскохозяйственный рабочий Абделла бен Мухаммед, раздававший на базаре листовки. Листовки звали алжирцев голосовать за кандидата, выдвинутого алжирскими профсоюзами. Случилось это в Дюперре, небольшом городке недалеко от Орлеанвилля.

Надсмотрщик тюрьмы, высокий красивый белокурый француз, больше всего заботился о своей внешности и о своем саде. Сад примыкал к тюрьме. Туда выводили заключенных, и они таскали воду, рыхлили землю, ухаживали за деревьями. Абделла работал в паре с Ганми Абделькадером. Тот тоже был батрак и знал толк в садоводстве. Но работать ему было тяжело. Он часто останавливался, вытирал пот со лба, трудно кашлял: туберкулез разъедал легкие.

— Эй вы, освободители Алжира! Чего остановились? Ну-ка, за работу! — кричал белокурый француз, похлопывая по кобуре револьвера.

Здесь же, в саду, у Абделлы и Ганми родилась мысль о победе.

В тот день они старались всю. Надсмотрщик постоял во дворе, потом поднялся по ступенькам и вошел в дом.

— Пора! — шепнул Ганми.

Перемахнуть через забор было делом нескольких секунд. Когда Абделла и Ганми уже выбрались из города и сидели в домике знакомого крестьянина, Абделла засмеялся. Он представил себе растерянное лицо красивого надсмотрщика, который увидел в саду только воткнутые в землю лопаты.

Началась жизнь в подполье. Полиция искала их, но след затерялся где-то в окрестностях Дюперре, среди крестьянских дуаров. От соотечественников Ганми и Абделла не пряталась. Наладились связи с патриотической организацией в городе. Через нее они получили пять автоматов.

В ночь с 31 октября на 1 ноября в Константине, Оресе, в других районах Алжира прокатилась волна гнева против колонизаторов. Всюду читали и слушали манифест, провозглашавший: «Национальное движение вступило в завершающую стадию». Манифест был подписан Секретариатом Фронта национального освобождения.

Под Дюперре еще было спокойно. Но где-то в глубине бурлила жажда борьбы; руки, много рук тянулись к оружию. Пять автоматов были, конечно, каплей в море. Ганми и Абделла стали собирать у крестьян охотничьи ружья. Ими вооружали члены боевой группы. И все-таки оружия не хватало.

...Из деревни Херба, где стоял французский гарнизон, шли три грузовых автомашины. Машины сопровождало несколько вооруженных солдат. Солдатам была хорошо знакома эта дорога: рейсы были регулярными. Офицер обычно говорил:

Алжир- МОЕ СЕРДЦЕ

Ахмед СНЕДЖ

Есть у алжирцев песня, слова которой просты и величественны:

С наших гор звучит голос
свободных людей:
«Будь свободен, Алжир!»
Я тебе посвящаю и жизнь
и судьбу,

О отчизна моя!
Ты любовь моя, ты мое
сердце, Алжир!
Я клянусь, что измены не
ведать тебе,
Я клянусь!

Эта песня сложена давно. Французские власти несколько раз запрещали ее. Но алжирские матери учат своих детей с трехлетнего возраста словам этой песни. И алжирцы поют ее — вполголоса там, где ее могут услышать оккупанты, громко — в горах, где рождается свобода страны.

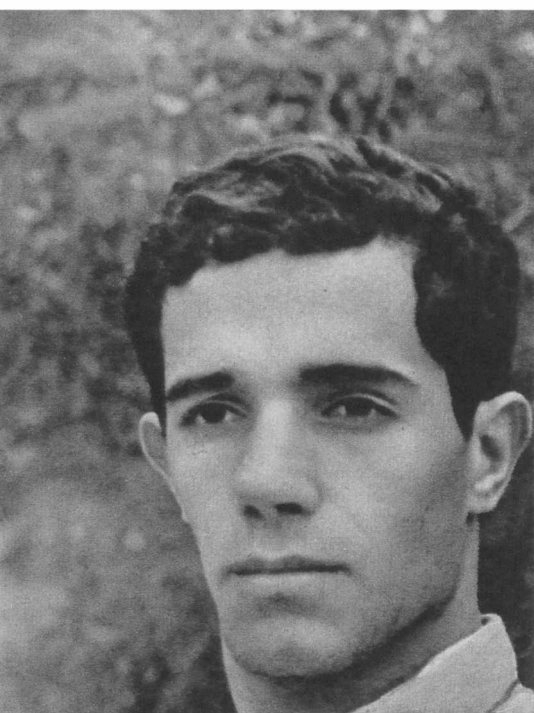
За пять лет пройден большой путь. Окреп Фронт национального освобождения. Армия национального освобождения контролирует ряд районов страны. Войска и власти колонизаторов жмутся к городам и крупным населенным пунктам. Во многих городах создана подпольная патриотическая администрация. Алжирцы говорят: «Ночью весь Алжир принадлежит алжирцам...»

Кто же эти люди, которые нещадят жизни для счастья своей многострадальной страны? Это крестьянин, впервые научившийся владеть боевым оружием. Студент, сменивший автоматическую ручку на захваченный у врага автомат. Солдат, оставивший ряды французских войск, ставший в строй Армии национального освобождения. Это они поют: «Ты мое сердце, Алжир!» Это они говорят: «Будь свободен, Алжир!»

Абделла бен Мухаммед.

Фасла Абдельмажид.

Маюф Хамада.

— Следить за дорогой! Оружие держать наготове!

Но уж слишком хорошо была знакома эта дорога. Солдаты поддремывали, не приглядываясь к придорожным канавам и кустам. Первая автоматная очередь из кустов застала их врасплох. Первый грузовик остановился: мотор был поврежден. Два других машины не могли ни двинуться вперед, ни развернуться. С другой стороны дороги тоже застрекотали автоматы, гулко захлопали охотничьи ружья. Солдаты стали отстреливаться. Но преимущество было на стороне нападающих.

...Ганми, Абделла и товарищи уносили, унося первые трофеи — оружие врага — и трех убитых в перестрелке друзей. Они уходили в горы, в лес, покрывавший горы, расступался перед ними, принимая полтораста человек, которые должны были стать регулярной частью Армии национального освобождения.

В застенках и тюрьмах

Фасла в одно и то же мгновение услышал сзади себя взрыв и почувствовал острую боль в левой ноге. Потом на него навалилась тьма.

Он переползал французское минное поле последним. Тот, кто полз впереди него, вернулся назад и ощущал его тело. Ему показалось, что Фасла мертв. Обычно алжирцы не оставляют своих убитых врагу. Но тут поблизости был французский пост, взрыв мины уже привлек внимание.

...Несколько раз Фасла приходил в себя. Под утро, закусив губы, чтобы не стонать, он пополз к кустам, волоча раздробленную ногу.

Французский патруль нашел его по широкому кровавому следу. Солдат нагнулся и снял с его руки часы, увидел кольцо и тоже потянул его с пальца. Фасла открыл глаза.

— Смотри-ка, этот «макй» жив! — сказал другой солдат.

Фасла знал, что обычно раненых алжирцев добивают. Ему стало горько: выйти в первую серьезную операцию и...

— Бери его! — произнес, подумав, солдат.

То, что было потом, Фасла помнит, как сквозь сон. Его тащили, потом какой-то офицер пробовал его допрашивать, потом он очутился на операционном столе. Когда после операции он пришел в себя, то ноги ниже левого колена не было.

Бывшие казармы 22-го колониального пехотного полка в Марнии — большое унылое одноэтажное здание, окрашенное в оранжевый цвет, — делили между собой отделение разведки «Второго бюро» и военной полиции. Фаслу, полураздетого, поместили в «одинокую», приковав к стене за руку короткой железной цепью, которая не позволяла ни встать, ни лечь.

Потянулись дни, мрачные, зловещие, похожие на камень тюремных стен. Фасла был слаб, его лихорадило, потом прибавилась дизентерия.

Комната для допросов находилась недалеко от камеры Фаслы. Часто он слышал, как оттуда доносятся стоны и крики. Иногда это были женские голоса. Костылей Фасле не дали, и, когда его вы-

зывали на допрос, он добирался до этой комнаты, прыгая на одной ноге.

— Итак, Фасла Абдельмажид, вы все упорствуете? — встречал его вопросом высокий капитан из «Второго бюро», которого звали Шивари.

Фасла говорил искренне, когда отвечал «не знаю» на вопросы об Армии национального освобождения. Он знал мало: он вступил в нее всего несколько недель назад. Но если бы и знал что-нибудь, он все равно не сказал бы ничего.

— Не знаю ничего о том, что вас интересует.

— Слушайте, мосье бывший студент, не играйте с нами в прятки. Мы не намерены держать вас долго. Вы очень просто можете попасть в кастролю.

— Я ничего не знаю.

— Хорошо, — свирепел Шивари, — положим! Но вы же студент, образованный человек. Почему вы связались с этим сбродом? Франция никогда не уйдет из Алжира. Мы давно могли бы поступить с мятежниками так, как американцы с краснокожими. Тысяча — другая бомбардировщиков... Но мы хотим спокойствия в Алжире, а мятежники мешают этому.

Стоя перед капитаном на одной ноге, Фасла молчал. Он знал, что сейчас Шивари начнет уговаривать его выступить по радио, сказать, что он, Фасла, был «обманут», «одурачен», что борцы освобождения — это «заблудшиеся», что Франция готова «простить» провинившихся. Ему уже предлагали это два раза, и он отказывался.

— Ну, ты еще пожалеешь! — говорил в заключение Шивари.

После тюрьмы в Марнии Фаслу переправили в военный лагерь Мешуар, где было отделение для военнопленных. Потом была еще тюрьма в Тлемсене, потом городская тюрьма Орана. Всюду надсмотрщики зверствовали над заключенными. Только делали они это по-разному.

И, наконец, лагерь Ламорисьер. Туда его доставили утром. Машина, на которой везли заключенных, остановилась километрах в полутора от входа. Дальше их повели пешком. Ему пришлось снова прыгать до входа в лагерь.

Во дворе лагеря сидели за столом лейтенант и полковник французской армии. Позже Фасла узнал, что лейтенанта зовут Ляпип, а полковника — Дюма. Ляпип допрашивал каждого «новичка» подробно, записывая ответы.

У Фаслы мучительно ныла затекшая нога. Он вытянул вперед руку и сказал, обращаясь к полковнику:

— Разрешите мне сесть.

Полковник обменялся взглядом с лейтенантом, и оба, не отвечая, расхохотались.

Фасла продолжал стоять, приглядываясь к процедуре допроса. После каждого ответа заключенного стоявший рядом охранник ударял его кулаком по лицу. Когда очередь дошла до Фаслы, его били с особым старанием: охранник помнил, что именно этот парень захотел отдохнуть, и все старался сбить его на землю.

Но главное развлечение охранники припасли для себя на вечер. Метрах в двухстах от бараков был колодец. Каждому из заключенных давали ведро и заставляли носить воду. Охранники и солда-

ты образовывали живой коридор, каждый брал в руки палку или плетку. Заключенные с ведром воды должны были бежать по этому коридору, а охранники и солдаты били их, крича, швыряли в глаза землю и весело хохотали, когда кто-нибудь падал.

В первый день Фасла тоже получил ведро. Прыгая на одной ноге между рядами солдат и охранников, он старался увертываться от ударов и не упасть. Но потом споткнулся и рухнул на землю.

— Эй, колченогий! — кричали солдаты. — Разве ты так старался, когда был в «макй»? Покажи, как ты там прыгал!

Удар плеткой ожег плечо. Кто-то ткнул Фаслу носком тяжелого солдатского ботинка. Кто-то нагнулся и ударил его по лицу. Фасла лежал в луже от разлившейся воды и старался укрыть от ударов голову...

Три месяца продолжался этот ад. Потом Фаслу, больного, с лицом, обтянутым землисто-розоватой кожей, выпустили из лагеря. Было решено, что теперь он уже не сможет ничем быть полезным «мятежникам». Да и, судя по всему, он долго не протянет.

Позже Фасла с помощью друзей выбрался за алжирскую границу.

«Презирующие смерть»

Деревушка Сриейт была обречена. Она должна была перестать существовать. О, нет, французские войска не будут вести себя как варвары! Деревня будет сожжена, но жители переселят и отгородят от связей с внешним миром колючей проволокой. Жители помогали «мятежникам», снабжали их продовольствием, прятали в своих домах. И это, несмотря на строгий приказ сообщить в комендатуру о появлении «мятежников».

...Маюф Хамада вместе с другими «презирующими смерть» ждал приказа выступить. Он сидел под деревом и размышлял о том, почему так глубоко засела ему в душу судьба этого маленького селения. Он не был крестьянином, и ему были далеки обычные крестьянские заботы о земле, о дожде, об урожае. Вот Мустафа, его друг, тот знает толк в деревенской жизни. Где-то в Константине стоит деревушка, наверное, похожая на Сриейт, где хозяйствовал бедняк-крестьянин по имени Мустафа до того, как его забрали во французскую армию, откуда он потом дезертировал. И, может быть, той деревушке грозит сейчас та же участь, как и Сриейт...

А Маюф прожил свою жизнь по-другому. В Палестро, городке, который находится недалеко от столицы, на одной из улиц приютилась его маленькая лавочка. Торговал Маюф тканями. Последнее время, впрочем, торговля тканями прикрывала то, что стало главным делом его жизни, — участие в освободительном движении. Он покупал оружие, хранил его под штуками материи, переправлял в горы. Так продолжалось до тех пор, пока он не получил от организации Фронта национального освобождения указания уходить в горы самому.

«Презирующими смерть» в Армии национального освобождения

называют подвижные отряды. Им всегда поручают самые опасные задания. Туда берут людей молодых, сильных, с железными сердцами и волей, твердой, как камни гор.

У Маюфа и Мустафы все было пополам: и место на ночлеге, и нехитрый солдатский обед, и мечта. Мечтали они о будущем, о том, какая жизнь наступит после освобождения. Она должна быть счастливой, эта жизнь в независимом Алжире, и их дети, которых еще нет, будут расти свободными, учиться и всегда будут сыты.

...«Презирающие смерть» устроили засаду там, где дорога делала поворот на Сриейт. Их было семьдесят. Вот из-за поворота дороги показалась колонна карателей. Их было более двухсот, они несли маленькой деревушке ее страшную судьбу. Вот уже солдаты прошли первые посты засады, движутся дальше, дальше... Первым выстрелил Али Ходжа, командир отряда. Это было сигналом. Залп, второй. Захлебываясь, заговорили автоматы. На дороге закричали, десятка три французских упало, остальные кинулись в сторону леса. Оттуда каратели повели яростный огонь, пытались организовать сопротивление. Но «презирающие смерть» не дали им опомниться и бросились в атаку.

Выстрелы из леса становились все реже. Маюф шел, ища глазами Мустафу. Куда он девался, ведь все время был рядом? И вдруг он увидел за камнем дуло автомата и голову французца. Дуло двигалось, и Маюфу показалось, что чей-то злобный черный глаз хочет заглянуть ему в лицо. Очередь... Над головой свистнули пули. Кто-то рядом упал, ломая ветки кустарника. Пригнувшись, Маюф метнулся к дереву, чувствуя, что дуло движется за ним.

И тут где-то в стороне щелкнул выстрел. Маюф заметил, как сразу поникла голова французца и его автомат скатился на землю. С тыла к убитому, прыгая с камня на камень, спешил Мустафа, друг, спасший Маюфа от смерти.

Мустафа нагнулся над французским солдатом, чтобы взять автомат. Со стороны дороги донесся тяжелый звук артиллерийского выстрела, потом другой, третий. Очевидно, французы успели сообщить на свой пост о столкновении и теперь подтянули к этому месту артиллерию. Надо было уходить. Французские пушки беспорядочно разбрасывали по лесу снаряды. Потом донесся гул авиационных моторов: французское командование вызвало для преследования самолеты.

Отряд «презирающих смерть» уходил в горы. Вместе с ними шла группа жителей деревни Сриейт. Восемь часов без перерыва продолжался этот марш. Когда был сделан привал, Маюф подошел к Мустафе и, подыскивая слова так, чтобы они звучали проще, сказал:

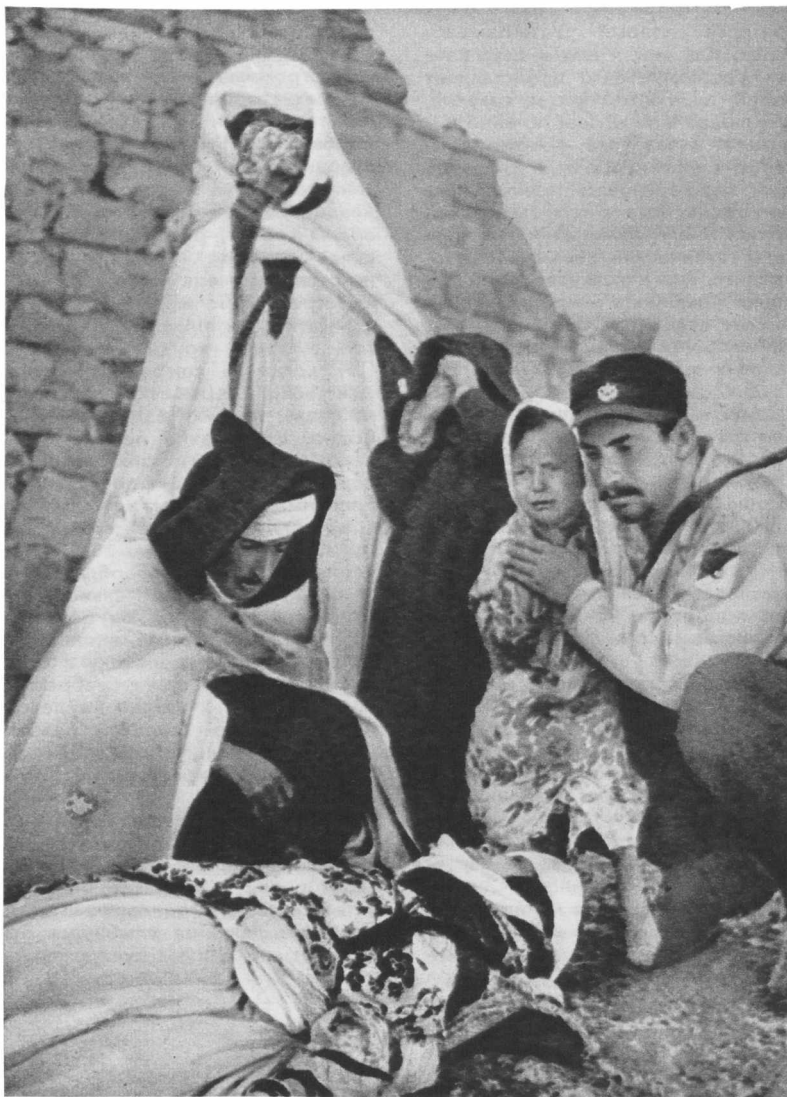
— Мустафа... Ты знаешь, этот француз — он ведь стрелял в меня. Я очень благодарен тебе, Мустафа.

— Я знаю, — ответил так же просто Мустафа. — Но ведь это мой долг — убить врага, который стреляет в друга, верно?

...Позже Маюф и Мустафа узнали, что французы угнали оставшихся в деревне жителей, а деревню сожгли. Ведь Сриейт была обречена. Но «презирающие смерть» заранее отомстили врагу за эту деревню.

Тунис.

Здесь побывали колонизаторы.

Писатели и книги

ВОЛНУЮЩИЕ ВСТРЕЧИ

Городу туркменских нефтяников Небит-Дагу, давшему название новому роману Берды Кербабая, нет еще и тридцати лет. Он возник среди солончаковой степи и мертвых песков у южного подножия хребта Большой Балхан.

— Я полюбил этот город, как родной аул Каун-Зерен, — говорит Берды Мурадович. — В Небит-Даг я заезжал частенько, но каждый раз на неделю — другую. После небольшого поэмы о нефтяниках — это было в 1953 году — я задумал роман о небитдагцах. И тогда я понял, что мои поездки в этот город в лучшем случае лишь записка для серьезного дела, что без постоянного живого общения с людьми, о которых собираешься писать, ничего не выйдет. Я принял твердое решение и в начале 1955 года переехал из Ашхабада в Небит-Даг, где прожил около трех лет... Какое богатство человеческих характеров представало предо мной!

Голос маститого писателя звучит по-юношески бодро, он увлеченно рассказывает о своей дружбе с буровыми мастерами и молодыми геологами, называет имена рабочих, инженеров, партийных и советских работников, вспоминает беседы и горячие споры с ними — будущими героями своих книг... Впрочем, почему будущими? Ведь со многими из них уже знакомы и мы, читатели романа «Небит-Даг». И надо сказать: это действительно интересные люди, деятельные, беспокойные, люди красивого, мужественного труда.

Вот семья Атабаевых — живая история рабочего класса Туркмении. Скупое рассказано в романе о старом буровом мастере Атабае, но мы ясно представляем себе главное в характере старика Атабая — его самозабвенную влюбленность в труд, который поднимал, облагораживал мастера, придал смысл и красоту его жизни. А сколько обаяния, юмора и мудрости у жены Атабая — Мамыш, круг незаметных домашних забот которой так естественно сопряжен с кипучей жизнью Небит-Дага! Можно было бы перечислить и других героев романа Кербабая, знакомство с которыми доставляет немало радости. И если бесспорно, что подлинное искусство немислимо без художественного открытия, то в «Небит-Даге» это

Берды Кербабая. Небит-Даг. Роман. «Дружба народов» № 7 — 9, 1959.

подтверждается прежде всего образом Аннатувана Човдурова.

Он рос рядом с нами, этот темпераментный, напористый человек, которому нет еще и сорока лет. Руководя конторой бурения, Човдуров внимательно прислушивался к советам своих товарищей по работе — главного геолога Сулейманова и главного инженера Сафронова. Впрочем, так было до недавнего времени... Черной кошкой, испортившей отношения друзей, явился дальний район Сазаклы. Около двух лет велась здесь разведка нефти. Район получил мрачное прозвище «барса-гелмез», что по-туркменски значит «пойдешь — не вернешься».

И вот после ряда неудач Аннатуван Човдуров самовольно решил: ничего не выйдет, бросать надо. Човдуров потерял веру в Сазаклы. Но он перестал верить и людям, он попытался отнять у них право думать, дерзнуть, поставил себя над коллективом. Вот почему Човдуров поддался провокации сплетника и интригана Хидыра, без раздумья отдал дело честного Тойджана в следственные органы, вот почему каная-то теневая сторона его души — души разбушевавшегося индивидуалиста — линовала, когда на буровой в Сазаклы вспыхнул пожар... И хорошо, что в конце романа, единодушно осужденный коллективом нефтяников, Човдуров не остается где-то за бортом большой жизни: читатель верит, что Атабаевы, Сафронов, Сулейманов, Айгюль, Тойджан и другие помогут Аннатувану делом расплатиться за свои поступки.

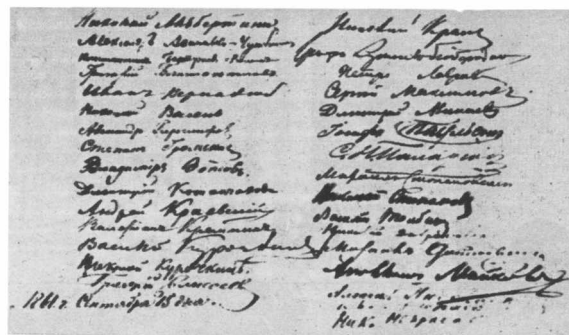
Берды Кербабая — взыскательный художник, не терпящий снисходительности, предъявляющий к себе высокие требования. Эти требования — постоянная неудовлетворенность писателя своей работой, его профессиональное беспокойство, нетерпимое отношение к серости, посредственности в искусстве. Берды Мурадович часто возвращается к уже написанному, он много работает над словом, тщательно отделяя каждую фразу.

У Берды Кербабая большие творческие планы. Он задумал книги о покорителях пустыни, о великом туркменском поэте Махтумкули, о строителях Каракумского канала...

— Это будет моя семилетка, — улыбаясь, говорит Берды Мурадович.

Зная творчество старейшего писателя Туркмении, автора романов «Решающий шаг», «Айсолтан из страны белого золота», «Небит-Даг», драматических произведений, стихотворений и поэм, мы верим в интересные и волнующие встречи читателей с новыми книгами Берды Кербабая.

Аноп САЛАХЯН

31 АВТОГРАФ РУССКИХ ЛИТЕРАТОРОВ

Михаил Ларионович Михайлов, писатель и революционер, соратник Добролюбова и Чернышевского, 14 сентября 1861 года был арестован и заключен в Петропавловскую крепость.

В отделе рукописей Государственной публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина хранится интересный документ — оригинал петиции петербургских литераторов об освобождении М. Михайлова, подписанной Н. Добролюбовым, Н. Некрасовым, И. Панаевым, А. Писемским, Д. Миняевым, Н. Курочкиным, В. Лавровым...

«Мы, нижеподписавшиеся редакторы и сотрудники петербургских журналов, с глубоким прискорбием узнали, что вчера один из наиболее уважаемых литераторов подвергся аресту после вторичного обыска, произведенного у него на квартире полицией... Вся литературная деятельность этого писателя направлена была к самым благородным и высоким целям».

Ходатайство литераторов не помогло. М. Михайлов был приговорен к шести годам каторжных работ и вечному поселению в Сибирь. Через четыре года, замученный тяжелыми лишениями и болезнями, он умер.

Э. НАЙДИЧ

Фото А. ГОСТЕВА.

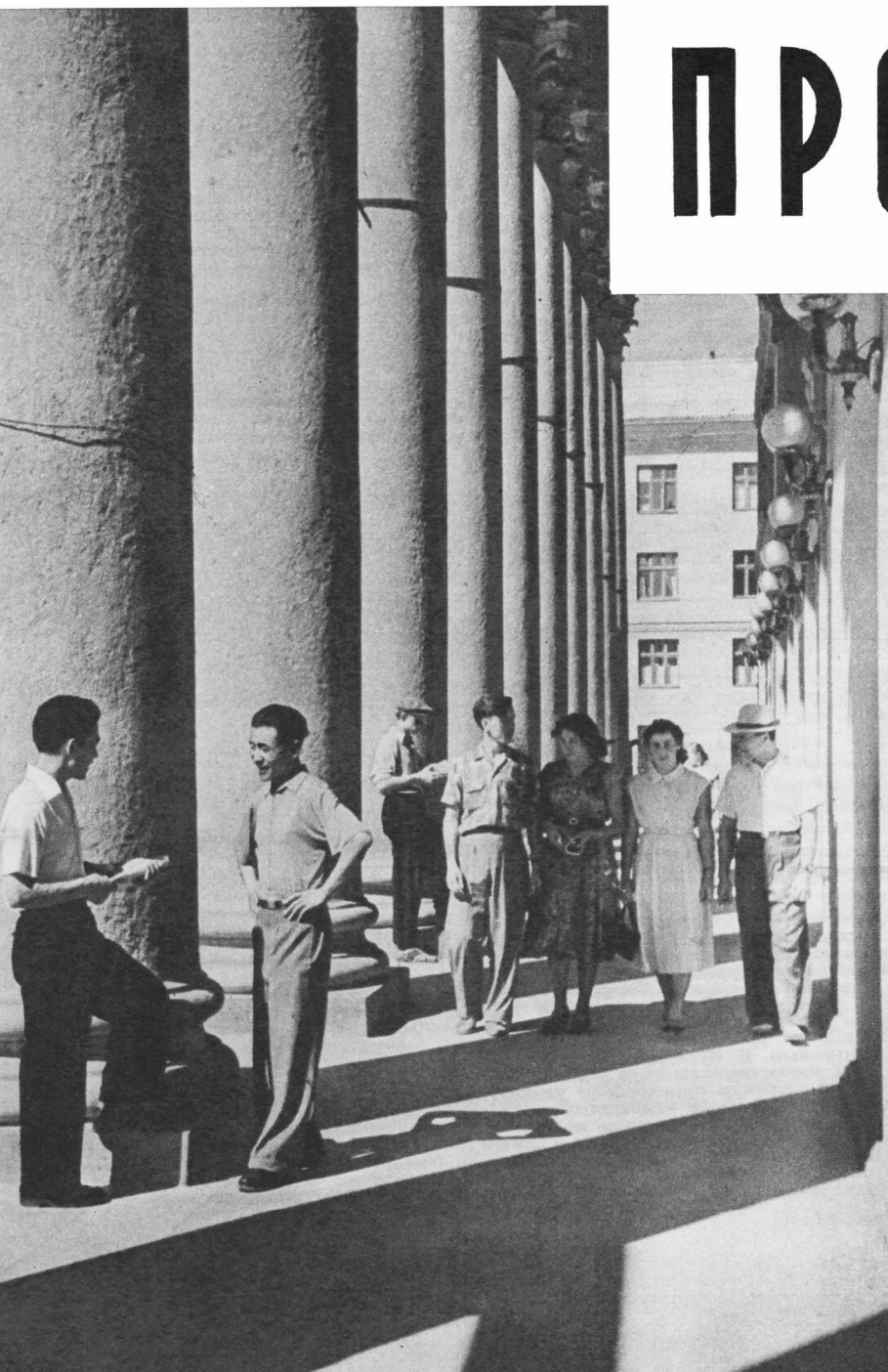
— Мистер Макдермотт.
— Мистер Вартанян.
Длинный худой англичанин и невысокий черноглазый смуглолицый армянин вежливо поклонились друг другу.
— Мистер Вартанян — директор Усть-Каменогорского свинцово-цинкового комбината, — добавила переводчица.
— Усть-Каменогорск — очень маленький город, — неожиданно по-русски, с трудом подбирая слова, сказал англичанин.
— Я бы не назвал его маленьким, — улыбнулся Вартанян.
— Деревянные домики? — настаивал мистер Макдермотт.
— Каменные, пятиэтажные.
— Узкие улицы?
— Широкие проспекты.
— Керосиновые лампы?
— Только электрическое освещение...
Артем Мисакович Вартанян обернулся к переводчице.
— Объясните, пожалуйста, мистеру Макдермотту, что, вероятно, произошла ошибка...
Но Макдермотт не стал ждать перевода. Напряженно вслушиваясь в слова Вартаняна, понимающе кивнув головой, он сказал решительно:

— Не надо перевода. Я понял. Но я не ошибся. Усть-Каменогорск был таким.
— Когда? — спросил Вартанян.
— Сорок лет назад, когда я жил в тех краях.
— У нас? — удивился Артем Мисакович.
Старый джентльмен гордо выпрямился.
— Я представлял фирму мистера Уркварта, имевшего концессию в Зырянске. Я знаю, какой это дикий край. Вы улыбаетесь, мистер Вартанян? О! Я вижу в ваших глазах иронию...
Этот разговор происходил сравнительно недавно, весной нынешнего года, в Лондоне, на банкете, который давала Ассоциация цинковой промышленности Англии в честь группы советских специалистов цветной металлургии, приехавших в Лондон с ответным визитом.
Собираясь на банкет, мистер Макдермотт не ожидал встречи со своей молодостью. Но, беседуя с директором советского предприятия, он отчетливо представил себе дикий край, куда его, еще молодого инженера, сорок с лишним лет назад направила властная рука Уркварта. Мысленным взором он окидывал высокие, поросшие лесом горы, узкие извилистые дороги, Иртыш, который, сердито ворча и пенясь, мчит в узких каньонах... Зброшенный судьбой так далеко от своей родины, ми-

стер Макдермотт рассматривал свое пребывание в Восточном Казахстане как не очень приятную, но неизбежную дань карьере. Он замкнуто жил в своем коттедже при Зырянских рудниках, избегая спускаться в долину, в Усть-Каменогорск — скопище жалких лачуг и пыли...
И вот сейчас перед ним директор Усть-Каменогорского свинцово-цинкового комбината, культурный, жизнерадостный, очень довольный своей жизнью человек, и то, что он рассказывает об этом крае, просто непостижимо. Мистер Макдермотт больше не задавал вопросов. Он молча наблюдал, как Вартанян и его товарищи беседовали с англичанами. Однако в конце банкета вновь очутился рядом с Артемом Мисаковичем. «Еще один вопрос, — сказал он. — Где вы берете для своего предприятия электроэнергию?»
— Видимо, мистер Макдермотт так и не понял, какие изменения произошли в Усть-Каменогорске? — спросила я, выслушав рассказ Вартаняна.
— В этом нет ничего удивительного, — ответил он спокойно. — Даже нам самим трудно уследить за преобразованиями, которые совершаются на нашей земле. Чего же вы хотите от человека, побывавшего в России сорок лет назад? Как же я мог объяснить мистеру Макдермотту, во что пре-

вида. А мы, представьте себе, из той же руды добываем четырнадцать. Да еще каких!
— А кто нашел и разработал способ их извлечения?
— «Думающий цех»... Коллективный разум дал нам возможность выбрасывать из цехов устаревшее оборудование, заменить его новым, работать рентабельно, получая прибыль, строить жилые дома для рабочих, разводить сады. Смотрите! — Вартанян распахнул окно кабинета. — Видите новый город? Он вырос на пустыре, на огородах, за десять лет.
Все, что говорил Вартанян, было интересно. Но самым заманчивым было то, что устькаменогорцы заменяют устаревшее оборудование новым. Известно, что вся цветная металлургия мира до сих пор работает на оборудовании старых марок. Для выплавки благородных металлов применяются печи Фабер-Дюфора, отстаивание производится в аппаратах системы Ван-Гресса. Обжиг концентрата идет в печах Герезгофа. Процесс сгущения, выщелачивания ведется по способу Доора. И так далее.
Что же пришло на смену этим завоевавшим мировую известность агрегатам? Что противопоставили им советские ученые и инженеры?
Первое, о чем следует рассказать, — это о печах «кипящего

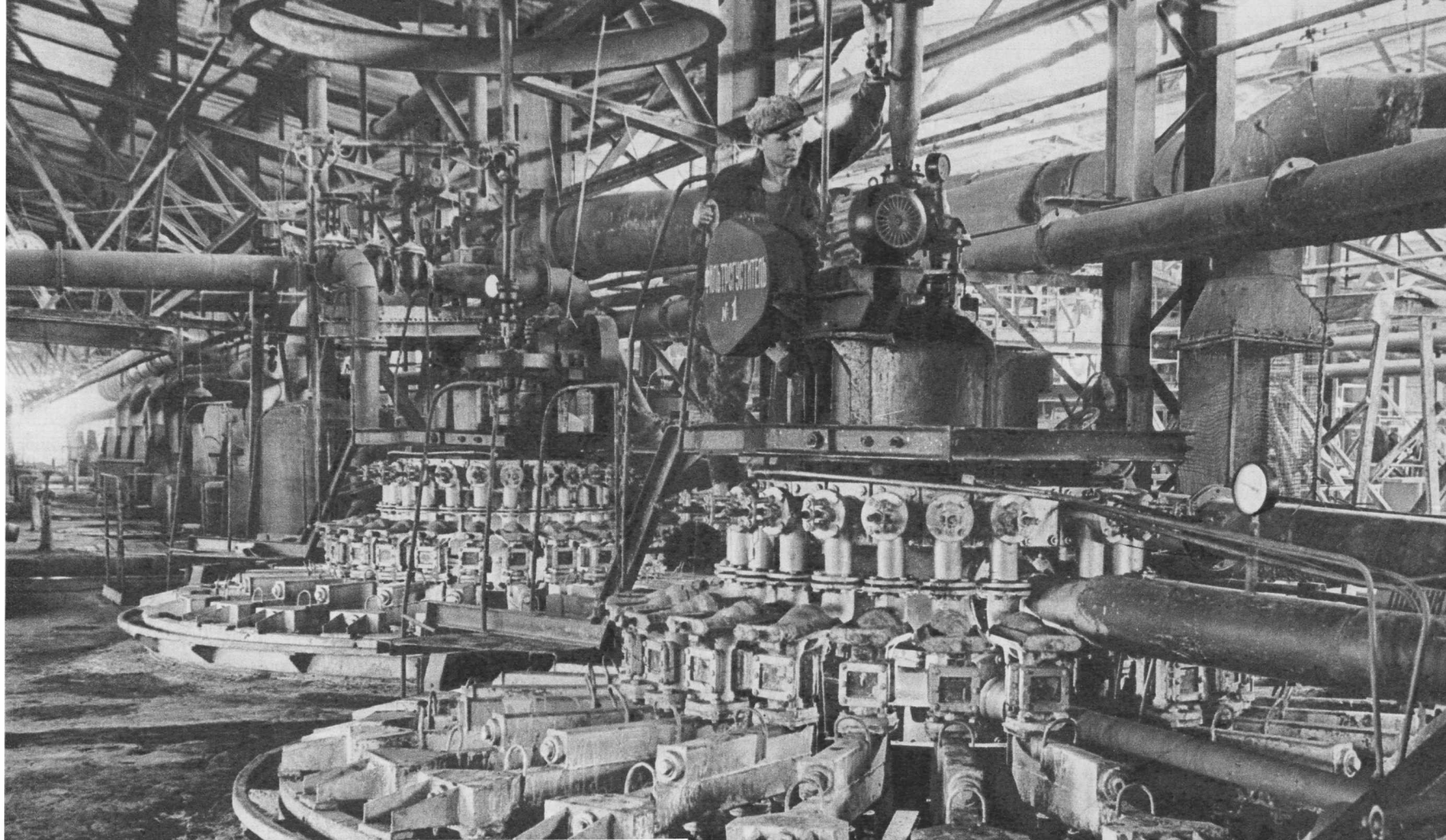
ПРОДОЛЖЕНИЕ

вратился старый Усть-Каменогорск? Как мог я ему в двух словах рассказать, что представляет собой наш комбинат и, главное, его люди? Чтобы понять, надо видеть. И к тому же, — Артем Мисакович улыбнулся, — я и сам не смог бы нарисовать полную картину. Ведь пока я там был, здесь происходили изменения, появлялись технические новинки. Не забывайте, что каждый восьмой рабочий комбината — рационализатор. А если прибавить к этому «думающие цехи»... — Артем Мисакович вынул из папки «для доклада» одну из бумаг. — Вот посмотрите. Только что подписал. Как говорят, «с пылу, с жару».
Это был приказ по комбинату. Он извещал, что с такого-то числа группа инженеров и рабочих освобождается от своих прямых обязанностей и должна думать над тем, как механизировать один из еще оставшихся трудоемких ручных процессов. Речь шла о сдирке листов катодного цинка.
— И часто вы издаете такие приказы? — спросила я, возвращая Вартаняну документ.
— Может, хотите сказать, что это незаконно? — ответил он вопросом на вопрос. — Очень законно, раз это дает хороший результат. А именно таким образом мы, как говорится, «расшивали» почти все «узкие места». — Вартанян заметно оживился. — Знаете ли вы, сколько видов металлов извлекается обычно из рудного концентрата на других цинково-свинцовых предприятиях? Два — три

слоя», которые заменили многопородные печи Герезгофа, напоминавшие огромные круглые, закрытые со всех сторон этажерки. В каждой такой печи было одиннадцать подов (полок) и в центре их вращающийся вал. У вала — тридцать три лапки, на каждой лапке — двадцать гребков, которые все время гребут, размешивают раскаленную шихту. Все эти чугунные детали очень часто выходили из строя. Рабочим, обслуживающим эти печи, приходилось работать в очень трудных условиях.
И когда на комбинате начала действовать первая печь «кипящего слоя», печники вздохнули свободно. Управление печами, температуру, подачу шихты, время обжига теперь ведут по заданной программе приборы.
...В круглой комнате без окон, где приборы занимают все стены, черные стрелки циферблатов то замирают, то стремительно скачут вверх или вниз. Их беззвучный разговор, видимо, вполне понятен пожилому человеку в брезентовой спецовке, с небрежно опущенной на грудь марлевой повязкой. Это старший печник второго цинкового завода Павел Павлович Вахрушев. Сейчас его смена.
Если бы год назад старому мастеру сказали, что он сможет хотя бы на минуту отлучиться от своих печей и на расстоянии давать указания горновым, Павел Павлович даже не улыбнулся бы в ответ на такую пустую шутку...

РАЗГОВОРА

А о новых фильтрах-сгустителях советской марки впервые, как это ни странно, я услышала на городском пляже. Проходя до обеда по корпусам комбината, занимающим ни много, ни мало 200 гектаров, я пришла к реке. Лежа под пестрым тентом, глядя на быстрый бег Иртыша, я мысленно оставалась на территории комбината.

Рядом со мной расположились две девушки. Они продолжали разговор, начатый, видимо, еще по дороге.

— Ты понимаешь, Маруся, скоро мне придется уходить из цеха.

— Не поладила с начальством?

— Да нет! Просто нам там делать больше нечего. Половину фильтров уже демонтировали, а скоро доберутся и до нашего пролета.

— Ну и куда ты?

— Работа на комбинате найдется. Просто жаль с коллективом расставаться. Привыкла уже...

Об этом невольно подслушанном разговоре я вспомнила на следующий день, попав в цех фильтрования.

В огромном зале тесно стояли ряды рамок, похожих на пчелиные соты. Каждая из них с двух сторон обтянута полотном. Это старые фильтры-сгустители. Их назначение — сгущение пульпы, обожженного и особым образом растворенного концентрата.

Между рядами фильтров двигались работники с ковшами. Их

обязанность — каждые два часа брать пробу и передавать ее в цеховую лабораторию, на анализ, следить, чтобы фильтры не забились. Если случится такое, вытаскивать чугунную раму, снимать с нее полотно, закреплять новое...

Но напрасно я вглядывалась в лица работниц. Вчерашней купальщицы среди них не было. А фильтры действительно демонтировали, складывали в кучи, вывозили из цеха. Я подошла к миниатюрным агрегатам. Они стояли в сторонке, как два новичка в шумном классе. На первый взгляд никому и в голову не могло прийти, что каждый из них может заменить десять старых фильтров. А между тем это так. Автоматизированные вакуумфильтры-сгустители почти не требуют участия рабочих. Работу агрегата контролирует счетная электронная установка. Каждые две минуты приборы докладывают о количестве в пульпе вредных примесей кадмия. И не только докладывают, но и регулируют их поступление на фильтры по заданному, предельно малому содержанию.

Эту умную машину создали работники комбината с помощью ученых. Два года упорно искали они решения поставленной задачи — избавиться цинкового производства от морально устаревшего заграничного оборудования. И нашли.

Советского производства и электротермическая печь для выплавки благородных металлов.

Она заменила устаревшие печи Фабер-Дюфора. Ее создали конструкторы Усть-Каменогорского комбината в сотрудничестве с работниками научно-исследовательского института ВНИИЦветмет. Одна такая печь заменяет двенадцать старых.

В каждом цехе свинцового завода комбината меня встречало новшество.

...Вот еще один цех. В окна летит солнечный свет. Его лучи отражаются на влажном полу. На большой высоте протянуты странные конструкции. Они напоминают толстые сосиски, нанизанные на длинный стержень. Слышится равномерное жужжание. Во всем здании ни одного человека.

— Что это за цех, такой чистый и такой безлюдный? — спросила я своего спутника — инженера.

— Это цех пылеулавливания, — ответил он. — Люди здесь не нужны. Им здесь нечего делать. Цех-автомат. Зачем эти трубы? В них поступает воздух из печей «кипящего слоя». Проходя под давлением через мешки, драгоценные частички металла оседают, затем автоматически сбрасываются в бункера и подаются на переработку.

Теперь я поняла, что мы находимся у старта, с которого начинается извлечение из концентрата руды тех редких благородных металлов, о которых говорил Вартачан.

На всех свинцово-цинковых предприятиях эти необходимые для современной техники драгоценные металлы (из тонны руды

Вакуумфильтры-сгустители.

их можно получить примерно лишь 20 граммов) при обжиге концентрата превращаются в пыль и безвозвратно теряются. Усть-Каменогорцы нашли способ не только улавливать эту пыль, но и извлекать из нее цветные металлы.

Теперь легко сказать — нашли. А были дни и ночи, когда инженеры комбината безотлучно сидели в лабораториях. Выйдет или не выйдет? Вышло! Коллективный разум решил эту сложную задачу. «Думающий цех» выдал первую продукцию — тщательно разработанную технологию извлечения из пыли редких металлов.

Можно было бы до бесконечности рассказывать о том новом, что внес в первый год семилетия коллектив устькаменогорцев в свое производство. Но мы расскажем еще только об одном новшестве, которым по праву гордится весь коллектив. Это две замечательные машины, созданные талантливыми изобретателями комбината: электрослесарем Иваном Евлампиевичем Вахрушевым и механиком Иваном Ивановичем Котовым. Одна из этих машин автоматически загружает листы катодного цинка в индукционную печь, вторая — разливает расплавленный металл в изложницы...

...Мне кажется, что встреча Макдермотта с Вартачаном, воспоминания об Усть-Каменогорске, неразрывно связанные с его молодостью, все еще волнуют сердце англичанина.

З. Трунякова и В. Андреев на репетиции «Не было ни гроша, да вдруг алтын».

Л. ЖУКОВА

Фото Ф. КОРОТКЕВИЧА.

Скоро открытие.

Сверстник Москвы, древний Касимов осенью полон неповторимой прелести. Город осыпан золотой листвой, она кружится в воздухе, ковром ложится у ног. Величавая тишина, прелесть старинной архитектуры, гармония тончайших красок осеннего пейзажа — все это околдовывает. Осень... Для городского Дома культуры это всегда горячая пора, но сегодня здесь дел куда больше, чем обычно. К Октябрьским праздникам в Касимове открывается народный театр.

Идет полная реконструкция сцены. Всюду гул, грохот, лязг. И только в одной тихой, не захваченной строительством комнате Дома культуры началась репетиция спектаклей, которыми откроет народный театр свой первый сезон.

Сосредоточенны лица актеров. Нет, это не оговорка. Перед нами не просто любители, а актеры, люди, связанные с театром всерьез, навсегда. Только при этом они сохраняют верность однажды избранной профессии токаря, учителя, партийного работника. Их можно было бы назвать любителями, если бы с этим словом не ассоциировалось подчас понятие дилетантизма, поверхностного, неглубокого отношения к искусству.

В Касимове, городе, который еще недавно был связан с миром только пароходным сообщением (сейчас туда летают самолеты и прокладывается железнодорожная магистраль), никогда не было профессионального театра. Но здесь есть свои театральные традиции, уходящие в далекое прошлое. Старожилы города помнят Анатолия Павловича Нелидова, известного советского актера, юношей впервые вступившего на театральные подмостки в родном ему Касимове. В самом начале века Нелидов организовал любительский кружок, который объединил наиболее передовых людей города. Власть «любезно» предоставили молодым энтузиастам полуразвалившееся помещение манежа. Кружковцы жили идеями московских художественников, мечтали о спектаклях «общедоступных», понятных и нужных народу. Но на все это нужны были деньги, средства, материальные возможности, а у «господ любителей» их решительно не было. В касимовском краеведческом музее хранится письмо А. Нелидова. В нем с трогательной деловитостью упоминается о семидесяти пяти копейках, на которые закуплена была Анатолием Павловичем на базаре солома для благоустройства здания «театра».

После Великой Октябрьской революции в городе стихийно возник любительский театр, названный на этот раз Касимовским на-

родным. Руководили им братья Пережогины.

— А вы нашего Ивана Ивановича Пережогина знаете? Слыхали про него, хотите познакомиться?

Имя братьев Пережогиных у всех на устах: «Вот когда был пережогинский народный театр...», «Когда играли Пережогины...», «Пережогинский стиль»... Оказывается, у театра был свой стиль, не признавалась модная в те годы условность, спектакли ставились в реалистической манере.

Театр просуществовал немало лет, но и этому начинанию не суждено было развиваться. Касимовскому народному театру не хватало того широкого общественного внимания, той крепкой идейной и материальной базы, которыми сильны народные театры сегодня. Тем не менее у Пережогиных оказались последователи: в городе возникло множество кружков; те передали эстафету будущему. На этой благодатной почве и возник народный театр наших дней. Есть в нем одно примечательное обстоятельство, о котором следует сказать особо. Касимовским народным театром руководит профессиональный режиссер. По свободному душевному побуждению сюда пришел заслуженный деятель искусств РСФСР Владимир Алексеевич Орлов, чье имя связано с крупными областными театрами страны.

— Как же это вы, Владимир Алексеевич, изменили профессиональному театру?

В. А. Орлов смеется:

— А сам-то я тоже из самодеятельности. Еще в Рыбинске... Был я тогда железнодорожным слесарем, играл на рабочей сцене. Выходит, вернулся «на свою улицу»...

Непривычно для самодеятельности проходят его репетиции.

Случилось так, что один из актеров, Анатолий Владимирович Приклонский, пришел на репетицию, не выучив твердо текст. Уважаемый всеми директор школы-десятилетки, преподаватель русского языка и литературы, он сбивался, путался и бросал отчаянные взгляды в сторону юного Коли Грачева, взявшего на себя добровольно обязанности суфлера. Впервые подсказка не казалась директору грехом. Но возмездие пришло: режиссер отчитал педагога, как школьника.

Впрочем, такие казусы редки. Смотришь репетицию «Не было ни гроша, да вдруг алтын» — и больше всего радуешься творческой инициативе и чувству ответственности исполнителей.

Ведь нет на репетиции преобразяющих людей костюмов, театрального света, а складывается уже представление о будущем спектакле, о характерах и столкновениях в нем.

В комнате выгорожена «сцена»; в фокусе нашего внимания Истукарий Лупыч Епишкин и супруга его Фетинья. В. Андреев всячески старается подчеркнуть в

Театру-

Истукари Лупыче самодурство. Режиссер останавливает его:

— Вы играете самодурство вообще, а перед нами живой, конкретный характер.

И сразу же вспыхивает дискуссия. Как ни велик авторитет режиссера, народ у него опытный, ничего на веру не принимает, все нужно осмыслить самим, во всем разобраться...

Параллельно, как в настоящем, профессиональном театре, касимовцы репетируют два спектакля: «Русские люди» К. Симонова и «Не было ни гроша, да вдруг алтын» А. Островского. Почему остановил коллектив свой выбор на «Русских людях», пьесе не новой, давно «отыгранной»?

— Недавно мы все смотрели фильм «Судьба человека», — говорит Орлов. — Картина очень взволновала коллектив. Захотелось своими средствами, пусть пока в скромном, небольшом нашем театре, сказать свое слово о том, как ненавидим мы войну и как единодушны в стремлении к миру во всем мире.

Долго искали произведение на эту тему, а потом решили поставить «Русские люди». Ведь пьеса эта, написанная о войне, всем смыслом направлена против войны.

— Знаете, — продолжает Владимир Алексеевич, — все хотели играть в этом спектакле, пришлось почти на все роли назначить по два исполнителя. Вот шофера Валу, например, будут играть Валя Носова и Юля Григорова.

Они совсем разные, эти девушки, — степенная, иконописно красивая сетевязальщица Валя и белокурая пионервожатая Юля, прозванная за бурную общественную деятельность «Двадцать пять нагузок». Каждая из них, конечно, принесет в образ свое,

особое, неповторимое. Но есть и общее у обеих исполнительниц: гордость за свою героиню, стремление быть такой же верной дочерью своей Родины...

Одним из первых появляется на репетиции высокий, подтянутый человек с седыми усами. Выправка выдает в нем бывшего военного. И впрямь, Владимир Михайлович Днепров — инвалид Отечественной войны, в прошлом летчик. Что привело его на сцену? Владимир Михайлович отвечает на этот вопрос с суховатой точностью:

— Отец был актером в Москве, у Незлобина. Мальчиком я часто выходил на сцену, участвовал в массовках, играл маленькие роли. Вот и осталось с тех пор...

Есть в Касимовском народном театре уже своя актерская «династия»: в спектакле «Не было ни гроша, да вдруг алтын» Зинаида Ивановна Трунякова, один из ветеранов касимовской самодеятельности, играет Фетинью. Ее шестнадцатилетняя дочь Наташа репетирует роль Настеньки, и надо видеть, с каким волнением следит мать за каждой актерской интонацией юной дебютантки. Наташа в роли Настеньки обещает быть прелестной. На вопрос, нравится ли ей ее героиня, она отвечает, не задумываясь:

— Конечно! Она очень хорошая.

— И ты хотела бы быть на нее похожа?

Наташа смеется:

— Нет, что вы! Она же все-таки мещанка. И мечты у нее такие маленькие...

Что ж, мы не очень спорим с Наташей...

Народный театр! Театр не только для народа, но и творимый народом. Всю свою жизнь провела Александра Павловна Щербакова у станка на «Красном текстильщике» и, кажется, всю жизнь

Директору школы А. В. Приклонскому подсказка сейчас не кажется грехом.

участвовала в драмкружках. Юный Володя Кочетков по утрам ремонтирует в затоне суда, вечером он репетирует Елесею в «Не было ни гроша...», Елена Дмитриевна Макеева, директор Дома учителя, — все это актеры... Было бы грехом не вспомнить Василия Рябинкина, способного художника-оформителя, способного актера, комсомольского секретаря, играющего, кстати сказать, только стариков.

Токари, смазчики, прядильщицы, учителя.

...Побудьте часок на репетиции — и вы убедитесь в том, что люди собрались здесь создавать большое, настоящее искусство, что режиссеру, привыкшему разговаривать с актерами на профессиональном языке, не надо задумы-

ваться над терминологией, над упрощением актерских задач. Здесь работают серьезно, без скидок. Вот и седовласый Иван Иванович Пережогин, тот самый, чье имя хранят старенькие касимовские афиши, тоже вступил в труппу нового театра поработать с «настоящим» режиссером, на настоящей, хорошо оборудованной сцене.

С Пережогиним мы встретились у него дома. Дед с внуком сидели на полу и строили из кубиков какое-то фантастическое сооружение, не театр ли?

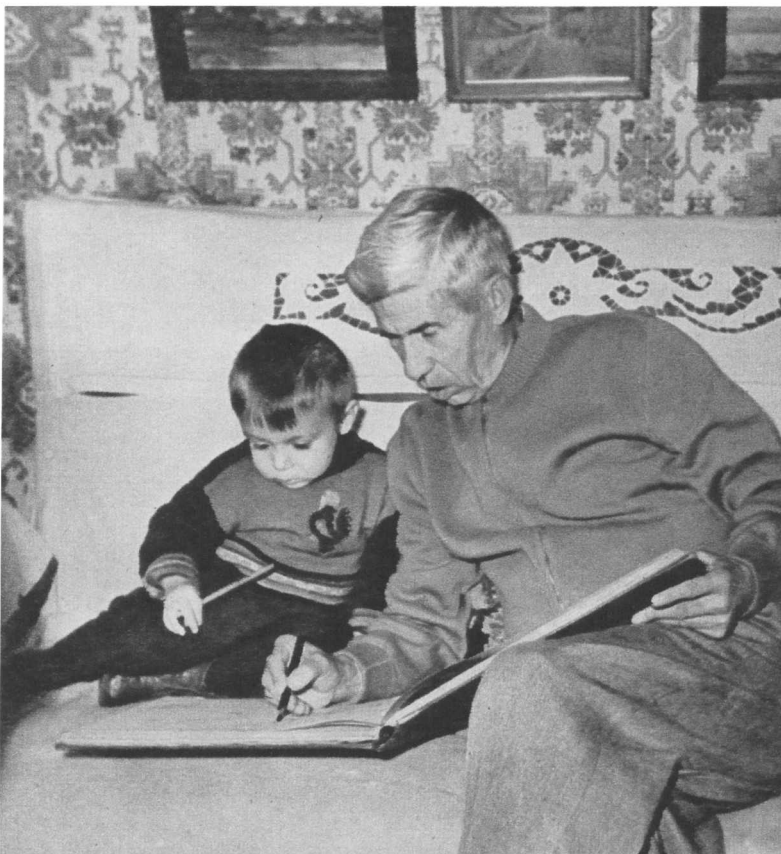
Что ж, кто знает, быть может, продолжив традиции семьи, став инженером или летчиком, Ваня однажды тоже выйдет на сцену Касимовского народного театра...

Должно быть, это будет замечательный театр.

Иван Иванович и Ваня Пережогины.

Первый реквизит мать и дочь Труняковы принесли из дома... Слева — В. Орлов.

Быть!

По пути СКВО ВЭЛЛИ

А. ТАРАСОВ,
тренер сборной команды СССР

Хоккеисты первыми в огромной спортивной семье начали олимпийский год. Уже с первых дней октября они скрестили клюшки на всеоюзном чемпионате, игры которого должны определить не только призеров этого чемпионата, но и участников хоккейного турнира на «белой олимпиаде».

Французы говорят: в ранце каждого солдата лежит маршальский жезл. А мы можем сказать, что в рюкзаке каждого хоккеиста лежит золотая олимпийская медаль. Но для того, чтобы получить право бороться за нее, надо отлично проявить себя на долгом и трудном пути к Олимпийским играм в Скво Вэлли.

Мы получили сведения, что руководители канадского хоккея впервые за многие годы отказались от обычного принципа отбора команды. До сих пор право выступать на Олимпийских играх получала команда, выигравшая Кубок Аллана. Но теперь, независимо от исхода этих соревнований, канадских спортсменов в Скво Вэлли будет представлять наша старая знакомая — команда «Китченер-датчмен».

В 1956 году на VII зимних Олимпийских играх в Кортина д'Ампеццо эта команда проиграла сборной СССР со счетом 0:2. Советские спортсмены стали олимпийскими чемпионами. И вот теперь канадцы хотят предоставить «Китченер-датчмен» возможность реванша. Ну что ж, реванш так реванш!

Борьба за звание олимпийского чемпиона всегда носит чрезвычайно острый характер, а теперь, когда к ней примешивается еще и

мотив «сведения спортивных счетов», она будет особенно напряженной. Конечно же, игроки «Китченер-датчмен» все сделают для того, чтобы отыграться, доказать всему миру, что их проигрыш в Кортина д'Ампеццо был случаен. Мы же должны не пожалеть сил, чтобы закрепить за собой почетный титул, завоеванный советскими хоккеистами старшего поколения.

Да, много физических сил и нервной энергии понадобится от каждого советского хоккеиста. А нам, тренерам, надо позаботиться о том, чтобы в олимпийскую команду попали самые достойные, хорошо дополняющие друг друга игроки, сочетающие и опыт и боевой задор. Задача эта сложная, ошибки в подборе игроков были и в прошлом сезоне, и мы могли убедиться, к чему они приводят. Кто из любителей хоккея не помнит, какой отклик вызвали наши неудачи в играх с канадской командой «Келовна Пенерс», приехавшей в Москву! Как велика была общественная тревога за нашу сборную! Сколько мы получили критических замечаний и конструктивных предложений! Многие мы учли, многие после этого пересмотрели и, как известно, совершили вполне удачные турне по Соединенным Штатам Америки, не проиграв ни одной встречи.

Во многих матчах проверялась в прошлом сезоне боевая сплоченность сборной команды СССР. Как и раньше, мы встретились с нашими постоянными «спарринг-партнерами» — английской командой «Уэмбли Лайонз», шведской сборной, испытывали свои силы с нашими давними спортивными друзьями — чехословацкими хоккеистами, а затем повели борьбу за золотые медали чемпионов мира на чехословацких ледяных полях.

К сожалению, у нас не хватило времени, и мы многое не сумели завершить и исправить, что и привело к проигрышу канадской команде «Бельвилль Манфарландс». Снова мы должны были довольствоваться лишь золотыми медалями чемпионов Европы и вторым местом на первенстве мира...

Понять причину неудачи — уже половина успеха. Эта не очень оригинальная истина оставалась нам в утешение. Но разобраться по-настоящему в причинах проигрыша мы постарались как можно основательнее, не жалея на это времени. Ведь впереди был сезон олимпийский!

Нам прежде всего надо было решить главный вопрос: о комплектовании сборной, — не допустить в этом вопросе новых ошибок. И мы пришли к выводу, что в самом принципе подбора просчет не был допущен. Мы правильно сделали, что нарушили традицию прошлых лет, включив в сборную команду, помимо игроков трех ведущих клубов — «Динамо», «Крылья Советов» и ЦСКА МО, — способную молодежь. Нам необходимо во что бы то ни стало растить новых хоккеистов, а их можно подготовить, только предоставив им возможность встреч с самыми сильными соперниками.

Третий год идет этот долгий и сложный процесс «обкатки» и «шлифовки» молодых, свежих сил. Плоды этой работы уже ощутимы. Когда Всеволод Бобров в 1957 году закончил свой славный хоккейный путь, вместе него в команде тут же прозвучали незнакомые тогда имена Вениамина Александрова и Константина Локтева. А сейчас за ними стоят уже новые, отлично зарекомендовавшие себя нападающие: Евгений Грошев, Анатолий Ионов («Крылья Советов»), Николай Снетков, Виктор Якушев («Локомотив»), Владимир Юринов («Динамо»), Александр Альметов, Леонид Волков, Владимир Киселев (ЦСКА МО), Борис Майоров, Вячеслав Старшинов («Спартак»).

В 1957 году сборная команда страны сразу осталась без своих признанных лидеров нападения, зато в защите до сих пор выступает, сочетая огромный опыт с поистине юношеской свежестью, такой замечательный игрок, как Николай Сологубов. Молодым спортсменам есть чему у него поучиться. Мы ждем в этом году тактически зрелой игры от Эдуарда Иванова, Виталия Давыдова, Михаила Рыжова.

Но повышение качества защитных действий вовсе не говорит о том, что мы предпочитаем защитный вариант. У нас же есть команды, которые пытаются на этом варианте построить всю тактику своей игры. Такова, например, команда «Динамо». Но мне кажется, что непробиваемость защиты ни в коей мере не должна ограничивать атакующие действия наших спортсменов. Уже в прошлом году я высказывал эту мысль в «Огоньке». Я и сейчас считаю, что пассивная оборона, направленная к тому, чтобы

только пропустить как можно меньше шайб в свои ворота, оказывает нам плохую услугу. Она ограничивает рост мастерства нападающих.

Что сегодня еще снижает рост мастерства советских спортсменов? Увлечение индивидуальной игрой! Было время, когда нам как раз не хватало умения использовать искусство обводки: ведь русский хоккей, откуда пришли наши первые игроки, держался на пасе, что является основой коллективной игры. Поэтому наши тренеры много поработали, чтобы привить спортсменам вкус к обводке, к умению действовать индивидуально в борьбе на льду. И надо сказать, что искусство обводки значительно возросло. Но теперь им злоупотребляют многие наши спортсмены. Мы стали хуже действовать без шайбы. Хоккеист, попадая в сложную игровую обстановку и не видя свободных партнеров, предпочитает пользоваться обводкой, хотя это подчас снижает эффект атаки. Повышение мастерства обводки не должно снижать коллективных усилий.

Еще недавно мы много сил тратили на то, чтобы привить нашим хоккеистам вкус к силовой борьбе. И у нас теперь появились спортсмены, отлично играющие «в корпус». Не случайно умелые действия Николая Сологубова в матче с хоккеистами «Крылья Советов» не раз вызвали аплодисменты зрителей. Наш хоккей стал не только скоростным, но и атлетическим. В каждом матче случаи силового единоборства стали теперь не исключением, а правилом. Но сейчас, к сожалению, наши защитники владеют силовыми приемами значительно лучше нападающих.

Многие игроки атакующей линии часто избегают силового единоборства, а если и применяют его, то так неумело, что оказываются на скамье штрафников. Поэтому нам надо продолжать работу по дальнейшему введению силовых приемов в арсенал боевых действий хоккеистов. В этом я твердо убежден, но это не значит, что на силовых схватках должна строиться вся тактика советских команд.

Вспоминается мне в связи с этим беседа со знаменитым канадским профессиональным хоккеистом Морисом Ришаром, с которым мы познакомились в прошлом году в Чехословакии на мировом чемпионате. Крупный мастер и знаток хоккея, которому он посвятил свою жизнь, Морис Ришар сказал нам, что хоккеисты советской сборной очень высокотехничны, уверенно действуют на высокой скорости, но им не хватает тактики силового давления.

— Рано или поздно, — сказал Ришар, — вы все равно должны будете основывать свои действия на этой тактике, так же, как делают это все канадские команды.

А я ответил, что мы, конечно, будем применять игру «в корпус», но никогда не станем рабски копировать тактику силового давления канадских команд. К чему приводит такое слепое подражание, мы убедились в прошлом году на игре шведской сборной.

Два года назад в Швецию был приглашен очень опытный канадский тренер. И что же получилось? Шведская команда, которая в 1957 году в Москве выиграла первенство мира, команда, которая всегда играла очень сильно, стала действовать не в своей манере и утратила позиции. Нет, мы не собираемся отказываться от нашей тактики, основанной на быстроте маневра, на гармоническом сочетании обводки и паса — индивидуального мастерства и коллективных творческих действий.

Многое нам еще надо сделать, чтобы свести воедино отдельные элементы мастерства, над которыми хоккеисты упорно работают вот уже третий год. Как известно, не имея заранее подготовленных деталей, машину не соберешь. За эти годы удалось выработать многие важнейшие детали высококлассной игры, и теперь их надо точно пригнать друг к другу. Вот чем и занимаются в клубных коллективах, а затем эта работа ждет нас и в сборной страны.

Сейчас мы начали борьбу в московской зоне первенства страны. Командам предстоит провести 25 трудных игр с равноценными соперниками, затем состоятся, как и обычно, интересные международные матчи на своем и зарубежном льду и, наконец, новая встреча с сильнейшими командами мира в Скво Вэлли.

Наша задача — хорошо взять старт, хорошо и финишировать.

Момент матча между командами
ЦСКА МО и «Динамо».
Фото А. Бочинина.

Ю. С. Подляский. ШОССЕ В КОЛХОЗЕ ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА. 1950 год.

Е. И. Тсыбакова. В час отдыха. 1953 год.

«ВОПРОС ВОПРОСОВ» НА СЕССИИ ООН

В. БОРОВСКИЙ

Организация Объединенных Наций отметила свою четырнадцатую годовщину. Было произнесено немало торжественных речей. С разных позиций рассматривалось значение этого международного форума, его роль в поддержании прочного мира и сотрудничества между народами. Во многих странах состоялись радиоконцерты в честь Объединенных Наций.

Даже военный министр США Макэлрой не остался безучастным к такому событию: он приказал командованию частей армии и флота, расположенных на многочисленных американских военных базах, накормить солдат и офицеров по специально разработанному «международному меню». В день Объединенных Наций американские парни в наскладах хлеба возле ракет и складов с атомными бомбами итальянский суп, ели американское жаркое «янки пот-рост» с немецкой картошкой, французской зеленой фасолью или мексиканской напуста. Не забыты были испанские сливы, датское яблочное пюре, шведские булочки, английская сдоба, южноамериканский кофе и японский чай. Я не раскрываю военной тайны: сообщение о приказе Макэлроя и его «международном меню» было распространено среди корреспондентов пресс-бюро ООН в Нью-Йорке.

Мы рассказали об этой истории только потому, что подобные парадоксы не так уж редки на нынешней сессии Генеральной Ассамблеи. Сессия происходит в необычной обстановке. Визит Н. С. Хрущева в Соединенные Штаты, его историческое выступление в Организации Объединенных Наций, вызвавшее огромный резонанс во всем мире, серьезно изменили к лучшему международную атмосферу. Леды «холодной войны» заметно тают. Как никогда, укрепились надежды народов на установление прочного мира на земле.

Советское посольство в Вашингтоне и представительство СССР в ООН продолжают получать от американских граждан тысячи писем, в которых горячо, от всего сердца поддерживаются миролюбивые предложения Советского правительства. Вот одно из этих писем:

«Русское посольство
М-ру Никите Хрущеву.
Дорогой сэр!
Ваш призыв к разоружению в ООН превзошел все, что могут дать все умы нашего времени. Вы подобны звезде, сверкающей высоко над нами, но такой реальной, близкой нам. Великая мощь вашего ума оказывает неоценимую помощь нашей планете и населяющим ее народам. Просвещение, любовь, мощь и добро—все эти силы представлены вами. Я благодарна вам, что вы приехали в Америку и разговаривали с нами. Спасибо. Слава вам и миссис Хрущевой, вашей прекрасной семье и великому русскому народу. Я всех вас люблю.
Энн М. Бити
3455, Мичиган бульвар,
г. Детройт».

Выдвинутая в выступлении Н. С. Хрущева 18 сентября смелая советская программа всеобщего и полного

разоружения приковала к себе внимание делегаций. Ее приветствовали представители большинства государств, принявших участие в общей дискуссии. Вся американская печать отмечает этот знаменательный факт. «Тот поток речей, который разразился на Генеральной Ассамблее,— пишет «Нью-Йорк таймс»,— подтверждает уверенность, что проблема разоружения является доминирующей темой на сессии 1959 года. Большинство из 79 делегатов, выступивших в общей дискуссии, выразило, так или иначе, надежду в отношении перспектив соглашения в результате личных переговоров между Эйзенхауэром и Хрущевым».

Несколько иначе звучали слова делегата Португалии. Он так и не выразил отношения к конкретным советским предложениям о разоружении. Он предпочел уделить большую часть своего выступления проблеме контроля, обсуждение которой еще впереди, и так называемой «проблеме международных полицейских сил».

Недавно американский журнал «Нэйшн» пояснил, что означает эта «проблема». Автор статьи предлагает создать такие «полицейские силы ООН», которые обладали бы не только полицейской властью и достаточной численностью для постепенного захвата, например, русского, китайского, американского и британского оружия, но и для дальнейшего пользования им».

В кулуарах Ассамблеи ООН среди журналистов можно встретить таких, которые по-прежнему упрямо проповедуют дальнейшую гонку атомных и ракетных вооружений и пытаются поддерживать атмосферу «холодной войны». Не прекращаются подобные выступления и в американской печати. Некий Рой Джонсон, директор бюро чрезвычайных исследований проектов и «специалист по вопросам космоса», потребовал даже создания «департамента психологической войны».

Все эти действия вдохновляются небольшой, но могущественной группой американских монополий, наживающих огромные барыши на гонке вооружений. Влияние этих сил еще заметно и в Организации Объединенных Наций.

Но стремление достичь соглашения по «вопросу вооружения» — разоружению — становится все сильнее. В беседе со мной представитель Эфиопии в ООН господин Алемайехоу подчеркнул, что достижение соглашения о разоружении — это вопрос жизни и смерти для миллионов людей во всех странах. Большинство выступавших во время дискуссии, сказал Алемайехоу, признало, что советские предложения — хорошая программа мира.

Представитель Кубы Мануэль Бисбе сказал мне, что Куба твердо стоит за решение проблемы разоружения, считает ее главной задачей ООН и приложит все усилия к тому, чтобы нынешняя сессия Генеральной Ассамблеи сделала важный шаг в этом направлении.

Этого хотят все народы, горячо одобрявшие советский план мира.

Нью-Йорк.

Н. А. Мухитдинов выступил перед студентами джонхартского университета «Гаджда Мада» с большой речью. На снимке: студенты и преподаватели университета провожают членов советской делегации.

Индонезийки приветствуют членов советской делегации. Справа от Н. А. Мухитдинова — Е. Г. Сорочан.

НАШИ ДРУЗЬЯ ИНДОНЕЗИЙЦЫ

На днях из Индонезии вернулась гостившая там полторы недели делегация Верховного Совета СССР во главе с Н. А. Мухитдиновым. Советские люди встретили в этой далекой солнечной стране самый дружественный и теплый прием, говорящий о сердечной близости между нашими народами.

Мы попросили члена делегации, председателя молдавского колхоза, депутата Верховного Совета СССР Евгению Григорьевну Сорочан вкратце рассказать читателям «Огонька» о своих впечатлениях от поездки.

— Трудно, конечно, коротко рассказать об этих удивительных десяти днях, — говорит Евгения Григорьевна. — Хотя и маленький срок, но повидали мы много.

Какое самое сильное впечатление? Богатая страна, очень богатая природой и людьми. Риса там при достаточной технике можно было бы три — четыре урожая по всей стране снимать. На кукурузу смотришь — голову задираешь. Заглядевшись, а не кукуруза! Конечно, влаги-то много, солнца тоже.

И люди замечательные. Приветливые, открытые, к нам душой тянутся. Труд не боятся. А труд там — дело тяжелое: жара, механизация никакой. Но руки у них умелые, талантливые руки. Посмотрели бы вы, как они изготавливают свою знаменитую на весь мир ткань «батик»! В маленькой, душной, темной мастерской сидят люди, не известные никому, а дело рук их знают по всей земле.

К Советскому Союзу отношение замечательное. Знают простые индонезийцы своих настоящих друзей. Встречали нас очень тепло, очень сердечно — и официальные лица и простой народ. Куда бы ни приехали, — сразу толпа вокруг нас: улыбаются, руки жмут, цветы дарят, бананы, кокосовые орехи...

Мне было очень интересно узнать, как живут женщины в Индонезии. Тяжело живут. Им еще много за свои права бороться нужно. У меня однажды спросили: «Как ваши советские женщины за свои права борются?» А я отвечаю: нам бороться за них не к чему. Давно то время прошло. Мы равноправны с мужчинами.

А товарищ Мухитдинов подсказывает мне: — Вы о себе рассказывайте.

Ну, я и рассказала подробно, как была я когда-то работницей на табачной фабрике, а теперь вот председатель колхоза, депутат Верховного Совета.

Нашим индонезийским друзьям это все, видимо, очень интересно было. Мира они хотят так же, как мы, как все люди на земле. Это мы и от членов парламента слышали, и от крестьян, и от рабочих.

Оживаю страницы прошлого

В. ВАЙНШТОК,
Л. РУБИНШТЕЙН

Четырнадцатилетнего юношу в белом парике и перчатках, прогуливавшегося с тросточкой по городу Санкт-Петербургу в 1781 году, звали Джон Куинси Адамс. Несмотря на юный возраст, он был чиновником только что основанного государства — Соединенных Штатов Америки. Носил он звание «личного секретаря» американского дипломата Фрэнсиса Дана, прибывшего в столицу России для переговоров о признании Екатериной II заокеанской державы.

Миссия Дана не дала результатов. Но 150 лет назад, 5 ноября 1809 года, когда между Россией и Америкой были установлены постоянные дипломатические отношения, Адамс вторично прибыл в Петербург, уже посланником. Он с улыбкой вспоминал свою юность, белый парик и трость, первое путешествие «в страну снегов и морозов». Адамс осмотрел город и заметил, что он сильно вырос за прошедшие двадцать восемь лет. Столица России была богаче и больше, чем провинциальный Нью-Йорк с его кирпичными домиками голландского стиля, или совсем еще недавно построенный Вашингтон с его немощеными улицами и коровами, жующими траву неподалеку от двухэтажного Капитолия.

Приезде первого американского посланника предшествовала переписка русского правительства с президентом Джефферсоном. И Россия и Америка были заинтересованы в свободе морей и в неприкосновенности нейтральной торговли. Американский флаг не раз уже появлялся в Кронштадте и в Ревеле, хотя Америка была еще сельскохозяйственной страной. Ее корабли брали в балтийских портах уральский чугуун, который считался отличным.

Адамс приехал в Россию накануне великой грозы. Спустя три года сотни пушек одновременно окутали дымом Бородинское поле в России и гладь Великих озер в Америке. В Россию вторгся Наполеон, а США подверглись новому английскому нашествию.

В этот напряженный момент русское правительство предложило посредничество между Америкой и Англией. Мир был заключен в 1814 году.

Впоследствии Адамс стал государственным секретарем США. При его участии в 1824 году была подписана Россией и Америкой конвенция «о непоколебимом сохранении состоящей между ими дружественной связи».

Через год Джон Куинси Адамс был избран президентом, потом стал членом конгресса, неукротимым борцом против рабства. В течение всей своей жизни этот сдержанный, холодный человек, поклонник строгой логики, считал, что единство взглядов России и Америки обеспечивает мир и покой в обоих полушариях.

Среди выдающихся американских дипломатов XIX столетия нельзя не отметить Кассия Клэя. Клэй был дипломатом президента Авраама Линкольна, посланником в России в шестидесятых годах прошлого века. В отличие от строгого, замкнутого Адамса это был светский человек, обладавший живым темпераментом и колким юмором. Для чопорного петербургского света, сиявшего золотым шитьем и созвездиями орденов, этот непринужденный, веселый и словоохотливый американец в тщательно сшитом черном фраке был своего рода курьезом.

Биография Кассия Клэя не менее своеобразна. Богатый работодатель из штата Кентукки, он слыл большим радикалом, чем сам Линкольн. Задолго до освобождения рабов он отпустил своих негров на свободу, чем вызвал взрыв негодования среди соседей-плантаторов. Ему пришлось уехать из родного штата. С тех пор он твердо примкнул к противникам рабства.

Клэй представлял свою родину в России в бурную эпоху гражданской войны между Севером и Югом. Европейские державы поддерживали мятежников-южан и угрожали Америке интервенцией. В европейских столицах

шли толки, что северяне «изолировали» себя от всего цивилизованного мира. После Крымской войны в Европе «изолированной» считали и Россию. Но в 1863 году две русские эскадры были посланы в Нью-Йорк и Сан-Франциско. Появление русских кораблей в американских портах произвело эффект разорвавшейся бомбы. Оказалось, что Россия и Америка вовсе не находятся в состоянии «дипломатической изоляции» и готовы подать друг другу руки.

Выступая публично, Кассий Клэй развивал мысль, высказанную еще Адамсом: «Россия и Америка должны руководствоваться законами сближения». Тогдашние заявления Клэя свидетельствовали о его недюжинной дальновидности. «Россия первая из всех стран применила наши находки, — говорил он, — новая система производства поставит и ваш народ на тот же уровень образования; при случае, не сомневаюсь, что вы станете нашими учителями...»

...После Великой Октябрьской революции американская реакция в течение шестнадцати лет не желала признавать Советское государство. Внутри Америки, однако, существовали силы, выступавшие за признание СССР. Уже в 1921 году в Америке возникло Общество друзей Советской России, распространявшее правдивую информацию о жизни первой в мире социалистической страны. Летом 1922 года члены этой организации послали в Россию двадцать один трактор. В. И. Ленин в своем письме Обществу от 20 октября 1922 года писал: «Спешу выразить вам свою глубокую признательность, с просьбой опубликовать в органе вашего общества, а также, если возможно, и в общей прессе Северо-Американских Соединенных Штатов».

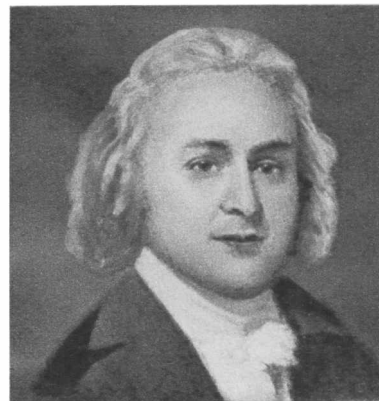
Борьба за признание СССР шла в Америке не один год. Только в 1933 году Франклин Делано Рузвельт, придя к власти, немедленно установил дипломатические отношения с Советским Союзом, напомнив при этом о счастливой традиции русско-американской дружбы.

Самыми заметными и, пожалуй, самыми своеобразными из представителей Рузвельта в СССР были Дэвис и Гопкинс.

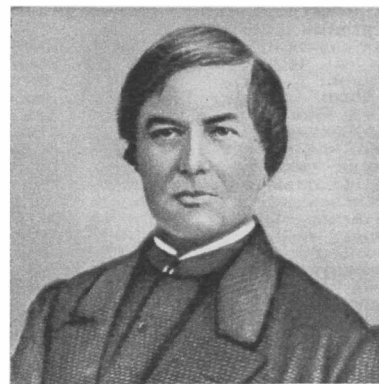
Джозеф Эдвард Дэвис был послом в Москве в 1936—1938 годах. Он сам рекомендовал себя следующим образом: «Для того, чтобы все было ясно, позвольте мне заявить, что у меня нет никаких симпатий к русскому коммунизму. Я поехал в Советский Союз как капиталист. Я уехал оттуда капиталистом... Я индивидуалист, капиталист, прогрессивный демократ из Висконсина, сын проповедника священного писания. Руководители Советского Союза уважали мои убеждения так же, как я уважал их убеждения».

Это было сказано в 1942 году, когда гитлеровские орды рвались к Волге и пытались удушить блокадой Ленинград. В то время Дэвис не был уже послом, но его голос продолжал звучать по радио и в печати.

Годом ранее в Америке вышла известная книга Дэвиса «Миссия в Москву». В этой книге много ошибочного, но нельзя отрицать, что ее автор более внимательно, чем кто-либо другой из американских дипломатов, изучил СССР и проникся симпатией к советско-

Джон Куинси Адамс.

Кассий Клэй.

Джозеф Дэвис.

Гарри Гопкинс.

му народу. Именно знание Советской страны и людей позволило Дэвису через два дня после нападения Гитлера на СССР уверенно заявить, что «мир будет удивлен размерами сопротивления, которое окажет Россия».

Дэвис оказался прав не только в оценке перспектив войны. Он предвидел и будущее. «Существует неисчислимо количество доводов в пользу дружбы между Америкой и Советским Союзом», — писал он. — Но самый главный довод основан на взаимном уважении и доверии. Без них нет никакой надежды на мир в ближайшем будущем. Судьба земного шара будет зависеть от того, будет ли сохранено американо-советское сотрудничество, доверие и терпимость между обеими странами».

Верховный Совет СССР наградил Дэвиса орденом Ленина «за успешную деятельность, способствовавшую укреплению дружественных советско-американских отношений и содействовавшую росту взаимного понимания и доверия между народами обеих стран».

Гарри Гопкинс никаких официальных дипломатических постов не занимал. Личный друг Рузвельта, он формально носил звание «специального помощника президента» и выполнял его самые ответственные поручения. Все знавшие его единодушно свидетельствуют, что это был человек живой, пронзительный, смелый, «настоящий сорвиголова», и в то же время очень больной. Описания болезней Гопкинса и сложнейших уловок, с помощью которых он обманывал врачей, занимают порядочное место в воспоминаниях его друзей. Это не мешало ему быть одним из самых энергичных соратников президента, до того деятельным, что американская реакция окрестила его «черной тенью Белого дома». Но Гопкинс был повинен только в том, что прочно усвоил политический курс Рузвельта.

В августе 1941 года в суровой военной Москве, когда небо ее было усеяно аэростатами, а на подступах к столице шли ожесточенные воздушные бои с гитлеровскими самолетами, Гопкинс вел в Кремле переговоры о подготовке конференции трех держав, которая состоялась в сентябре того же года.

Гопкинс широко развернул свои дарования на двух исторических международных конференциях: в Тегеране, в 1943 году, и в Ялте, в 1945 году. Взгляды, которые он старался проводить в жизнь, отчетливо отразились в одном из его частных писем: «...мы не сможем добиться подлинного мира, если у России, Великобритании и Соединенных Штатов не будет единства взглядов, а для этого требуется значительно больше, чем согласование политики в министерствах иностранных дел». После Ялты Гопкинс произнес знаменательную фразу: «Русские показали, что они могут поступать разумно и пронзительно, и ни у президента, ни у кого-либо из нас не оставалось никакого сомнения в том, что мы сможем ужиться с ними и работать мирно так долго, как это можно себе представить...»

Через три месяца, уже после смерти Рузвельта, Гопкинс снова был в Москве. Несмотря на болезнь, Гопкинс деятельно подго-

ОЗЕРО ДЖЕКА ЛОНДОНА

Сергей НАРОВЧАТОВ

Далеко на север от Магадана, за рекой Колымой, среди восточных отрогов хребта Черского, находится это озеро. Наверное, до сих пор живы его первооткрыватели — геологи тридцатых годов, энтузиасты и романтики, окрестившие его именем Джека Лондона, своего любимого писателя — певца золотого Клондайк — родного брата золотой Колымы. Я сам в юности прибывал гвоздями портрет Джека Лондона над своей кроватью и теперь, очутившись в каких-то двухстах километрах от озера с этим названием, решил во что бы то ни стало побывать на нем.

К счастью, я встретился на пути с Германом Волковым — молодым журналистом, работающим собором «Магаданской правды» в Сусуманском районе, одним из самых отдаленных на колымской трассе.

Дорога к озеру была легкой. После 80—100 километров, которые без особого труда делала по главной колымской магистрали наша машина, 5—10 километров в час оказались труднодостижимой скоростью на сравнительно небольшой дорожной ветке в сторону от трассы к озеру. Вначале щебенка, потом камень, наконец, просто широкая тропа между валунами, среди которых виртуозно крутит руль старый магаданец Василий Андреевич Воронцов, наш водитель. Долина, ведущая к высокогорному озеру, надежно защищена от ветров тяжелыми мшистыми сопками. Нет, пожалуй, это уже не сопки, а горы: мы ведь идем ввысь, по отрогам хребта. То сиренево-голубые, то вишнево-красные с густой прозеленью и желтовато-седой, ползут мимо нас горные склоны. Шофер просто объясняет эту причудливость красок, контрастности которых позавидовал бы Сарьян. «Голубики здесь до черта, да и цветут горы», — говорит он.

Последний перевал. Еще за минуту скрытое от нас, сверкает во всей своей первозданной красе озеро Джека Лондона. Оно необычайно пустынно. Лишь вдалеке виднеется один-единственный домик — там живут метеорологи. А так — ни души, как ни души по всей шестидесятикилометровой дороге, оставшейся у нас за плечами. Впрочем, где-то здесь должны быть рыбаки-любители, молодые

Фото Г. Волкова

ребята из поселка Ягодное, проводящие здесь отпуск.

Мы спускаемся ниже к озеру и здесь устраиваем привал. Не спеша перекусив, расходимся в разные стороны. Василий Андреевич с удочкой, прихватившей у одного из своих приятелей в Ягодном, отправляется на рыбалку. Озеро Джека Лондона протоками соединяется с другим озером, носящим не менее романтическое название, — озером Танцующих Хариусов. Охотясь за мошкаркой, выходящей низко над озером, хариусы высоко выпрыгивают из воды. Со стороны это действительно напоминает какой-то дикий танец. Хариус — рыба глупая; по утверждению нашего шофера, она берет на любую приманку, даже на листик брусники. Видимо, — вношу я поправку, — не столько глупая, сколько не наученная еще горьким опытом постоянного общения с нашим братом.

Итак, Василий Андреевич идет удить, Герман направляется к рыбакам, я же вдоль берега ухожу куда глаза глядят. А глядеть есть на что. Черно-серая гладь озера совершенно недвижима, окрестные горы причудливой окраски, пологими, хотя и не всегда ровными склонами спускаются к галечным берегам. Склоны покрыты мшистыми валунами, в беспорядке навороченными как и где попало. На одном из этих валунов, положив свернутый плащ под голову, я укладываюсь передохнуть. Валуны до тепла нагрет солнцем, сухой, слегка пружинящий мох являет собой естественную подстилку. Лучшей постели не найти! В полусне хорошо мечтается о будущем этих мест.

Какой чудесной здравницей может стать это озеро! Уже сейчас жители Ягодного «стихийно» делают его местом своего воскресного отдыха. На нескольких машинах выезжают они сюда в субботний вечер, ночуют в палатках, и следующий день целиком вознаграждает их за трудности дороги. Но после их отъезда опять на це-

лую неделю, а то и на две, на три пустеет прекрасное озеро.

Я думаю о том времени, когда здесь поднимутся белокаменные корпуса Колымского дома отдыха. Мне грезится, что детские голоса уже звенят на склонах сопок, женщины с полными корзинами ягод и грибов не спеша спускаются по мшистым тропинкам, усталые и довольные мужчины встречают их, сами только что возвратившись с рыбалки. Вот там внизу я вижу лодочную станцию: белые ялики и парусные лодки бороздят вдоль и поперек водную гладь. Какая теплынь стоит! Ведь здесь такой микроклимат: эти места, защищенные от ветров, стали естественным конденсатором солнечного тепла.

Когда-то здесь проектировалась большая электростанция, но потом строительство ее было признано нерентабельным. ГЭС же местного значения тут, на этих речных насадах, конечно, будет построена. Выпрямленная гидрорегулированная дорога позволит за какой-то час домчаться до центральной трассы. Да, много радости людям еще принесет это озеро...

Возвращаясь к месту нашего привала. Вскоре приходит Василий Андреевич с хорошим уловом: штук двадцать хариусов трепещут у него в кошелке — и Герман с не менее хорошим уловом, хотя и другого рода: две катушки пленки успел он «нащелкать» за это время. Вечерет. Пора ехать. С перевала последний раз мы глядим вниз, на места, где вряд ли мне суждено побывать вновь. Голубые тона стали темнотой, красные — густо-темными. Озеро, как огромное черное зеркало, отражает и слегка колеблет белые огоньки звезд. Хороший подарок сделали советские геологи зокеанскому писателю. Дождутся ли взаимности от американцев? Будем надеяться. Но если и не сбудутся эти надежды, то хороший поступок всегда останется хорошим поступком, вне зависимости от ответной реакции. Не так ли? Прощай, озеро Джека Лондона!

товлял Потсдамскую конференцию, в которой ему не пришлось участвовать. Летом 1945 года он вышел в отставку, а в начале 1946 года умер.

В это время над миром с Западом уже вставала зловещая тень «холодной войны». Перед смертью Гопкинс пытался написать книгу, но успел продиктовать только несколько страниц. Гопкинс говорил о «группке крикунов», которая во время войны желала поражения Советской страны и старалась осложнить советско-американские отношения. «Они никого не представляют, кроме самих себя», — заявлял Гопкинс, — и ни одно уважающее себя правительство в нашей стране не может позволить, чтобы эта группка влияла на его официальные действия».

К сожалению, эта «группка» разрослась в последующие годы, как

крапива на запущенном огороде, и стала влиять на внешнюю политику США.

Гопкинс высказался об этих людях прямо и энергично: «Наша политика в отношении России не может диктоваться людьми, уже решившими, что нет возможности сотрудничать с русскими и что наши интересы сталкиваются и в конце концов должны привести к войне. Я считаю эту позицию несостоятельной, и она может привести только к катастрофе».

В переживаемое нами время такая катастрофа была бы сокрушительной для всего человечества. На это неоднократно указывал Н. С. Хрущев во время своей поездки в Соединенные Штаты. Председатель Совета Министров СССР показал всему миру, что Советский Союз руководствуется искренним гуманизмом и стремлением к новому, разумному, мир-

ному способу соревнования между различными общественными системами.

В переполненном до отказа громадном зале заседаний ООН 18 сентября 1959 года как голос надежды всех народов нашей планеты прозвучали слова Н. С. Хрущева: «Едва ли у кого-либо есть сомнения, что от того, как будут складываться отношения между Соединенными Штатами и Советским Союзом — двумя наиболее могущественными державами мира, — во многом зависит развитие международной обстановки в целом. Именно поэтому уже те первые ростки нового, которые за последнее время появились в советско-американских отношениях, встречают во всем мире самое искреннее одобрение, лед в советско-американских отношениях, несомненно, тронулся, и мы искренне рады этому».

ОТ КРАЯ ДО КРАЯ

Хорошо лечат в Батуми

Радистке норвежского танкера «Белстар» Ранвейг Рингерод захотелось изучить русский язык. Но как? Во время стоянок в каком-либо из советских портов можно лишь схватить на лету несколько новых слов. Поэтому Ранвейг обрадовалась, когда любезная советская девушка Светлана Петрова, переводчица Батумского клуба моряков, выписала для нее «Москву» и «Известия», в которых публикуются заочные уроки русского языка.

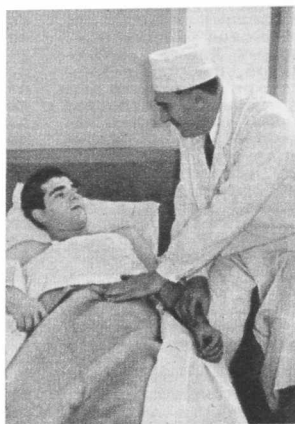
Таких учеников у нас немало, — рассказывает Светлана. — Для одних мы выписываем газеты и журналы, других снабжаем учебниками, книгами. В нашей книге записей появляются первые робкие каракули: «Спасибо!», «Батуми хороши!».

Стоит только ошвартоваться в Батумском порту иностранному торговому судну, как начинается паломничество моряков в больницу. Ведь здесь лечат бесплатно. Как известно, в основном моряки — народ молодой, здоровый. А все же много порою беспокоят уши, у другого — конъюнктивит, у третьего — фурункул.

Бывают случаи и посложнее. В историях болезни иностранных моряков читаем: травматический радикулит, сотрясение мозга, экзема печени, непроходимость кишечника...

Главврач больницы заслуженный врач республики Георгий Лаврентьевич Шведидзе рассказывает:

— В этом году у нас в амбулатории лечились сто тринадцать иностранных моряков. Одиннадцать из них лежали в больнице. По окончании курса лечения некоторые отставали от сво-

Главный врач Батумской больницы моряков Г. Л. Шведидзе у постели больного греческого матроса Н. Поладопулоса. Фото Н. Анастасьева.

их судов. Их приходилось устраивать на попутные. Так было недавно с датчанином Френком Петерсеном.

Слух о чуткости батумских врачей распространился среди моряков, и наиболее заботливые капитаны стали требовать от экипажей, чтобы они лучше использовали свое пребывание в порту. И вот недавно рентгеновский кабинет больницы моряков пропустил всю команду норвежского судна «Беспасиан». А в зубо-врачебном кабинете уже перестали вести счет, сколько побывало в этом году пациентов из-за границы.

Швед Ян Андерсон, механик с «Бел-Маре», которому батумские окулисты спасли зрение, пишет из далекого Кристианстада: «Очень благодарен врачам и медицинским работникам за теплую заботу обо мне, я никогда этого не забуду».

А грек Данорониас Матос, второй помощник капитана с танкера «Маритта Номинос», уезжая из Батуми, оставил такую запись:

«Это — мое десятое посещение Советского Союза. Каждый раз я вижу, что здесь становится все лучше и лучше. Я верю, что все народы могут жить в мире, желаю всяческого благополучия народам великого Советского Союза».

И. МЕСХИ

Е. К. Иванова и И. Х. Баграмян. Фото А. Агаджаняна.

УЧИТЕЛЬНИЦА МАРШАЛА

Недавно Елена Константиновна Иванова, живущая в Кировабаде (Азербайджанская ССР), получила подарок с надписью:

«В знак высшего уважения моей первой учительнице Елене Константиновне Ивановой от Маршала Советского Союза И. Х. Баграмяна». Недавно Елена Константиновна тепло встретила со своим учеником Маршалом Советского Союза И. Х. Баграмяном.

С 1894 года Елена Константиновна начала преподавать русский язык в двухклассном железнодорожном училище (ныне школа № 21 в Кировабаде).

— Вспоминаю, как более полувека назад директор училища привел ко мне в класс застенчивого мальчика, не знавшего ни одного слова по-русски, и спросил: «Возьметесь его обучать?» «Пусть садится за парту», — ответила я.

Так начал свое образование Ваня Баграмян — ныне Маршал Советского Союза.

Е. К. Ивановой восемьдесят один год. Шестидесяти лет от роду она закончила Московский институт иностранных языков и сейчас продолжает преподавать в школе французский и немецкий языки. Заслуженная учительница Азербайджанской ССР Е. К. Иванова награждена орденом Ленина.

К. ХРОМОВ

Армянский ковер в Америке

Так же, как и миллионы людей доброй воли, я внимательно следил за пребыванием в США Никиты Сергеевича Хрущева, подолгу всматривался в публикуемые фотографии. И вот увидел снимок, в «Комсомольской правде», на котором Н. С. Хрущев вместе со своей супругой и вдовой президента Франклина Рузвельта изображены возле ковра-портрета Рузвельта. Ковер висит на стене в доме покойного президента в Гайд-парке.

Мне кажется, что читателям «Огонька» будет интересно узнать об истории этого уникального ковра.

Его автор — ныне покойный член Союза художников Армении известный ковроткач Довлат Гаранфелян. До этого он создал двадцать три замечательных ковра-портрета: Карла Маркса, В. И. Ленина, М. И. Калинина, А. М. Горького и других выдающихся деятелей.

Над ковром-портретом Ф. Д. Рузвельта Д. Гаранфелян работал непрерывно 11 месяцев, предварительно сделал более 60 вариантов эскизов.

О качествах этого сравнительно небольшого ковра (160 × 115 сантиметров) говорит то, что он соткан более чем из 600 тысяч узлов, в которых использовано свыше 150 всевозможных цветов и расцветок ниток. Подумать только! 600 тысяч раз искусные пальцы мастера завязывали узлы и маленьким ножом срезали их концы.

Ковер Д. Гаранфеляна был показан на выставке в Ереване, затем отправлен в Москву и послан в США в дар президенту Рузвельту.

Ковер-портрет Ф. Рузвельта работы Д. Гаранфеляна (Фрагмент).

— Мне очень приятно было увидеть на снимке, изображающем пребывание Никиты Сергеевича в Гайд-парке, ковер, созданный моим мужем, — взволнованно говорит вдова покойного Сирачуш Гаспаровна. — Американский и советский государственные флаги, окаяющие портрет Ф. Рузвельта, символизируют дружбу двух великих народов. Для укрепления этой дружбы много сделал Н. С. Хрущев за время своего пребывания в США... Пусть никогда не будет войны! Пусть люди всегда живут в мире, пусть они в радости и свободе создают новые произведения искусства.

С. МАРТИРОСЯН
Ереван.

ИЗ ПОКОЛЕНИЯ В ПОКОЛЕНИЕ...

Однажды преподавательница 319-й московской средней школы Антонина Александровна Стрельцова узнала из газет о праздновании тридцатилетнего юбилея колхоза «Большевик», Гусь-Хрустального района, Владимирской области, о бессменном председателе артели Герое Социалистического Труда А. В. Горшкове. И сразу в памяти учительницы всплыли картины далекого прошлого: ведь там, неподалеку от этого колхоза, погиб от руки бандитов-подкулачников ее муж Василий Евстафьевич, парторг железнодорожной станции Нечаевская. Коммуниста Стрельцова связывали узы крепкой дружбы с колхозным вожаком Акимом Васильевичем Горшковым.

Антонина Александровна написала А. В. Горшкову письмо. Аким Васильевич, депутат Верховного Совета РСФСР, приехав в Москву на сессию, побывал в школе, встретился с женой друга и ее воспитанниками, пригласил учительницу и ребят приехать на практику в колхоз «Большевик».

Приглашение было принято. С волнением выходила из вагона учительница на станции Нечаевская. Как все изменилось здесь, в некогда глухой междерской лесной стороне! На месте маленькой деревушки — благоустроенный поселок, окруженный

садами. Над крышами домов — телевизионные антенны, в окнах светятся электрические огни.

Ребята поселились в палатке на опушке березовой рощи, неподалеку от центральной усадьбы колхоза. Они работали на колхозных полях и огородах, в свободное время участвовали в колхозной самодеятельности, соревновались с юными физкультурниками села.

Колхозники дали отлич-

ную оценку работе московских школьников на практике.

Ребята подарили колхозу гербарий, собранный в окрестных лесах, картины из своей школьной галереи.

Дружба московских школьников с колхозниками Междерки продолжается.

Н. ИСАЕВ,
корреспондент
газеты «Локомотив»
г. Муром.

Ученики 319-й школы в колхозе «Большевик».

ГАВРОШ НАШЕЛСЯ!

В «Огоньке» № 36 была напечатана заметка В. Платонова «Где ты, Гаврош? Откликнись!». В заметке рассказывалось о мальчике, который ходил по вагонам и попрошайничал; о том, как о малыше позаботились демобилизованные воины и доставили его домой, к матери. Недавно о дальнейшей судьбе «Гавроша» рассказал в газете «Биробиджанская звезда» М. Бородулин. Вот что он пишет:

«Судьбой «Гавроша» заинтересовались многие читатели «Огонька», в том числе и журналисты районной газеты «Петровск-Забайкальская правда» Читинской области. Они узнали адрес матери мальчика, которая рассказала им, где он находится теперь. Оказалось, что «Гаврош» — Николай Васильевич Павловский — живет в селе Амурзет и работает печатником в типографии районной газеты «Амурский колхозник».

...Нелегко сложилась жизнь у Коли. Ему не было еще и пяти лет, когда началась Великая Отечественная война и на фронт ушел отец — Василий Иванович Павловский. В грозном 1941 году семья получила известие о гибели Василия Ивановича. Все заботы по воспитанию детей легли на плечи матери, а она, работая на производстве, не могла уделять им много внимания. Так целыми днями шатался по улицам, заводил случайные знакомства, становился непослушным. Встреча с солдатами, их горячее участие вернули мальчика в семью, он снова пошел в школу, стал прилежным учеником.

Шли годы. Николай Павловский закончил пять классов, потом школу ФЗО, получил специальность плотника-судостроителя. Он работал в порту Байкал матросом на самоходной барже,

Николай Павловский.
Фото М. Бородулина.

рулевым на пароходе «Третий Интернационал», вечерами занимался в школе рабочей молодежи. В 1953 году юноша успешно окончил семилетку, а в конце того же года снова сел за парту, на этот раз в училище механизации сельского хозяйства. Потом Николай работал трактористом в колхозе «Памяти Сталина», Иркутской области, служил в рядах Советской Армии. В ноябре прошлого года демобилизовался и приехал работать в Амурзет. Здесь он нашел и свое личное счастье. Недавно в семье произошло радостное событие: жена Николая Васильевича, повар местной чайной Ирина Ярополова, родила двух девочек-близнецов: Таню и Свету.

Когда я пришел к Николаю с журналом «Огонек» и мы вместе прочитали письмо Платонова, прошлое встало в памяти «Гавроша». Он с благодарностью назвал чутких и отзывчивых людей, принявших участие в его судьбе. Это и воин Советской Армии Платонов, и мастер училища механизации сельского хозяйства Иванов, и товарищи по учебе — коммунист Мартынов и комсомолец Бийзон, — и бывшие сослуживцы — офицеры Кубрин и Шаневский, сержант Тросиненко, и многие другие, кто помог ему найти правильную дорогу в жизни...

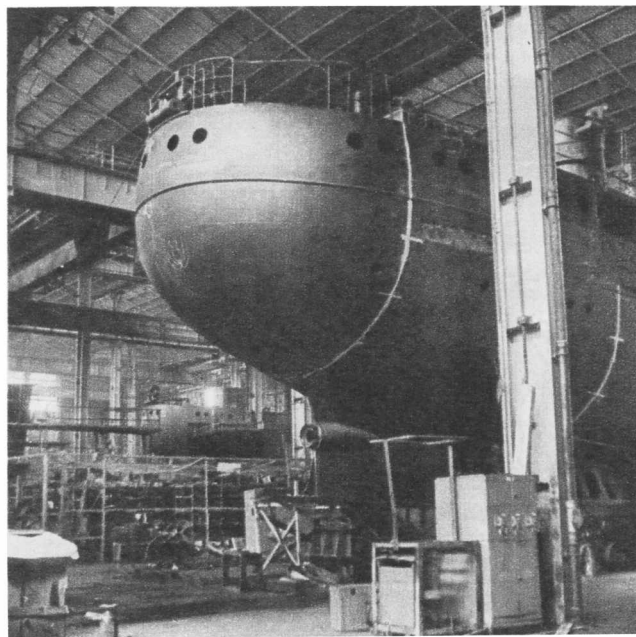
Любопытно, что в редакцию «Огонька» написал вторично и автор заметки «Где ты, Гаврош?..» Владимир Павлович Платонов:

«Спешу поделиться с Вами своей радостью! Сегодня получил письмо от самого «Гавроша» — Михаила Петровича Долгова. Оказывается, он сейчас живет в Карагандинской области. Пишет, что хорошо помнит этот случай, и благодарит за то, что мы ему тогда помогли. Письмо коротенькое, о себе он больше ничего не сообщает. В конверте, кроме того, была вложена вырезка моей заметки в 36-м номере «Огонька».

Так вот, оказывается, какие дела! Нашелся-таки тот мальчонка! Выходит, недаром мы ему помогли. Он выполнил свое обещание и стал настоящим советским человеком.

Много писем пришло мне со всех концов страны. Все спрашивают: какова дальнейшая судьба «Гавроша»? Все, кто пишет, полны сочувствия к судьбе этого малыша, а в нескольких письмах описываются подобные же случаи.

В чем же дело? Кто настоящий «Гаврош»? Теперь уже трудно сказать. Так много схожих примеров отзывчивости советских людей.

На Балтийском судостроительном заводе в Клайпеде.
Фото Ю. Каценбергаса.

Надежные корабли

На траулерах, которые уходят в Северную Атлантику, на грузовых теплоходах, плывущих по рекам Одер, Неман, Висла, на крупных морских доках, появляющихся в портах многих стран мира, стоит марка: «Сделано в Клайпеде». Это новый центр советской кораблестроительной промышленности.

Из просторных цехов Балтийского судостроительного завода, построенного с учетом новейших достижений кораблестроительной техники, каждый месяц сходят на воду несколько судов.

В сборочном цехе мы познакомимся с Альдоной Кранаускайте, оператором копировально-масштабной машины. Эта сложная машина недавно экспонировалась на выставке в Москве, а теперь прибыла на завод. Машина умна и экономична: она копирует чертеж и передает приказ газорезательной машине, которая точно по чертежу режет плотные стальные листы для корабельного остова.

Здесь есть машины, созданные в Москве и Ленинграде, на заводах Чехословакии и Венгрии.

Осмотрев новое судно «Тельшай», которое скоро поступит в распоряжение моряков, старший помощник капитана П. Н. Пышкин сказал:

— Литва дает рыбакам вполне современный, быстрый, надежный флот. По-моему, и это отличное судно. Вот скоро пойдем на нем в океан на лов и уж там учиним «Тельшай» строгий экзамен...

Д. ВЕТРОВ

ТРАКТОР «КАПИТАН»

В Пинском краеведческом музее (Брестская область) демонстрируется трактор «ХТЗ». Интересна история этой машины.

Двадцать лет назад, сразу же после воссоединения западных областей Белоруссии в едином социалистическом государстве, в один из отдаленных районных центров — Давид-Городок — начали по-

ступать книги, различные товары, материалы. Вскоре была создана машинно-тракторная станция. Прибывший первый трактор «ХТЗ» направили в деревню Ремель в помощь молодой сельхозартели «Заветы Ленина».

Но вот наступила война. Чтобы машина не досталась врагу, тракторист Василий Емельянович Кошмар разоб-

рал трактор на отдельные узлы и с помощью колхозников часть из них опустил в озеро, а часть зарыл в землю.

После войны, когда ремельцы взялись за восстановление разрушенного колхоза, они вспомнили о тракторе. Живым оказался первый в деревне механизатор Василий Кошмар. Машину по частям откопали. На волах притащили раму, колеса, головку блока. Тракторист собрал машину и в послевоенные годы вспахал ею более 3,5 тысячи гектаров. За трактором № 1, проложившим первые борозды колхозного поля, утвердилось прозвище «Капитан».

В 1956 году дирекция МТС передала «Капитан» в Малешевскую среднюю школу для производственного обучения. Выступая на торжестве по случаю передачи, бригадир трактористов Михаил Иванович Шевчук сказал:

— Эта машина — живой свидетель истории нашего времени. Изучайте ее, овладейте техникой и помните, как свято народ хранит общественное достояние.

В школе организовался кружок трактористов. Ребята не раз разбирали и собирали трактор. Летом «Капитан» обрабатывает пришкольный участок.

Минувшей весной исторический трактор «пошел на отдых» — его передали Пинскому музею.

Трактор «Капитан» во дворе Пинского музея.
Фото В. Пономарева.

Народному поэту

К Голубым озерам собрались жители окрестных горных деревень, далеких селений, чтобы присутствовать на открытии памятника поэту-кузнецу Кязиму Мечиеву. Родоначальник балкарской поэзии подарил своему народу свободолюбивые, задушевные песни. И теперь, через сто лет после рождения поэта, народы Кавказа помнят и любят его творения, чтят его память.

На снимке: митинг, посвященный открытию памятника Кязиму Мечиеву.

Фото М. Судакова.

И. ДУДНО

Варвара КАРБОВСКАЯ

Рисунки В. Черникова.

— Алло? Ольга Николаевна? Это Сергей говорит. Здравствуй-те, Ольга Николаевна. Поздравляю вас с наступающим праздником. Если можно, позовите, пожалуйста, Наташу.

— Да, да, Сереженька, конечно, подождите минуточку.

Ольга Николаевна не зря сказала «подождите минуточку». Ей хочется поделиться с дочерью своими соображениями относительно

Сергея. Она входит в комнату, где Наташа жужжит пылесосом. Наташа не слышала телефонного звонка.

— Наташа, Сережа звонит. Я хотела тебе сказать...

Ну, ясно, бросила пылесос и помчалась к телефону. Конечно, ей гораздо интереснее, что скажет Сережа, и совсем неинтересно, что будет говорить мама! И напрасно, потому что мать всегда желает ей только добра; она хотела сказать: удивительно милый и вежливый этот Сережа! Бывало, Генка как звонил: «Позовите Наташу!». Ни здравствуй, ни пожеланий, ни спасибо. А ведь отлично знал, что никаких посторонних в квартире нет, если подходит к телефону, то только мать. И норовил встретиться с Наташей где угодно, лишь бы не дома. Слава богу, все это кончилось. А Борис?

Тот уж был совсем нахал. «Дайте Наташу!» Главное дело — дайте! Между прочим, сын профессора. Нет, Сережа определенно нравится Ольге Николаевне. Она рассуждает как мать: Наташе двадцать четыре года, квартира большая, зять будет жить вместе с ними. Генка и Борис в зятья не годились. Она с ними едва здоровалась, а по телефону кисло отвечала: «Наташи нет дома» — и хлопала трубкой. А Сергея она зовет Сереженькой. Но с Наташей невозможно говорить на эту тему. Как-то Наташа сказала чуть не с истерикой в голосе: «Мама, я прошу тебя не планировать и не сватать, как ты имеешь обыкновение! Ты только все портишь. Неужели ты этого не понимаешь?» Ну, конечно, мать все портит, когда мать желает только добра... Пойти все-таки послушать краем уха.

Наташа сидит на письменном столе, рукой прикрыла трубку телефона, тихонько говорит:

— Да, да, Сережа... договорись, да...

— Ты ему скажи: приходи к нам на праздники, — суфлирует Ольга Николаевна.

Наташа нетерпеливо отмахивается. Ясно, на мать можно только махать рукой. А если бы она не отвалила Генку, то неизвестно, чем бы все это кончилось.

Наташа кладет трубку, соскакивает со стола. Лицо у нее счастлирое, она даже мимоходом целует мать в щеку. Вот и хорошо, даже матери рикошетом достался поцелуй, а то они все утро понемножку ссорились, убирая квартиру к празднику. Когда по утрам Наташа спешит на работу, ей некогда приласкаться к матери. Когда возвращается с работы, устала. А когда мать скажет: «Тебе пора замуж», — тогда уже сплошные неприятности.

— Придет он к нам? — осторожно спрашивает Ольга Николаевна, чтобы не спугнуть Наташино хорошее настроение.

— Мы условились идти вечером смотреть иллюминацию. Он говорит: оденься потеплее, потому что будем ходить долго.

— Ну вот, разве Генка бы так сказал? Ему было абсолютно наплевать, тепло тебе или холодно. Только о себе и заботился. Эгоист — и больше ничего!

Вечером Наташа выходит из метро на площади Революции. Она думала, что сразу увидит Сергея на маленькой площадке около телефонов-автоматов. Но там была целая толпа мужчин, молодых и даже не очень молодых; все они стояли, вытянув шею, и не спускали глаз с дверей метро.

«А вдруг его еще нет? — подумала Наташа. — Тогда лучше поскорей обратно в вестибюль, спуститься по эскалатору, опять подняться, только бы не прийти первой и не дожидаться. Это ужасно! А почему ужасно? Да потому

Из истории
"Огонька"

История двух картин

Все началось со случайного разговора. Я рассказывал о том, как создавался музей Н. А. Некрасова в Карабихе и с каким трудом удавалось найти вещи, принадлежавшие Некрасову. Елена Александровна Некрасова-Крыжицкая, моя двоюродная сестра, внучка брата поэта, Федора Алексеевича Некрасова, открыла ящик стола и положила передо мной почтовую открытку. На ней была изображена голова рысака. Посмотрев на открытку, я вспомнил семейную фотографию, сделанную в последние дни жизни деда: тяжелобольной Федор Алексеевич сидит в кресле-коляске. Справа от него, на стене, висит большая картина: голова рысака в натуральную величину. В этом кабинете находится и

вторая картина, на которой изображалась кобыла. Имя Карабиха было куплено Николаем Алексеевичем в середине прошлого

века. Здесь с 1862 года и до конца жизни поэт проводил летнее время. Незадолго до смерти Николай Алексеевич продал Карабиху брату Федору, оставив за собой право пользоваться флигелем. В нем и был его рабочий кабинет, сейчас сохранный как мемориальный музей-квартира. По рассказам отца Елены Александровны, картины были нарисованы художником Н. Г. Сверчковым и висели в кабинете поэта. Затем они были увезены в Петербург и проданы антиквару. С этого времени и потеряны след картин. На открытке, найденной Еленой Александровной, стояла надпись: «Музей Всесоюзного научно-исследовательского института коневодства». Мы пошли в музей. Там висели подлинные картины Сверчкова.

Документы музея не уназывали, как картины попали в музей. Ответ, очевидно, может дать история музея. Начало ей положила коллекция картин большого любителя живописи, бывшего коннозаводчика Я. И. Бутовича. В двадцатых годах Бутович передал свою обширную коллекцию государству. Его назначили директором организованного под Тулой музея коневодства. Вероятней всего, Бутович приобрел некрасовские картины у антиквара.

Москва.

Н. НЕКРАСОВ

ШАЛОСТИ ПЕРА АНАТОЛЯ ФРАНСА

Перед нами двадцать четыре неизвестные почтовые открытки Анатоля Франса. Они были адресованы на имя литератора и переводчика А. М. Аничковой, печатавшейся под псевдонимом «Иван Странник». Ее книга очерков о Л. Толстом, Чехове, Горьком, Короленко была отмечена в 1902 году премией Французской академии.

Корреспонденция Франса относится к 1903—1905 годам. Эти письма Франс написал не за столом своего знаменитого кабинета. Открытки с видами и штемпелями Руана, Рима, Венеции, Константинополя писал Франс-путешественник.

На трех открытках, где изображен сам писатель, Франс сделал шуточные подписи: «Не пугайтесь старого черта. Анатолий Франс»; «Развлекайтесь хорошенько. Это важная обязанность. Анатолий Франс»; «Однажды... Остальное вам расскажет маменька. Анатолий Франс».

Автографы Франса хранятся в Центральном государственном архиве литературы и искусства СССР.

Москва.

Н. АЛЕКСЕЕВ

что, когда девушка...» Но она не успела додумать и подыскать подходящее объяснение, почему юноше ждать полагается, а девушке совестно и неудобно... Сергей уже взял ее под руку и вывел из толпы ожидающих своего счастья.

Нет, она все-таки не оделась тепло, как он просил: прозрачный шарф, туфельки, чулки-паутинки.

— А разве плохо?

— Нет, хорошо, красиво, как всегда. Но я боюсь, что ты замерзнешь, ведь мы договорились гулять долго.

В этот вечер как будто вся Москва собралась на Красной площади, на Москворецком мосту. А в Москве-реке вместо воды сплошные огни. Очень хорошо бродить вдвоем в такой толпе. Лучше всего обнявшись. И молчать.

«Даже лучше молчать,— думает Наташа.— Генке можно было сказать: «Ой, смотри, Генка!» — и начать хохотать. А Сереже нельзя сказать: «Ой, смотри, Сережа!»». Это все равно, что сфальшивить в хорошей песне. Но песню пусть ведет он».

— Наташа, пройдемся по набережной. Я говорил, что нужно одеться теплее, руки дрожат, замерзла, да?

Почему нельзя сказать правду: «Нет, я не замерзла, Сережа, я в тебя влюблена. Я вся, как натянутая струна, поэтому я и дрожу. На поэтическом языке это называется «трепетать». Вот поэтому я и трепещу... Глупо, может быть, зато правда». Но этого сказать нельзя ни в коем случае.

— Нет, мне совсем не холодно, тебе показалось.— И, чтобы доказать, что она спокойно может любоваться иллюминацией, она говорит: — Как красиво вырисовывается Кремль на фоне зарева от иллюминации. А луна!

Вот этого бы ей как раз и не следовало говорить — про луну.

— Луна? — переспрашивает Сергей, и в его голосе нет ни одной лирической нотки. Так автомоби-

листы произносят слово «Волга» или «ЗИЛ». — Ты подумай, Наташа, у нас с тобой совершенно одинаковые мысли! Я только что хотел тебе сказать: посмотри на луну. Она перестала быть какой-то бутафорией для влюбленных. Наоборот, теперь влюбленные должны от нее прятаться, правда? Потому что про нее столько знаешь, что хочется о ней говорить и говорить. И это отвлекает... Но удержаться и не говорить о луне нельзя!

«Нет, я бы удержалась,— думает Наташа.— И мы не прячемся, значит, мы не влюбленные. Он, во всяком случае. И он может говорить и говорить обо всем. Если захочет, скажет: «Я люблю тебя, Наташа». А не захочет — не скажет. Для него все просто и легко. А для меня...»

— Ты подумай, Наташа, сколько хороших поэтов, а еще больше плохих писали про луну. И всегда это было: она — луна, бледная луна, луна, заглядывающая в лицо, улыбающаяся луна... Чем улыбающаяся? Кратером Альфонса, да? Только один Маяковский попал в точку, сказав про луну, что «ее без спутников и выпускать рискованно!» Сейчас тоже все пишут, но лучше всех, конечно, ученые, это захватывающе интересно. Но и прозаики и поэты не могут не писать о луне. Это сегодняшний и завтрашний день, это вошло в жизнь, это наполняет тебя какой-то необыкновенной гордостью за человека! Правда?

— Да,— соглашается Наташа.— У тебя сейчас в лунном свете лицо белое-белое...

— Но ты, конечно, знаешь, что никакого, собственно, лунного света нет. Луна светится отраженным светом Солнца. И когда мы с тобой вот так смотрим на нее и думаем, что она может стать великопленным стартом для космических ракет — ведь там полный вакуум, ты не забываешь об этом? — то прямо дух захватывает!

— Да,— говорит Наташа. Она

больше не дрожит от волнения, ей холодно.

Сергей думает: «Для нее все просто, она может молчать и молчать. Это мне нужно спросить. В старину была определенная формула: хотите ли вы быть моей женой? Это называлось — предложение. Сейчас это немыслимо, это сухо и официально, как заявление в отдел кадров. И потом невозможно при луне: она действительно чертовски отвлекает».

Они сворачивают в переулок. Здесь тоже светло, но это розовый свет от иллюминации, от электрического зарева. Сергей берет Наташу за плечи, поворачивает ее лицом к себе. Милое большоглазое лицо с каштановой прядкой на лбу.

— Наташа. Когда мы будем вместе... в общем, когда мы поженемся, мы повесим на окне жалюзи, чтобы не говорить только о луне, да?

— Да.— Она кладет ему голову на плечо и шепчет: — Только я думала, что «жалюзи» нужно говорить с ударением на первом слоге, а не на «и».

— Нет, на «и». Жалюзи — от французского слова «ревновать». С улицы через деревянные шторы ничего не видно, а из дома ревнивец мог подглядывать.

— Мы никогда не будем подглядывать друг за другом.

— Нет, мы не будем...

Можно произносить какие угодно слова, но когда стоишь вот так рядом, обнявшись, то каждое слово, даже такое ненужное, как «жалюзи», звучит как «люблю».

Наташа вернулась домой в час. Если бы она ходила с Генкой или с Борисом, то был бы грандиозный скандал. На этот раз Ольга Николаевна намерена быть корректной, как и подобает матери в таких случаях. Тем более, что она полностью за Сережу. Но спросить ей все-таки хочется.

— Хорошо погуляли, интересно поговорили?

— Очень интересно, мамочка! Про кратер Альфонса.

— Кого? — настораживается Ольга Николаевна, но вовремя вспоминает: — Да, да, я слышала про это по телевизору, я помню, необыкновенно интересно. А как вы договорились, он завтра придет?

— Да, мама, мы проведем праздник вместе. И вообще... Ты знаешь, мы решили, что в моей комнате надо будет повесить жалюзи.

— Жалюзи? Разве это правильно — ударение на последнем слоге?

— Да, правильно, Сережа мне объяснил.

Ольга Николаевна глубоко вздыхает. Если говорили о шторах — значит, все правильно. А на каком слоге ударение, это не имеет никакого значения, так же как и лунный кратер в семейных вопросах. Нет, конечно, она интеллигентная женщина и понимает всю важность космических открытий. Но на земле тоже все должно быть по-земному, по-хорошему... И какое счастье, что это не грубиян Генка, которого она отвадила, и не такой, как Борис! Мать тоже делает свои открытия. И всегда желает только добра!..

РЕДКОЕ РАСТЕНИЕ

В горах Тянь-Шаня и Джунгарского Алатау исследователи очень редко встречают интересное растение, впервые открытое в 1841 году известным русским путешественником и естествоиспытателем, исследователем Средней Азии Г. С. Карелиным в одном из ущелий. В честь знаменитого естествоиспытателя Соссюра Г. С. Карелин назвал впервые открытое им растение «Соссюрей одетой».

Это — довольно крупное растение, растущее в ледниковой зоне гор. Цветок напоминает капусту по виду и по размеру. Сердцевина цветка как бы завернута бело-желтыми крупными лепестками.

Среди местного населения бытует поверье: всякий, кто сорвет этот цветок, непременно будет иметь несчастье. «Ну, что же,— говорят ботаники,— тем лучше для этого растения. Оно, таким образом, лучше сохранится в природе».

Участник экспедиции в Тянь-Шань альпинист Юрий Вотрин сфотографировал редкое растение на одной из полянок, прилегающих к леднику в Центральном Тянь-Шане, в укромном местечке, где этот крупный цветок не привлек внимания ни человека, ни животных.

В. РАЦЕК,
действительный член Географического общества СССР

Ташкент.

КОВАРСТВО ХИЩНИКА

На Васильковской птицефабрике произошел любопытный случай. На птичьем выпасе вдруг появился коршун с явным намерением поживиться легкой добычей. Его отогнали камнями и криком. Тогда коршун удалился метров на четыре-ста в сторону, опустившись в пшеничное поле. Убедившись, что опасность миновала, работники снова занялись своим делом. Но не прошло и десяти минут, как одна из птичек увидела, что из пшеницы стремительно выбежал коршун, бросился на курицу, убил ее и потащил к пшенице. Работники погнались за коршуном. Он попытался подняться с добычей в воздух, но не смог, бросил ее и взмыл на большую высоту. Чтобы схватить курицу, коршун почти полкилометра пробирался через пшеницу, а последний участок преодолел, быстро перебегаая от одного предмета к другому и маскируясь.

Б. КУРЧЕВ

Город Васильков.

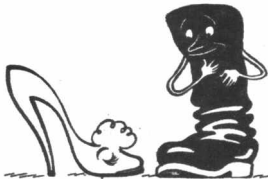
басни

Ф. КРИВИН

Рисунки Гр. Оганова.

ТУФЛЯ

Нарядная туфля — царица паркета. Вздыхают по ней сапоги и штиблеты. И только обутая в туфлю нога в ней видит жестокого, злого врага. Ей, видимо, больше о туфле известно: у них отношения самые тесные.

НАБИТЫЙ ПОРТФЕЛЬ

Портфель имеет важный вид, Портфель бумагами набит. Он раздувается, растет, Он главная причина Того, что умином слывет Набитый дурачина.

ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ

Развязный галстук весел и беспечен, И жизнь его привольна и пестра: Заглядывает в рюмку что ни вечер, Болтается по скверам до утра, Сидит на шее и забот не знает, И так в безделье проживает век...

Подумайте:
А ведь его хозяин
Вполне, вполне приличный человек!
Ужгород.

МАСТЕРА ПЕЧАТНОЙ МИНИАТЮРЫ

И. И. Дубасов.

С. И. Аферов.

Рисунки художника московской печатной фабрики Гознака С. Адрианова.

Первую марку Иван Иванович Дубасов нарисовал в 1922 году. Молодой художник тогда только демобилизовался из Красной Армии. Узнав, что Народный комиссариат почт и телеграфов объявил открытый конкурс на рисунок марки к пятой годовщине революции, Дубасов решил попытать счастья. Ему не приходилось заниматься марками. К тому же у художника не было красок. Выручила случайно найденная в аптечке сылянка с марганцевым калием.

Марка Дубасова, на которой был изображен рабочий, высекший на камне «РСФСР — 1917—1922», завоевала на конкурсе первую премию. Автору причиталось получить миллион рублей. Пока он пришел за ними, произошло очередное повышение курса рубля.

В такое напряженное для гознаковцев время и попал в их коллектив И. И. Дубасов. А в 1924 году он делает первую советскую марку с портретом Владимира Ильича Ленина. Это были дни траура. Марка должна была поступить в обращение в день и час погребения вождя. Художнику удалось выполнить точно в срок получившую мировую известность марку.

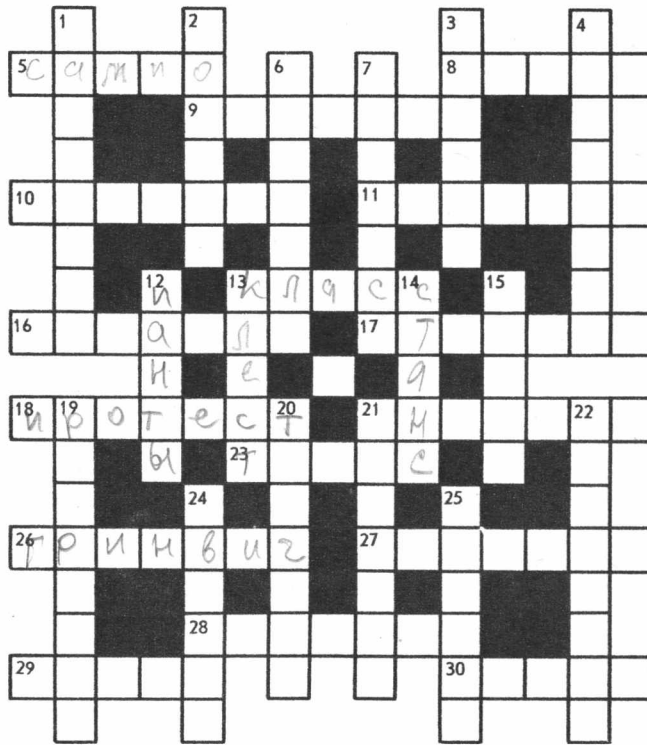
Сто семь почтовых марок вышло из-под кисти Дубасова. Далеко за пределами страны известны его марки этнографической серии, периода Великой Отечественной войны, первая марка с портретом В. В. Маяковского. Ему принадлежит одна из лучших советских почтовых марок, изданная к 75-летию со дня рождения А. М. Горького.

Художник Дубасов — автор рисунков почти всех денежных знаков, бывших в обращении за последние тридцать лет.

Семен Иванович Аферов — тоже старейший художник Гознака. Он воспитал большую группу гравёров. Он воспроизвел на металле образ Владимира Ильича Ленина, вырезал изображение Кремля. Эти рисунки мы видим на деньгах. Теперь ученики Аферова — Татьяна Никитина, Лидия Майорова, Иван Сапронов, Владимир Смирнов — сами неплохие гравёры. Им принадлежит серия металлографских марок «Столицы союзных республик», которая недавно увидела свет.

И. И. Дубасову и С. И. Аферову присвоено звание заслуженных деятелей искусства РСФСР.

Г. ВЕРШУБСКИЙ

КРОССВОРД

По горизонтали:

5. Карельский балет. 8. Севанская форель. 9. Французский философ XVIII века. 10. Витамин. 11. Метеорный поток, наблюдаемый в ноябре. 13. Школьное помещение. 16. Живописец эпохи Возрождения. 17. Морское судно. 18. Решительное возражение. 21. Немецкий композитор, живший в Англии. 23. Радиоактивный минерал. 26. Округ Лондона, расположенный на нулевом меридиане. 27. Единица измерения массы. 28. Химический элемент, полупроводник. 29. Персонаж пьесы М. Горького «На дне». 30. Текстильное изделие.

По вертикали:

1. Известная прядильница. 2. Посевы без полива в Средней Азии. 3. Один из персонажей «Русского леса» Л. Леонова. 4. Крупная обезьяна. 6. Ткань с двусторонним начесом. 7. Памятник, монумент. 12. Мягкие рога оленя. 13. Птица хвойных лесов. 14. Стихотворение из четырнадцати строк. 15. Болгарская волынка. 19. Остров в Индийском океане. 20. Советский химик, академик. 21. Цветок. 22. Шведская писательница. 24. Корнеллод. 25. Жатвенная машина.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 44

По горизонтали:

4. Владивосток. 9. Золото. 10. Хребет. 11. Рында. 14. Селмджа. 17. Исландия. 19. Калан. 20. Аспект. 21. Гремлин. 22. Канон. 24. Гарнитур. 25. Женьшень. 27. Коряк. 30. Индиго. 31. Треска. 32. Металлургия.

По вертикали:

1. Балкон. 2. Павлин. 3. Стокер. 5. Дворжак. 6. Сахалин. 7. Корреспондент. 8. Бетонномешалка. 12. Деканат. 13. Пианино. 15. Дукал. 16. Олень. 18. Лоран. 22. Крюкова. 23. Эжектор. 26. «Сирена». 28. Рублев. 29. Беринг.

Случай во дворе

Виктор ПОПОВКИН

Мальчишки девчонок не взяли!
Куда

не взяли?

На Марс!

Девчонки молчали.

Девчонки кричали.

Кричали,

руками махали:

— Вспомнят еще про нас!

Космонавты спокойны,

космонавты не сдали:

— Отойдите,

а то поколотим!

Грохочущий ящик царапал здание:
ракета —

в полете!

Мальчишки в космос слетали...

Со лбов загорелых

вытерли пот.

И тут-то

девчонки

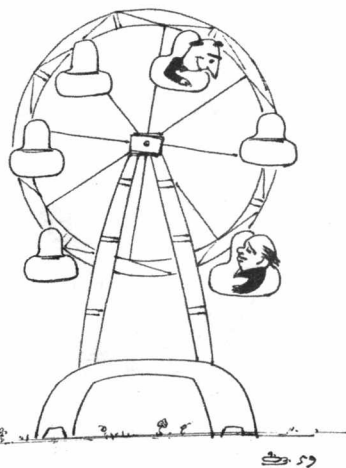
сказали:

— Мы вашу ракету...

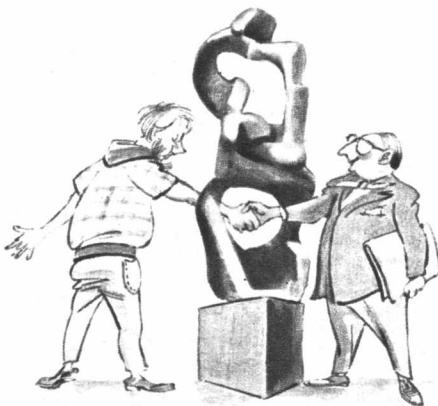
к водосточной трубе привязали!..

Еще до полета.

Вот!

— Наконец-то я свысока смотрю на
Ивана Ивановича!
Тбилиси. Рисунок Г. Пирцхалавы.

За рубежом

Художник критику: «Спасибо за вашу
правдивую статью о моем шедевре».
Ленинград. Рисунок Б. Семенова.

— Только не обращайтесь внимания на моего сына...

Рисунок И. Оффенгендена.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ. Редакционная коллегия: Б. В. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. А. КУДРЕВАТЫХ (заместитель главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, Д. Т. ЛОБАНОВ, И. Ф. ТИТОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

Рукописи не возвращаются.

Оформление Л. Шумана.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-36-53; Искусств — Д 3-38-33; Литературы — Д 3-31-83; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-08; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-59.

А 01003. Подписано к печати 28/X 1959 г. Формат бум. 70×108%. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 1 500 000. Изд. № 1560. Заказ № 2455.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

